Государство и социальные структуры на древнем Востоке

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Государство и социальные структуры на древнем Востоке

Москва
"НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1989

ББК 63.3 (0) 3
Г 72

Ответственный редактор
М.А. ДАНДАМАЕВ

Рецанзанты
Ю.В. АНДРЕЕВ, И.М. ДЬЯКОНОВ, С.Р. ТОХТАСЬЕВ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения АН СССР

Государство и социальные структуры на древнем Востоке.
Г 72 Сборник статей. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. — 158 с.

ISBN 5-02-016575-1

В сборнике рассматриваются проблемы воздействия государства и общественной надстройки на зкономическую и социальную структуру общества. Сделана попытка выяснить, как надстройка содействуат развитию и оформланию базиса в различных регионах Востока на протяжении всай древности. Предметом иссладования являются также прямые усилия государства взять в свои руки контроль над социальной структурой общества и ае формированием, регламентировать через посрадство права социальные отношения и способствовать укрепланию того строя, который отвечает интересам господствуюших классов.

Г $\frac{0503010000-137}{013(02)-89}$ 19-89 ББК 63.3 (0) 3

ISBN 5-02-016575-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема возникновения государства и эволюции органов государственной власти многократно рассматривалась в советской исторической литературе. Однако до сих пор мало внимания уделялось изучению процессов обратного воздействия государства и общественной надстройки, т. е. политических и идеологических институтов и представлений на экономическую и социальную структуру общества. Этим вопросам и посвящен настоящий сборник, авторами которого являются сотрудники сектора древнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В сборнике делается попытка выяснить, как надстройка содействовала развитию и оформлению базиса в различных регионах Востока, начиная от Египта и кончая Японией, на протяжении всей древности. Предметом исследования являются также прямые усилия государства взять в свои руки контроль над социальной структурой общества и ее формированием, как это было во времена наибольшего укрепления государственной власти в Египте разных периодов, Китае и Японии. Исследованы и взаимоотношения государства и общины на Ближнем Востоке на протяжении всей его древней истории, причины упадка государственного хозяйства и изменения, происшедшие в связи с этим в социальных структурах. В сборнике сделана также попытка показать, как государство через посредство права регламентировало социальные отношения и способствовало укреплению того строя, который отвечал интересам господствующих классов. Наконец, в сборнике рассмотрены отдельные плохо изученные государственные, религиозные и правовые институты и механизм их функционирования.

1-2 189

М. А. Дандамаев

ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ И ЭКОНОМИКА В ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ)

Для стран древнего Востока было характерно исключительное многообразие социально-экономических структур. Но среди этого разнообразия, по крайней мере для Ближнего Востока, можно наметить определенные закономерности. В III и начале II тысячелетия до н. э. на Ближнем Востоке царское, или государственное, хозяйство занимало ведущее место в общей структуре экономики. Государство в лице царя было собственником огромных земельных владений и ремесленных мастерских, разбросанных по всей территории той или иной страны. Основными работниками в этих хозяйствах были зависимые от государства люди. Некоторые группы таких слоев населения по своему социальному положению, а иногда и по формам эксплуатации были близки к рабам. При этом в царском хозяйстве труд рабов почти не применялся в отличие от частновладельческих хозяйств.

Во II—I тысячелетиях до н. э. ведущая роль в экономике принадлежала уже частновладельческим и храмовым хозяйствам, в которых в довольно широких масштабах использовался рабский труд. Однако на Востоке на всем протяжении древности труд свободных общинников, арендаторов и ремесленников играл очень важную роль, несомненно более значительную, чем рабский труд.

Естественно, в те периоды, когда царское хозяйство занимало значительное положение в общей хозяйственной структуре того или иного общества, государство оказывало большое влияние на экономику. Так, Законы Хаммурапи, действовавшие в Вавилонии с XVIII в. до н. э., устанавливали даже тарифы за определенные услуги. Эти же законы предусматривали ограничение долгового рабства трехлетним сроком. Шумерские и вавилонские цари издавали законы, периодически отменявшие долги (см., например, [Якобсон, с. 102 и сл.]). Аналогичная практика существовала и в Иудейском царстве. Позднее, когда в VI—V вв. до н. э. в Юго-Западном Иране возникло большое царское хозяйство, государственная администрация диктовала работникам этого хозяйства установленные ею цены (см. [Дандамаев—Луконин, с. 226 и сл.]). И наоборот, когда царское хозяйство играло лишь незначительную роль, вмешательство государства в хозяйственную жизнь страны было минимальным (например, в Вавилонии VII—IV вв. до н. э.).

Вавилонское общество состояло из полноправных граждан, свободных, лишенных гражданских прав (например, военных колонистов, служивших

в царском войске, купцов и чиновников чужеземного происхождения) и различных групп зависимого населения, отдельную прослойку которого составляли рабы. Граждане в отличие от остальных слоев населения были членами народного собрания. Существование народного собрания как органа местного самоуправления характерно по крайней мере для большинства стран древнего Ближнего Востока.

Таким образом, для месопотамских городов со времени их возникновения на рубеже IV—III тысячелетий до конца древности было характерно самоуправление свободных и формально равноправных членов общества, которые имели право принимать участие в народном собрании. В течение многих столетий происходила непрерывная борьба между царской властью и народным собранием.

Ассирийские цари в VIII—VII вв. до н. э. создали огромную державу, и их власть простиралась от Египта до глубинных районов Мидии. В завоеванных странах эта власть была безгранична и при малейшем сопротивлении непокорных связывали в живые пирамиды и сжигали. Но даже в этот период своего наивысшего могущества ассирийским правителям было неуютно в своей древней столице Ашшуре, где им приходилось бороться с теми, кто отстаивал свои традиционные гражданские права. Поэтому столица была перенесена из Ашшура в Кальху, а позднее в Ниневию.

Еще больше забот причиняли ассирийским царям вавилонские города с их неискоренимым стремлением сохранить свое древнее самоуправление и свободу от царской юрисдикции. Об этой борьбе между народным собранием и центральной властью, в частности, ярко свидетельствует официальный протокол переговоров ассирийского царя Ашшурбанапала с гражданами города Вавилона в конце первой половины VII в. до н. э. В этом документе говорится: „Вавилон — средоточие вселенной. Привилегии того, кто входит в него, незыблемы... Даже собака, вошедшая в него, не может быть убита" [Waterman, № 878]. До нашего времени сохранились памфлеты политической литературы, целью которых было обосновать вечность привилегий граждан и внушить последним гордость за свои свободы (ср. [Diakonoff, 1965; Marcus]). Народное собрание в Месопотамии оказалось жизнеспособным органом, пережившим империи ассирийских, вавилонских, персидских царей и Александра Македонского. Исчезновение народного собрания в первых веках нашей эры ознаменовало переход от древности к средневековью в Передней Азии и утрату гражданских прав и свободомыслия у городского населения этого региона. Таким образом, линия водораздела между древностью и средними веками падает на то время, когда исчезновение народного собрания привело к превращению сильного, сплоченного сословия свободных общинников в эксплуатируемый класс (ср. [Diakonoff, 1975, с. 128 и сл.]).

Наиболее концентрированно классовый характер древних обществ выражен в законодательных памятниках. В них контрастно противопоставлены друг другу различные социальные сословия, привилегии и обязанности которых четко оговорены. В текстах этого жанра особенно характерно противопоставление свободных и рабов, являвшихся полной собственностью своих хозяев. Религия была наиболее существенной частью

древней идеологии. При этом по письменным источникам невозможно определить возникновение религии нигде в мире, поскольку она зародилась на очень ранних этапах развития человеческого общества, еще задолго до изобретения письма. Однако клинописные и иероглифические тексты позволяют проследить ее эволюцию в Месопотамии и Египте в течение трех тысячелетий. Еще по крайней мере к началу III тысячелетия до н. з. египтяне и шумеры создали сложные религиозные системы. В каждом городе почитался местный бог-покровитель, а после создания централизованных царств там возникли также культы верховных государственных богов.

Возникновению религии предшествовал длительный период обобщения зачастую совершенно фантастических представлений человека о явлениях природы и общественных процессах. Но со сложением государства религия стала наиболее важной частью официальной идеологии. Религия освящала существующие общественные порядки. С этой целью в некоторых странах происходило даже обожествление царей. Например, египетские фараоны считались богами начиная уже по крайней мере с III тысячелетия до н. з. и до конца древности. Выступая в качестве земного воплощения бога Хора, они добавляли к своему имени его имя. Нарам-Суэн (2236–2200 гг. до н. з.), создатель государства Аккаде в Месопотами, стал называть себя „могущественным богом" и велел изображать себя на рельефах в головном уборе, украшенном рогами, которые были символом богов. Население должно было поклоняться Нарам-Суэну как богу, хотя до него никто из месопотамских царей не претендовал на такую честь, да и позднее у него в этом отношении были лишь единичные подражатели. Так, Шульги, который правил в Месопотамии через сто с небольшим лет после Нарам-Суэна, также добился своего обожествления, и в храмах ставились его статуи, которым надо было приносить жертвы.

Однако, за исключением Египта, обожествление царей не было характерно для других стран Ближнего Востока. Даже персидские цари из династии Ахеменидов, которые между 550 и 510 гг. до н. з. создали огромную мировую державу, простиравшуюся от Нубии (к югу от Египта) до Средней Азии и Северо-Западной Индии, считались лишь представителями богов на земле и не обожествлялись. Некоторые исследователи высказывали мнение, что ахеменидские цари обожествлялись (см. [Дандамаев, с. 243, примеч. 32]). В действительности же персам было чуждо обожествление людей в какой бы то ни было форме. В своих надписях Ахемениды называют себя только ставленниками бога Ахура-Мазды. Правда, у Эсхила (Persae 156–157) Дарий I и Ксеркс названы „богами персов", и Плутарх (Them. 27) говорит об обожествлении персами своих царей. Однако в обоих случаях такое утверждение является явным преувеличением и не находит подтверждения в древнеиранских и других источниках.

На всем протяжении древности почти во всех странах Ближнего Востока (кроме Иудеи и некоторых периферийных регионов) храмы были крупными землевладельцами и рабовладедьцами, занимались ростовщическими операциями, торговлей и т. д. Естественно, царская власть, за исключением отдельных кратковременных периодов, неизменно опира-

лась на поддержку храмов. Например, в Египте до ахеменидского времени храмы получали от государства все необходимое для отправления культа и существования жрецов. В конце III тысячелетия до н. з. в Южной Месопотамии храмовое хозяйство было поглощено царским, но впоследствии опять стало самостоятельным.

Цари постоянно дарили наиболее крупным храмам земли и военнопленных, которые обращались в рабов. Кроме того, вавилонские цари платили храмам десятину. Но после завоевания Месопотамии персами в 539 г. до н. з. царская десятина храмам была отменена. Теперь храмы сами обязаны были платить государству значительные денежные и натуральные налоги овцами, крупным рогатым скотом, ячменем, финиками и т. д., а также в ряде случаев снабжать продовольствием царских чиновников. В период ахеменидского господства (VI—IV вв. до н. э.) храмы должны были также выполнять государственные повинности, посылая своих рабов на работы в дворцовое хозяйство. Для обеспечения выполнения обязательств храмов перед государством в храмовое правление были введены царские уполномоченные и фискальные агенты, которые следили за своевременной и точной уплатой государственных податей и выполнением повинностей. В руки царских чиновников был передан также надзор над храмовым имуществом, и они регулярно устраивали ревизию зтого имущества (подробно см. [Дандамаев — Луконин, с. 344 и сл.]).

В центральной царской канцелярии Ахеменидской державы в Сузах существовало специальное учреждение для надзора над храмами. Например, предоставив Иерусалимскому храму ряд привилегий и финансовую поддержку, персидские цари одновременно приняли все необходимые меры, чтобы зтот храм находился под зффективным контролем государственной администрации. В частности, жрецы обязаны были молиться за жизнь персидского царя и его сыновей. Даже меры веса Иерусалимского храма утверждались персидскими царями. Последние установили также дневные выдачи для персонала этого храма. В Египте персидская администрация в лице сатрапа контролировала назначения на жреческие должности.

Хотя одной из основных функций всякой религии является держать в покорности зксплуатируемых, было бы большим упрощением сводить задачи религии только к обоснованию правомерности господства одних над другими. Во всяком случае, известные нам основатели крупных религий (например, Зороастр, Будда, Христос, Мухаммед), претендовавшие на получение божественного откровения, вовсе не были озабочены тем, чтобы предоставить богатым возможность угнетать бедных. Более того, нередко зти религиозные деятели сами выступали против отдельных форм социального гнета, запрещая отдавать деньги в ссуду под ростовщические проценты и призывая отменить долги.

Возникает вопрос: как идеологически обосновывалась необходимость держать в повиновении рабов и других представителей социальных низов? Как можно было заставить работать одних на других? Эксплуатация рабов была основана на прямом физическом принуждении: раб был собственностью своего господина. Если раб не слушался хозяина, законы пре-

дусматривали суровые наказания. Эксплуатации подвергались также различные группы населения, зависимость которых не носила рабского характера. Однако вопрос о характере эксплуатации социальных групп нерабской зависимости исследован еще недостаточно. По-видимому, эти люди, лишившись своей земли и связей с общиной, вынуждены были перейти в царское или храмовое хозяйство, а иногда и в хозяйства частных лиц. Что же касается арендаторов и наемных работников, то они работали по чисто экономическим причинам и после истечения срока контракта могли порвать все отношения с работодателем.

В любом обществе религия помогала держать в покорности угнетенные слои населения. Однако важно иметь в виду, как уже отмечал И. М. Дьяконов, что в древности на Востоке в отличие от средних веков не существовало каких бы то ни было спиритуалистических учений, обещавших загробное вознаграждение обездоленным людям и пугавших нечестивцев и угнетателей наказаниями в потустороннем мире. Хорошо известно, что в средние века и даже в более поздние времена эсхатологические учения о рае и аде в общем и целом, за исключением отдельных критических периодов, помогали держать в повиновении угнетенные слои населения. Время от времени десятки тысяч людей ждали дня светопреставления и наступления давно обещанного небесного царства и жаждали проститься с обременительным и скоротечным земным существованием.

Древний Восток еще не знал таких эсхатологических учений и не имел представления о рае и аде. Не только в клинописной, но и во всей обширной ветхозаветной литературе ни рай, ни ад ни разу не упоминаются, и единственное посмертное вознаграждение, которое обещал Яхве своим преданным поклонникам, это сделать их род неисчислимым, как морской песок или звезды на небесах. И наоборот, за грехи нечестивцев предполагалось наказать их детей и потомков до седьмого поколения.

Еще менее разработаны были представления о посмертном воздаянии за добродетельный образ жизни или за грехи в других древневосточных обществах. Хотя господствующая религия внушала всем слоям населения необходимость почитания богов, соблюдение существовавших в данном обществе норм морали, выполнение обязанностей, связанных с социальным статусом тех или иных членов общества, она не могла дать вообще никакого удовлетворительного ответа на вопрос, почему нередко праведные подвергаются постоянным злоключениям, а нечестивцы преуспевают. Господствующей религии приходилось ограничиваться бесперспективной попыткой внушить народу, что воля богов непостижима.

Более трех тысяч лет назад в Вавилонии были написаны поэмы, которые получили в ассириологии условные названия „Теодицея" и „Невинный страдалец". Герои этих произведений ставят извечный вопрос, почему праведники бедствуют, а нечестивцы безмятежно наслаждаются счастьем?

По вавилонским представлениям, миром правит верховный бог Мардук. Почитатели последнего ждут от него справедливости, но тем не менее он допускает, чтобы даже самые преданные ему люди страдали (ср. [Lambert, с. 27]). Праведник, который неукоснительно соблюдает все божеские установления и регулярно приносит жертвы, подвергается всяческим

гонениям. Он жалуется, что не только боги, но и родные отвернулись от него, что горе и голод иссушили черты его лица и от рыданий оно потемнело; царь находится на стороне богатых, и из амбаров бедных выгребают последние остатки; преуспевают лишь злодеи, которые не почитают богов и погрязли в грехах. На свои жалобы на несправедливость богов праведник получает только один ответ: смертные не могут постичь решения богов, живущих на небесах и в глубоких водах. Правда, в конце концов Мардук пожалел неудачника и одарил его счастьем. Но вряд ли такой литературный прием мог удовлетворить тех, кто возмущался социальной несправедливостью и неблагодарностью богов.

Как известно, образу невинного страдальца посвящена и библейская книга Иова, мужа непорочного, справедливого и богобоязненного. Все дети его гибнут, он лишается своей земли, и огонь пожирает его скот. Но Иов утешает себя банальной сентенцией: „Бог дал, бог взял". Затем проказа и другие несчастья поражают Иова, его гнойное тело кишит червями, от злоключений кости прилипли к коже, и жена стала гнушаться им. Тем временем злодеи и нечестивцы проводят свои дни в счастье. Бог наполняет их дома добром, хотя они говорят ему: „Отойди от нас, мы не хотим знать тебя". На все свои жалобы праведник получает ответ: „Бог непостижим, пути господни неисповедимы".

Важная особенность древних религий заключалась в том, что они не были догматическими и нетерпимыми по отношению к верованиям других народов. Поэтому лица, попавшие по каким-либо причинам на чужбину, сохраняя верность своим традиционным богам, тем не менее поклонялись и богам той страны, куда они прибыли. По той же причине в древности со стороны местного населения не было пренебрежения к верованиям чужеземцев. Представители различных народов жили бок о бок, вступали в деловые отношения друг с другом и заключали смешанные браки. Древности было чуждо враждебное отношение к обычаям, традициям и культуре соседних и дальних народов. Об этом свидетельствует бесчисленное количество фактов, на что нам уже приходилось обращать внимание (см. [Дандамаев — Луконин, с. 339 и сл.]). Поэтому ограничимся лишь несколькими примерами.

Ахеменидские цари выступали поклонниками не только своих, иранских богов, но также египетских, вавилонских, иудейского Яхве и других чужеземных богов. В храмах этих богов приносили жертвы от имени персидских царей, которые старались добиться благожелательного к себе отношения со стороны божеств других народов. Обычно это объясняют политическими соображениями, стремлением не создавать лишних препятствий к мировому господству и сохранить единство державы. Однако такое объяснение не состоятельно. Тем более невозможно согласиться с исследователями, которые полагают, что персидские цари пытались заменить в завоеванных странах местные религии зороастризмом (см. [Дандамаев — Луконин, с. 339]). Известно, например, что персы приносили жертвы греческим богам „по эллинскому обычаю" с помощью местных жрецов, нанятых за большие деньги, во время битв, когда они воевали с греками на земле последних (Herod. IX, 37—38). Персы, будучи в Греции, полага-

ли, что небесными хозяевами этой страны являются эллинские, а не иранские боги, которые мало чем могли помочь завоевателям в чужой стране. Таким образом, хотя Ахемениды считали своего верховного бога Ахура-Мазду самым могущественным богом, они веровали также в богов покоренных народов, поклонялись им и искали у них поддержки (ср. [Bickerman, 1976, с. 72 и сл.]).

Насколько персидские цари были далеки от мысли навязать покоренным народам свою религию или ущемлять их религиозные чувства, показывают документы из Персеполя, составленные на эламском языке в конце VI — начале V в. до н. э. Из них видно, что в городах Персии и Элама с царских складов отпускались продукты для отправления культа не только Ахура-Мазды и других иранских богов, но также эламских богов Хумбана и Шимута и вавилонского Адада. При этом, хотя при перечне богов Ахура-Мазда упоминается всегда на первом месте, для его культа выдавалось вина в три раза меньше, чем для верховного бога эламского пантеона Хумбана. Как отмечает издатель персепольских документов Халлок, администрация обращалась со всеми богами как с равными [Hallock, с. 5].

В ахеменидское время персы и другие чужеземцы, жившие в Месопотамии, брали такие вавилонские теофорные имена, как Нидинту-Бел („дар бога Бела"), Бел-ибни („бог Бел сотворил") и т. д., или, наоборот, вавилоняне называли своих детей теофорными иранскими именами (например, Митрадат — „данный богом Митрой"). Поэтому можно уверенно полагать, что носители таких теофорных имен поклонялись как своим традиционным, так и чужеземным богам.

Приведем еще несколько примеров. В VIII в. до н. э. ассирийцы уничтожили Израильское царство и переселили оттуда около 30 тыс. человек в Месопотамию и к востоку от нее, а на их место переселили жителей Северо-Западного Ирана. Очевидно, из-за непривычного климата переселенцы стали умирать от болезней в массовом порядке. Ассирийскому царю доложили, что эти люди гибнут от нападения львов, поскольку они не знают, как следует поклоняться местному богу. Тогда царь велел послать к ним жрецов Яхве, чтобы научить их традиционным обычаям почитания этого бога (IV Regn. 17: 24—27). Естественно, иранцы и другие племена, переселенные на чужбину, решили, что теперь им бесполезно почитать лишь своих племенных богов, и отныне считали своим богом также владыку страны, в которой им суждено было жить.

Александр Македонский после завершения своего индийского похода повелел эллинским жрецам и иранским магам совершить совместное богослужение и принести жертвы (Arrian. Anab. VIII, 11,8). Лишь отсутствием догматической нетерпимости в древних религиях можно объяснить тот факт, что одна арамейская надпись IV в. до н. э., найденная в Малой Азии, говорит о бракосочетании между вавилонским богом Белом и иранской богиней Дайна-маздаясниш (дословно „маздаяснийская вера"). Бел обращается к своей супруге со словами: „Ты — моя сестра; ты очень мудра и красивее других богинь" ([Lidzbarski, с. 69], ср. [Дьяконов, 1956, с. 398]).

В свете всего сказанного легко понять то глубокое почтение и уважение, с которыми Геродот относился к чужеземным религиям, и его боязнь говорить всуе о священных для других народов делах.

Для древнего Востока была характерна полная свобода вероисповедания, причиной которой были не политические мотивы, а отсутствие понятия о ложной вере, каких-либо формах ереси. Еретические учения не могли возникнуть при политеизме, так как всякий культ считался правомерным и имеющим право на существование. Раз признавалось многобожие, вполне логично и полезно было в случае необходимости добавлять к своим традиционным богам какое-то количество чужеземных богов, подобно тому как человек индустриального общества, имея на кухне газовую плиту, вовсе не откажется от того, чтобы рядом с ней стояла и электрическая. В силу указанных причин древний Восток в отличие от более поздних периодов не знал крестовых походов с целью распространения какой-либо религии.

Конечно, нам известно достаточно много случаев, когда тот или иной правитель стремился выдвинуть на первый план культ какого-либо одного бога в ущерб культам других божеств. Например, с возвышением Вавилона в Двуречье к середине II тысячелетия до н. з. бог-покровитель зтого города Мардук постепенно был объявлен верховным государственным богом страны. Или другой пример. В начале XIV в. до н. э. египетский фараон Эхнатон ввел новый единый государственный культ — древнее фараоновское божество, но не в виде прежнего бога, а как солнечный диск под названием Атон. Храмы прежних богов впали в немилость и лишились щедрой государственной поддержки. Само по себе зто явление совершенно не типично для древних обществ. Но и в данном исключительном случае не было никакого запрета почитать других богов. Когда в VII в. до н. з. к власти в Египте пришла династия, происходившая из города Саиса, культ его богини-покровительницы Нейт стал играть выдающуюся роль в религиозной жизни египтян. Последний вавилонский царь халдейской династии, Набонид, в VI в. до н. з. проводил значительные религиозные реформы, стремясь выдвинуть на первое место культ бога Сина в ущерб культу Мардука. Но он, конечно, продолжал поклоняться последнему и другим традиционным богам вавилонян и жертвовал в их храмы богатые дары. Иранский пророк Зороастр объявил Ахура-Мазду верховным богом, но тем не менее он не отрицал и существование других богов.

Еще в прошлом веке некоторые ученые высказывали совершенно неверное мнение, что древний Восток погиб из-за религиозного разделения людей, из-за презрения к культам иноверцев, затруднявшего контакты между людьми. В ряде современных трудов можно встретить утверждение, что религиозные распри в древних обществах ослабляли государственный строй (см., например, [Gray—Cary, с. 209]). Как писал Эд. Мейер, иудеи, жившие в V в. до н. з. на о-ве Элефантина в Египте, проявляли презрение к религиям иноверцев и усердно занимались обращением прозелитов в свою веру. Об зтом, по его мнению, свидетельствуют многочисленные указания папирусов относительно иудеев, отцы и деды которых носили египетские имена [Meyer, с. 76]. Однако в действительности про-

зелиты никому не были нужны в древности, ибо никто не был заинтересован в том, чтобы делиться с ними отнюдь не безграничными благодеяниями своих богов (ср. [Bickerman, 1980, с. 83]).

Все новое, независимо от того, хорошее оно или плохое, приходилось вводить силой. Когда стало складываться учение о строгом монотеизме и в V в. до н. з. иудейские законоучители Эзра и Неемия начали насильственно насаждать его среди своих соплеменников, был нанесен первый серьезный удар древним плюралистическим религиозным представлениям. Удары, которые обрушились на тех, кто поклонялся наряду с Яхве Ваалу, Астарте и другим финикийско-ханаанским божествам или заключал смешенные браки, встретили яростное сопротивление со стороны народа. Но после долгой борьбы, унизительных и мучительных наказаний, демагогии и важных зкономических реформ (в частности, периодической отмены долгов) удалось добиться торжества монотеизма. Тем не менее через весь Ветхий завет красной нитью проходит утверждение о том, что иудеи, заключив с Яхве договор о верности ему как своему племенному богу, в течение многих столетий нарушали его и именно позтому подвергались бесконечным карам.

Однако и после победы иудейского монотеизма речь шла только о попытке изолировать в культовом отношении один народ от остальных, не навязывая при зтом другим народам культ Яхве. Наоборот, идеологи иерусалимской общины, требуя от иудеев решительного разрыва с идолопоклонством других народов, не допускали представителей последних на богослужение в Иерусалимский храм и были против того, чтобы окрестное самаритянское население поклонялось их племенному богу, ибо это означало, согласно древним религиозным представлениям, делиться с ними милостями Яхве. В зтом отношении монотеизм еще сохранял признаки, присущие древним общинным религиям.

Но с того времени, когда христианство стало господствующей религией, впервые возникли представления о ложных богах и различных формах ереси. Все религии, кроме христианской, были объявлены ложными, и древние религии были обречены на постепенную гибель. Естественно, зти же тенденции нетерпимости стали характерны и для ислама, другой крупной мировой религии, когда целые бибилиотеки и многие произведения искусства были обречены на уничтожение или в лучшем случае на забвение, ибо они не удовлетворяли требованиям новой религии, — явление, не имеющее прецедента в древних обществах. Теперь исчезла возможность идеологического маневрирования и стал необходим селективный отбор идеологических догматов, подходящих для того или иного общества. Если существует один-единственный бог, все, что не угодно ему, должно быть уничтожено. Для краткости сошлемся лишь на следующие примеры. После завоевания Персии арабами мусульманские религиозные деятели велели сжечь все книги персов, ибо последние не могли стать правоверными, „пока они владеют книгами, посвященными естественным наукам, законам и вере идолов. Сжегши книги, они, таким образом, наложили запрет на их науки" (см. [Лев Африканский, с. 40]). Согласно рассказу Бируни, арабы после завоевания Персии и Средней Азии также уничтожили священные книги зороастрийских магов.

Правоверный мусульманин ежедневно пять раз молится Аллаху и в течение целого месяца в году соблюдает изнурительный пост. Можно было бы предположить, что в древних обществах с множеством государственных, племенных, местных богов и богинь домашнего очага человек был обречен на бесконечное и беспрерывное служение богам. Обычно историки так и думают. Однако на самом деле, как это отметил известный ассириолог А. Л. Оппенхейм, древний человек жил в довольно умеренном религиозном климате [Оппенхейм, с. 178 и сл.] и служба богам в основном была обязанностью профессиональных жрецов, которые за такую службу получали вознаграждение. При этом многочисленные религиозные праздники были важным подспорьем для бедных слоев населения, во время которых все граждане получали из храма калорийную пищу (на это обращал внимание И. М. Дьяконов). Многочисленные клинописные тексты отмечают распределение большого количества мяса и других продуктов среди членов храмовых общин во время религиозных праздников.

Древний Восток не знал также конфликтов на этнической почве, расовой неприязни и чувства превосходства одного народа над другими (ср. [Дьяконов, 1958, с. 43 и сл.]). В древности со стороны местного населения не было пренебрежения к этническому происхождению чужеземцев, которые по различным причинам селились в другой стране. Эти чужеземцы легко включались в социальную и экономическую жизнь своей новой родины. Для примера можно указать на ахеменидский период, который характеризуется интенсивными процессами этнического смешения и синкретизма культур различных народов. Согласно контракту, составленному в 511 г. до н. э. в Вавилоне, один эламит выдал свою дочь за египтянина. Свидетелями контракта выступили персы, египтяне, вавилоняне, арамеи и представители других народов.

Убедительным примером того, что древности была чужда расовая ненависть, опять-таки является замечательный труд Геродота, который с глубоким интересом и восхищением относился к великим достижениям восточных народов. Через много столетий, когда древние представления начали уже уходить в прошлое, известный греческий писатель Плутарх оказался не в состоянии понять доброжелательное и объективное отношение Геродота к народам Востока и написал свой пресловутый трактат „О злокозненности Геродота". Термин „варвары", в который Геродот не вкладывал никакого пренебрежительного оттенка, обозначая им лишь тех, кто не говорил по-гречески, претерпел глубокую эволюцию и стал символом невежества и дикости.

В древности ни одно государство не делало попыток навязать покоренным народам культуру и язык завоевателей. Они просто не были заинтересованы в том, чтобы их язык вытеснил языки других народов, или, точнее сказать, это было им безразлично (ср. [Дьяконов, 1983, с. 5 и сл.]). Правда, нередко одни языки уступали место другим, и постепенно происходила перемена языка на той или иной территории. Однако это был естественный исторический процесс. Например, к началу I тысячелетия до н. э. племена, жившие на территории Западного Ирана, говорили на касситском, кутийском, хурритском и на других языках. В это же время там

начало селиться и ираноязычное население. В течение нескольких последующих столетий население Западного Ирана уже стало переходить на мидийский язык, который постепенно стал единственным языком этого региона. Часто считают, что иранские воины-завоеватели навязали покоренному населению свой язык. Но в начале I тысячелетия до н. э. иранские племена не были господствующими, а, наоборот, были подвластны местным правителям и именно с их разрешения селились на исконной территории последних.

Обратимся к другому примеру. С первой трети III тысячелетия до н. э. в Южной Месопотамии жили рядом друг с другом шумеры и аккадцы, народы различных рас, языков, а вначале и культуры. Но тем не менее оба народа в течение многих столетий мирно жили на одной и той же территории, пока к началу II тысячелетия до н. э. шумерский язык постепенно не вышел из употребления, превратившись в язык культа, литературы и науки, а сами шумеры не были ассимилированы аккадцами. Но опять-таки это был естественный исторический процесс, в котором никто не был заинтересован и который никто не стремился ни ускорить, ни замедлить.

Нередко завоеватели охотно пользовались языками покоренных народов. Когда в IX—VII вв. до н. э. ассирийцы создали большую державу, они постепенно стали переходить на язык покоренных ими арамейских племен. Несколько позднее, во второй половине VI в. до н. э. возникла Ахеменидская мировая держава, охватывавшая десятки стран и народов. В этой державе ведущая роль в политическом отношении принадлежала персам, и в то же время продолжали существовать и развиваться древние культуры вавилонян, египтян, эламитов и других покоренных народов, а официальным языком государственной канцелярии по всей державе был арамейский.

Все подданные Ахеменидской державы обязаны были платить государственные и храмовые подати, нести царские и общинные повинности, также проявлять политическую лояльность по отношению к существовавшей власти. В остальных отношениях человек жил в довольно свободном климате — политическом и идеологическом. Этим легко объясняется наличие в Ахеменидской державе различных политических форм: монархических, олигархических, аристократических, демократических наряду с автономными и теократическими храмовыми общинами. Соответственно сосуществовали также различные правовые системы, и не было общегосударственных законов или единой, обязательной для всех подданных идеологии. Индивидуум и в частной жизни был предоставлен самому себе, и центральная власть не вмешивалась в его семейную жизнь. Он мог свободно передвигаться в пределах державы, совершая деловые, торговые поездки, или ездить в соседние страны на заработки, или даже путешествовать с целью научных занятий (как Геродот, Демокрит и др.). Он мог вести по своему усмотрению переписку, которая не контролировалась центральной или местной властью. Правда, в древности почтовая служба существовала лишь для государственных нужд. Частные же письма посылались либо с оказией, либо через гонцов или агентов, находившихся на службе у отдельных лиц.

Центральная власть также не следила за выполнением отдельными людьми определенных религиозных предписаний. Люди могли почитать любых богов, но обычно поклонялись традиционным богам своей общины. Лишь в Иудее пророки неоднократно осуждали почитание наряду с Яхве различных финикийско-ханаанских божеств. Однако борьба против культов последних в течение нескольких веков была обречена на неудачу, так как многие иудейские цари сами благожелательно относились к этим богам.

Конечно, нам известны примеры религиозных преследований в древности. Но такие преследования были вызваны политическими причинами. Например, в отдельные периоды истории Римской империи христиане подвергались гонениям. Однако власть имущие вовсе не были озабочены тем, кто какому богу поклонялся. Это им было совершенно безразлично, и многие культы чужеземных богов беспрепятственно распространялись по всей державе вплоть до Британских островов (например, культ иранского бога Митры), в том числе и среди римских солдат и гражданского населения Рима, столицы державы. Власть имущие были лишь против превращения христианского вероучения в политическую доктрину, направленную против самих основ государства.

Мы не располагаем свидетельствами источников о том, как государство карало преступления против религии или имели ли вообще место такие преступления. Разумеется, в те далекие времена человек находился в плену предрассудков и глубокой веры, которая, правда, не мешала частым посягательствам на храмовое имущество, считавшееся собственностью богов.

У нас чрезвычайно мало сведений о вольнодумцах на древнем Ближнем Востоке, которые критически относились к господствующим религиозным системам. И пожалуй, „свободомыслие" древнего человека ограничивалось тем, что он осмеливался укорять богов в неблагодарности за те жертвы, которые они получали от своих адорантов, и за равнодушие и безразличие к судьбе и страданиям людей. Таких жалоб в клинописной литературе сколько угодно. Приведем один пример критического отношения людей к богам: когда Иштар предложила свою любовь знаменитому герою Гильгамешу, он отверг ее, считая эту богиню неспособной на верное чувство.

В „Псалмах" царя Давида, в своей основе восходящих к X в. до н. э., неоднократно говорится о „безумцах", которые не веруют в бога и отвергают его. Сомнительно, однако, что в те далекие времена действительно существовали такие смельчаки, которые отрицали существование богов. Скорее всего в этом произведении под „безумцами" имеются в виду те иудеи, которые не признавали своего племенного бога Яхве или наряду с ним поклонялись ханаанским божествам, примеров чему в Ветхом завете много.

В ассирийских текстах VIII—VII вв. до н. э. встречаются собственные имена со значением „не почитающий бога", „не боящийся бога" и т. д. В одном ассирийском тексте того же времени упоминаются семнадцать вавилонян, „которые не боятся бога", Однако этот лаконичный документ

не содержит никаких пояснений, и назначение его неясно. Если эти люди действительно были безбожниками (что, однако, очень сомнительно), то их можно считать первыми известными нам вольнодумцами, которые порвали с предрассудками своего времени (см. [Дьяконов, 1965, с. 16 и сл.]).

В заключение необходимо сказать, что было бы глубоким заблуждением идеализировать жизнь и религию древних обществ, в которых люди были обречены на постоянные лишения и тяжелый труд, на жестокие и порой изуверские наказания. Отсутствие расовой неприязни, этнических конфликтов и религиозной нетерпимости в этих обществах отнюдь не было результатом продуманной или осознанной деятельности и в общем и целом не было вызвано практической необходимостью для представителей различных народов жить и работать совместно. Указанные явления на стадии древнего общества еще почти не были известны человечеству, и для их возникновения, очевидно, не существовали соответствующие общественно-экономические предпосылки. Однако вопрос о таких предпосылках нуждается в специальном исследовании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дандамаев — *Дандамаев М. А.* Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.

Дандамаев — Луконин — *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономике древнего Ирана. М., 1980

Дьяконов, 1956 — *Дьяконов И. М.* История Мидии. М., 1956.

Дьяконов, 1958 — *Дьяконов И. М.* Этнос и социальное деление в Ассирии. — СВ. 1958, № 6.

Дьяконов, 1965 — *Дьяконов И. М.* „Безбожники" в Ассирии. — КСИНА. 86. 1965.

Дьяконов, 1983 — *Дьяконов И. М.* Типы этничаских передвижений в ранней древности. — Древний Восток. 4. Ер., 1983.

Лев Африканский — *Лев Африканский.* Африка — третья часть света. Л., 1983.

Оппенхейм — *Оппенхейм А. Лео.* Древняя Месопотемия. М., 1980.

Якобсон — *Якобсон В. А.* Новыа денныа об экономика старовавилонского париода. — Древний Восток. 4. Ер., 1983.

Bickerman, 1976 — *Bickerman E.* Studies in Jewish end Christian History. Vol. 1. Leiden, 1976.

Bickerman, 1980 — *Bickerman E.* Nabuchadnezzar and Jerusalem. — PAAJR. 1980, vol. XLVI–XLVII.

Diekonoff, 1965 — *Diakonoff I. M.* Babylonian Political Pamphlet from about 700 B. C. — AS. 16. Studies in honor of Benno Landsberger. Chicago, 1965.

Diekonoff, 1975 — *Diakonoff I. M.* The Rural Community in the Ancient Near East. — JESHO. 1975, XVIII.

Grey — Cary — *Cray G. B.* end *Cary M.* The Reign of Derius. — CAH. IV. 1969.

Hallock — *Hallock R. T.* Persepolis Fortification Teblats. Chicago, 1969.

Lambert—*Lambert W.G.* Babylonian Wisdom Literature. Oxt., 1975.

Lidzbarski — *Lidzbarski M.* Ephemeris für semitische Epigraphik. Bd. I. Giessen, 1903.

Marcus — *Marcus D.* Civil Liberties under Israelite and Mesopotamian Kings. — JANES. 1978, 10.

Meyer —*Meyer E.* Der Papyrusfund von Elephantina. Lpz., 1911.

Watermen — *Waterman L.* Royal Correspondence of the Assyrian Empire. Pt. II. Ann Arbor, 1930.

В. А. Якобсон

ЦАРИ И ГОРОДА ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Проблема взаимоотношений между городами и царями в древней Месопотамии не была до сих пор, насколько нам известно, предметом специального исследования. Лишь мимоходом эти вопросы затрагивались в широко известной книге А. Оппенхейма ,,Древняя Месопотамия" (М., 1980, с. 120–126) и в посвященном городу сборнике ,,City Invincible" (Chicago, 1960). Не останавливаются на них специально авторы статей в сборниках RAI (1964), ,,La voix de l'opposition en Mésopotamie" (Bruxelles, 1973), а также ,,Les pouvoirs locaux en Mésopotamie et dans régions adjacentes" (Bruxelles, 1982). Между тем первостепенное значение этой проблемы для многих аспектов истории Месопотамии очевидно. Ее хотя бы частичное выяснение позволит значительно лучше понять и сущность города, и сущность царской власти в Месопотамии. Автору настоящей работы уже доводилось отмечать, в частности, что имели место существенные различия в идеологии царской власти между Месопотамией и Египтом, различия, выражавшиеся в обожествлении царей на всем протяжении известной нам истории Египта, тогда как в Месопотамии обожествление царей так и осталось ограниченным эпизодом [Якобсон, 1984]. Мы постараемся показать, что обожествлению царей не удалось утвердиться в Месопотамии потому, что именно так сложились взаимоотношения царей и городов. Мы постараемся показать также, что города играли важную политическую роль в древней Месопотамии и после создания там централизованного государства. Рассмотрение нашей проблемы по очевидным причинам следует вести в хронологическом порядке, разбив всю историю месопотамских городов на три периода: I. Город-государство или город — ,,номовый" центр (I, II и III Раннединастические периоды). II. Город в централизованном государстве (от возникновения Царства Шумера и Аккада до начала I тысячелетия до н. з.). III. Город в ,,мировой державе" (т. е. до утраты Месопотамией политической самостоятельности).

В настоящей работе термин ,,город" означает центр, где происходило сосредоточение, перераспределение и реализация прибавочного продукта. В соответствии с этим определением, город возникает лишь в классовом обществе, т. е. вместе с государством. Как уже отмечалось [Дьяконов, Якобсон, 1982, с. 3], союзы племен, предшествовавшие возникновению

государства, могли быть очень большими и занимали обширную территорию, но первичные государства („номы") всегда невелики по размеру и включали в себя от одного до двух-трех (очень редко — больше) городов. Возникнув как центр соседской общины, где находились общинный страховой и обменный фонд, храм, жилища общинных магистратов и храмового персонала и место народного собрания, город рос и развивался вместе с ней и являлся ее воплощением. Ни шумерский, ни аккадский язык не знали ни специального термина „город", ни антонимичного ему термина „деревня". Всякий населенный пункт (за исключением особо специализированных — укрепленных усадеб, пастушеских лагерей и т. п.) назывался по-шумерски uru, а по-аккадски — ālu — словом с весьма широким значением, охватывавшим такие понятия, как „община", т. е. гражданский коллектив, и „поселение общины". Вот почему в зависимости от нашего понимания контекста мы переводим их то „город" или „поселение", то „община", хотя для человека древности эти понятия были нераздедимы.

Разумеется, это не означает, что древние вообще не отличали города от деревни. Номовые центры пользовались особым положением в силу того, что там находильсь особо почитаемые и самые древние храмы „великих" богов (кто-либо из этих богов обычно и был богом-покровителем этого города и „нома" в целом). Другой отличительной особенностью такого города несколько позднее, с увеличением военных опасностей, стала городская стена (ср. [Nissen, 1972]). Наконец, как уже отмечалось, там же находились и храмовые хранилища. Таким образом, городская стена и храм, или, вернее, священный храмовый участок со всеми его культовыми и хозяйственными постройками (в представлении древних все они имели культовое значение), — вот отличительные черты „настоящего" города, как их понимали жители древней Месопотамии. Имеено такое описание Урука мы находим в „Прологе" поэмы „О все видавшем" (Эпос о Гильгамеше, I, I, 1—19). Современному читателю бросается в глаза очевидный „пробел" — отсутствие какого-либо упоминания о резиденции правителя, хотя именно правитель Урука и является одним из двух главных действующих лиц этой поэмы. По мнению И. М. Дьяконова [Дьяконов, 1981, с. 310], „Пролог" (и повторяющая его концовка табл. XI), „видимо, имеет позднейшее происхождение (конец II тысячелетия до н. э.)". Однако, возможно, перед нами, напротив, реликт седой старины, времени, когда правитель был только primus inter pares, а его жилище очень мало походило на пышные дворцы царей более позднего времени и потому не заслуживало отдельного упоминания (в Ашшуре Староассирийского периода царский дворец не обнаружен).

У нас нет прямых свидетельств касательно функций и прерогатив правителя шумерского „нома" в Протописьменном и I—II Раннединастических периодах. Письменные памятники этих периодов малочисленны, а наиболее ранние из них не поддаются связному прочтению. Однако здесь нам могут помочь более поздние данные, происходящие с периферии месопотамской цивилизации. Подобно тому как документы из Аррапхи донесли до нас сведения о социальных институтах, которые, скажем, в Вавилонии существовали еще до широкого распространения письменности,

так провинциальная Ассирия, или, вернее, город-государство Ашшур конца III тысячелетия до н. з., сохраняла еще политические институты, уже в значительной степени деформированные или даже уничтоженные в Шумере и Аккаде. Речь, разумеется, должна идти не о полном сходстве, а о типологической аналогии, но можно полагать, что и различия в деталях были не слишком велики, ибо Ашшур находился в том же культурном круге.

Литература о Староассирийском периоде чрезвычайно обширна. Для наших целей достаточно будет назвать здесь три работы [Larsen, 1971 и 1976; Garelli, 1982], содержащих всю необходимую библиографию. Имеющиеся материалы дают нам следующую схему политической структуры города-государства Ашшур.

Верховный правитель Ашшура в своих строительных надписях титуловал себя iššiak Aššur (ишшакум Ашшура). Этим титулом, как известно, в его аккадской или шумерской (ensi) форме именовались в большинстве случаев все ранние правители „номовых" государств. Исключением является титул en (эн), который носили только правители Урука. Это исключение связано, видимо, с ролью правителя Урука в обряде „священного брака" с покровительницей зтого города богиней Инаной. Не случайно тот же титул носит и правитель чужеземной Аратты в зпической позме „Энмеркар и зн Аратты"; покровительницей зтого города позма называет также богиню Инану. Наиболее поздним, но ставшим наиболее престижным титулом правителя является шумерский lugal (лугаль) (=аккадск. šarrum), букв. „большой человек", „хозяин", позднее — „царь". Как предполагается, зтот титул первоначально носил военный вождь (подробнее см. [Edzard, 1965, с. 73 и сл.]). Возможно, зтот титул приобретал все большее значение в связи с повышением роли войны и войска в жизни раннеклассовых обществ Месопотамии.

Возвращаясь к древнейшему периоду истории Ашшура, отметим, что в других своих документах (в письмах и на печатях) правитель Ашшура именует себя waklum, т. е. „главный", „начальник". Когда правитель упоминается в третьем лице, его называют rubā'um („государь", „правитель") или bēlum („господин"). Что же касается титула lugal, то он применяется в староассирийских текстах лишь в отношении бога Ашшура и иноземных правителей. Единственное исключение — найденная в Канише копия надписи Эришума, где зтот последний косвенно титулует себя царем: lugal šu-um-šu ša ki-ma i-a-tí, т. е. „какой-либо царь, который подобен мне" (цит. по [Larsen, 1971, с. 288]). Текст царской печати Цилулу (в „Ассирийском царском списке" Сулили) гласит: A-šùr^{ki} lugal Ṣi-lu-lu ensi A-šùr^{ki}, т. е. „Ашшур — царь, Цилилу — ишшакум Ашшура" [там же]. Слово „Ашшур" здесь написано с детерминативом страны, но без детерминатива божества. Однако встречается также и написание ^{d}A-šùr, т. е. наоборот — с детерминативом божества, но без детерминатива страны. По мнению Ларсена [Larsen, 1971, с. 288]), зто не случайность, ибо для староассирийского времени Ашшур „был единой божественной сущностью". Город Ашшур был, таким образом, для его граждан Городом par excellence подобно римскому Urbs. Неудивительно позтому, что в тех случаях, когда Ашшур и его правитель упоминаются вместе, Ашшуру отводится пер-

вое место. Так обстоит дело, например, в формуле клятвы: „Во имя Города и правителя...", а также в письмах: „...табличка Города и правителя..." и т. п. В последнем случае под Городом понималось, видимо, народное собрание [Larsen, 1971, с. 296] либо только совет старейшин [Garelli, 1982, с. 77]. В любом случае прерогативы ашшурского правителя были сильно ограничены другими общинными органами управления и собственная роль его была весьма скромной: он был главным жрецом города и чем-то вроде председателя народного собрания или совета старейшин и в этом последнем своем качестве также, видимо, военачальником. Среди других городских институтов важнейшую роль играл избираемый ежегодно по жребию эпоним — līmum, чьей резиденций был bīt līmim (т. е. „дом эпонима"), называвшийся также bīt alim (т. е. „дом Города"). Это был центр экономической жизни города и, вероятно, хранилище всей или большей части его казны. Нетрудно себе представить, сколь велика была реальная власть такого магистрата.

Как уже отмечалось выше, примерно такой можно себе представить и политическую структуру городов-государств в Центральной и Южной Месопотамии того времени, о котором мы не имеем письменных свидетельств. Разумеется, местные различия должны были быть. Иной могла быть организация культа, несколько меньшей роль купцов. Последнее различие вытекает из того факта, что Ашшур был центром посреднической торговли, но в любом случае ни одно „номовое" государство без внешней торговли существовать не могло. Видимо, и здесь правитель города поначалу играл весьма скромную роль, чем и объясняется тот факт, что дошедшие до нас надписи правителей старше середины III тысячелетия до н. э. очень лапидарны и представляют собой либо надписи на печатях, либо посвящения. Появление затем более пространных текстов, сообщающих о строительстве храмов, городских стен, каналов, о заморской торговле, а затем и о победах в войнах (первое пространное сообщение об этом — „Стела коршунов" Эанатума, Лагаш, около 2400 г. до н. э.), указывает на изменение роли правителя.

Возвышение городских правителей, все более частое употребление ими титула lugal и было, видимо, связано с военными победами. Некоторую возможность проследить, как именно это происходило (разумеется, опять-таки не в деталях, а в принципе), дает нам эпический текст „Гильгамеш и Ага" (новейшая обработка [Cooper, 1981], там же библиография). Здесь нет возможности подробно рассмотреть вопрос о правомерности использования эпических текстов как исторического источника. Хорошо известно, что мнения по этому вопросу варьируют от крайнего энтузиазма до крайнего скептицизма и даже нигилизма. К числу скептиков принадлежит, в частности, и Д. Купер, который пишет, что „интерес эпических повествований о ранних царях Урука лежит в их литературных качествах, а не в их потенциале в качестве источника по истории Вавилонии" [Cooper, 1981, с. 230]. Но именно на таких источниках базируются основополагающие работы Т. Якобсена о „примитивной демократии" (более удачно предложенное И. М. Дьяконовым название „военная демократия") (см. [Jacobsen, 1943 и 1957], а также и многие последующие работы). Из них упо-

мянем лишь работу А. Фине ([Finet, 1973], там же см. подробную библиографию), которая касается и интересующего нас текста.

Наша собственная позиция ближе к упомянутым авторам. Мы исходим из того, что при соблюдении разумной осторожности такие тексты могут быть использованы не как свидетельства конкретных событий (хорошо известно, что в эпосе тут возможны любые контаминации), но как свидетельства определенных тенденций исторического развития. Еще раз подчеркнем, что речь идет именно о тенденциях исторического развития, а не о злободневных политических тенденциях. Привязывать эпические и мифологические тексты непосредственно к этим последним, как это сделано, например, в работе К. Вильке [Wilcke, 1973, с. 53 и сл.], где мифы об Инане делятся на „проаккадские" и „антиаккадские", представляется недопустимой модернизацией. Что же касается датировки текста „Гильгамеш и Ага", то из многих предлагавшихся наиболее вероятной представляется датировка Г. Комороци [Komoróczy, 1975, с. 50] — около 2500 г. до н. з., ибо зафиксированные в нем тенденции исторического развития — возвышение военного вождя — берут свое начало, как указывалось выше, именно оттуда. Впрочем, и сам Д. Купер [Cooper, 1981, с. 224] видит в этом тексте вопреки его же собственным словам, процитированным выше, „единственный пространный литературный рассказ о раннем конфликте внутри Вавилонии" (т. е. Южной Месопотамии). Нас, однако, он больше интересует как рассказ о конфликте внутри Урука.

Итак, „ (1) Агга, сын Эн-Менбарагеси" направляет своих послов „ (2) из Киша к Гильгамешу в Урук". Неясно, в чем именно состояли требования послов (ср. замечание Д. Купера [Cooper, 1981, с. 238]), но Гильгамеш обращается к старейшинам града „ (4) в поисках совета" и со своей стороны заявляет: „ (8) Нам не следует подчиниться дому Киша! Будем сражаться!" (9) В собрании старейшины града (10) ответствовали Гильгамешу: „... (14) Подчинимся дому Киша! Нам не следует сражаться!" Гильгамеш „ (17) не одобрил слова старейшин града" и обратился к „воинам града", „ (24). В собрании воины града ответствовали Гильгамешу: „ . . . (29). Нам надлежит не подчиняться дому Киша! Будем сражаться! (30) Урук, творение богов, (31) Эанну, храм, низошедший с небес, (32) чьи (составные) части сотворили великие боги, (33) чья великая стена охватывает землю, как туча, (34) возвышенную обитель, основанную Ану, — (35) ты охраняешь ее, ты ее царь (lugal) и воитель!".

Итак, правитель города обращается к старейшинам и, получив от них не удовлетворивший его ответ, обращается затем к собранию воинов, т. е. к народному собранию. Оно высказывается за войну и называет Гильгамеша „царем". Заметим, что во всех случаях, когда отсутствует прямая речь (т. е. идет „речь повествователя"), — от начала и до конца поэмы — Гильгамеш именуется „эном Кулаба" (стк. 15, 40, 51, 100, 113), в то время как постоянный эпитет его противника Аги — „царь (lugal) Киша". Единственное исключение: во время подготовки битвы „ (55) Бирхуртура, его (Гильгамеша) царский чиновник (?), (56) отважно сказал своему царю..." Гильгамеш именуется „царем" также в разговоре Аги с Бирхуртурой и с Энкиду, но здесь слово „лугаль" следует, возможно, понимать

просто как „господин": „(69) Раб, это твой лугаль? (70) Этот человек — не мой лугаль" или в ответ на такой же вопрос: „(92) Этот человек воистину мой лугаль". Таким образом, похоже, что свой царский титул Гильгамеш получает лишь на время военных действий, хотя и неясно, происходит ли это в результате аккламации или, так сказать, автоматически, ввиду предстоящей войны. Впрочем, в обоих случаях это — результат решения народного собрания, т. е. военачальник получает власть на основе „всенародного" решения вопреки мнению старейшин. Вряд ли правильно видеть здесь всего-навсего „конфликт поколений", как полагает А. Фине ([Finet, 1973, с. 17]; там же см. ссылку на аналогичное мнение П. Гарелли). Полководец, получающий единоличную власть „по воле народных масс" и через голову других традиционных общинных институтов (совета старейшин, сената, булэ, эфоров и т. д.), — фигура в истории древности отнюдь не случайная. Именно так возникали греческие тирании, постоянные диктатуры, а затем и принципат в Риме. Можно также упомянуть попытки государственных переворотов в Спарте. Вполне допустимо предположить, что таков же был и механизм возникновения царской власти в городах-государствах Месопотамии, пришедшей там на смену „военной демократии".

Все это, однако, не означало полного разрыва с традициями, и этим традициям суждено было еще не раз напомнить о себе. Борьба между общинными институтами и царской властью, то глухая и скрытая, то явная и открытая, пронизывает всю историю Месопотамии в древности.

Сейчас, однако, необходимо рассмотреть вопрос о значении титула „лугаль Киша", который всеми исследователями толкуется как титул царя-гегемона. Не оспаривая этого вывода, представляется все-таки необходимым хотя бы вкратце затронуть два вытекающих отсюда вопроса: 1) Каков был объем прерогатив этого царя-гегемона? 2) Почему именно таков был его титул (ведь в историческое время Киш был всего-навсего одним из многих городов-государств или „номов")? В другой нашей работе [Якобсон, 1987, с. 8] мы рассмотрели первый из этих вопросов и пришли к выводу: „царь Киша" был третейским судьей в пограничных спорах и, возможно, союзным военачальником. Что же касается второго вопроса, то многие исследователи предполагают существование в доисторические времена некоей „империи" во главе с Кишем (подробное обсуждение этого вопроса см. [Cooper, 1983, с. 7 и сл.], там же библиография). Существование такой „империи" трудно допустить как с теоретической точки зрения, так и потому, что в исторический период Киш не пользовался каким-либо особым престижем. Однако следует предполагать в доисторический период некий союз племен (ср. [ИДВ, 1983 с. 142—143]) с культовым центром в Ниппуре и политическим (а также торговым) в Кише. Если наше предположение верно, то „лугаль Киша" по происхождению — военный вождь союза племен. Он не обязательно был жителем самого Киша, что и давало возможность позднее претендовать на этот титул правителям разных других „номов". В исторический период не засвидетельствовано наличие более одного царя Киша единовременно, следовательно, этот титул могли получать только с общего согласия или, возможно, посредством оракула (гадания, жребия и т. п.), исходящего из Ниппура.

Итак, титул „лугаль", т. е. „царь", уже в Раннединастическое время начинает приобретать особое значение по сравнению с другими титулами правителей. Одновременно меняется и характер связанных с ним прерогатив.

„Лугаль" — прежде всего военачальник, войны же теперь приобретают постоянный характер. Возможно, именно по этой причине чисто жреческие функции все более передаются другим лицам — верховным жрецам соответствующих храмов: военачальнику, почти постоянно участвующему в военных действиях, практически невозможно было соблюдать требуемую ритуальную чистоту. Это наше предположение не является голословным; вспомним, что, согласно библейскому повествованию, Яхве отказался принять храм у воителя Давида: „Не строй дома имени Моему, ибо ты человек воинственный и проливал кровь" (I Chron. 28, 3), храм же был построен миролюбивым Соломоном.

И в Месопотамии требование ритуальной чистоты включало в себя „незапятнанность кровью". В недавно опубликованной „Шумерской легенде о Саргоне" содержится такой стих: „Разве Э-сикиль не чистый (или „священный", — *В. Я.*) храм? Человек, запятнанный кровью (возможно, „проливший кровь". — *В. Я.)* сюда не входит!" [Cooper, Heimpel, 1983, с. 75, 77, 78].

Постепенно вокруг правителя образуется теперь уже не совпадающий с храмовой администрацией аппарат из военных и гражданских чиновников (подробно см. [Cardascia, 1970]). В результате удачных войн власть этого аппарата могла распространиться на несколько „номов" и тем самым автоматически оказаться выше местных органов власти. Внутри же своего собственного „нома" правитель опирался на народное собрание и пытался противодействовать росту имущественного расслоения и тем самым противоречий в обществе путем проведения реформ для защиты „слабых" против „сильных". Такого рода законодательные акты (позднее они получат название „Указы о справедливости") время от времени издавались до самого конца независимого существования Месопотамии, но нас сейчас они интересуют лишь в одном аспекте: для проведения своих знаменитых реформ правитель Лагаша Уруинимгина получил титул „лугаль".

Борьба за гегемонию, а в конечном счете за создание крупного централизованного государства в Южной Месопотамии была длительной, а о ее перипетиях мы информированы плохо. Но важно подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, объединение страны не вызывалось, вопреки тому что об этом обычно пишут, хозяйственными потребностями. Оросительные системы большинства „номов" были более или менее независимы друг от друга, создание единой оросительной системы было еще невозможно и ненужно. Месопотамские города не были и не могли быть торговыми партнерами, ибо производили однородную продукцию и, следовательно, были скорее соперниками, а центры транзитной торговли, через которые в Месопотамию поступали все металлы, дерево, поделочные камни и т. п., были завидной добычей. Целью войн, таким образом, было экстенсивное увеличение массы прибавочного продукта путем расширения территории и соответствующего увеличения численности населения, а так-

же и прямого грабежа (ср. [Якобсон, 1985]). Но в этой борьбе у каждого из старинных „номовых" центров было одинаковое право претендовать на положение „метрополии". До положения „провинции" его можно было низвести лишь силой, и удерживать его в этом положении тоже можно было только силой. Упорный партикуляризм старинных городов и был причиной неустойчивости возникающих централизованных государств. В Месопотамии III—II тысячелетий до н. э. центробежные силы были в общем сильнее центростремительных, поэтому состояние политической раздробленности в указанный период более типично, чем состояние политического единства. Понятно, что правители, которые пытались создавать государства, выходящие далеко за пределы одного „нома", прибегали не только к грубой силе, но и к тем или иным политическим и экономическим мерам. Именно с этой политикой и связан новый феномен политической жизни — городские привилегии.

II

Расширение территории государства, как уже отмечалось, приносило удачливому завоевателю рост прибавочного продукта, прежде всего за счет увеличения масштабов хозяйства правителя, а также и храмовых хозяйств, которые правители постепенно прибирали к рукам. Это обстоятельство позволяло им иногда проявлять „великодушие" к полноправным гражданам больших и почитаемых храмовых городов. Первое (хотя и спорное) известие об этом содержится в одной из надписей Энметены (см. [Cooper, 1983, с. 31], там же библиография): „Он (Энметена) отменил повинности граждан Урука, Ларсы и Бад-тибиры". Правда, этот текст толкуют и иначе, относя его к категории „Указы о справедливости" (ср. [Haase, 1979, с. 1]). Так что, возможно, этот „пряник" был пущен в ход гораздо позднее, пока же часто применялся „кнут".

Первым, кому удалось добиться крупномасштабного, хотя и кратковременного успеха, был правитель Уммы Лугальзагеси (подробно см. [ИДВ, 1983, с. 210 и др.]). По своей структуре государство Лугальзагеси было чем-то вроде конфедерации: непосредственно он управлял, видимо, только „номами" Уммы и Урука. Прочие „номы" сохранили своих правителей, но признавали его верховную власть и, вероятно, выплачивали дань. Возможно, в них были размещены гарнизоны Лугальзагеси. Согласно трактовке И. М. Дьяконова [Diakonoff, 1965, с. 212]), Лугальзагеси стал жрецом главных богов каждого „нома". Если эта трактовка верна (а она представляется небесспорной), перед нами, вероятно, единственный в истории пример личной унии не политического, а религиозного характера. В качестве своих заслуг перед „Страной" Лугальзагеси указывает в своей надписи на водворение спокойствия (т. е. прекращение „межномовых" войн), открытие свободных путей „от Верхнего до Нижнего моря" и строительство новых каналов. В целом его власть была, видимо, достаточно мягкой. Во всяком случае, когда против Лугальзагеси выступил Саргон Аккадский, первого поддержали, по свидетельству надписи самого Саргона, „50 энси". Лугальзагеси потерпел поражение, а Саргон создал державу, охватывавшую всю Месопотамию. Историю его царствования

можно прочесть в специальных работах. Для нашей же темы важен факт, не привлекавший должного внимания: Саргон не пожелал сделать своей столицей какой-либо старый и знаменитый город, а обосновался в маленьком и не имевшем до того ни малейшего политического значения городе Аккаде (разумеется, пышно его отстроив).

Политический смысл этого „странного" поступка ясен: Саргон, во-первых, хотел быть свободным от влияния сильной местной аристократии и жречества особо чтимых храмов, во-вторых, этот шаг означал попытку разрыва с традицией города-государства вообще. Необходимо уже здесь подчеркнуть (это тоже не привлекало до сих пор внимания), что так поступали в дальнейшем по аналогичным причинам и все другие создатели крупных держав в Месопотамии: они делали своими столицами либо маленькие и, во всяком случае, не слишком важные города (Иссин, Вавилон, Ниневия), либо специально строили себе столицы (Дур-Куригальзу, Кар-Ткульти-Нинурта, Кальху, Дур-Шаррукин). Единственным исключением является Ур — столица царства III династии Ура. Но характерно, что и эта династия, происходившая из Урука, не пожелала сделать столицей свой родной город. Главным храмом Ура был храм бога Луны Нанны, а во главе этого храма стояла верховная жрица. Она пользовалась огромным почетом (обычно эту должность занимали царские дочери), но жила в строгом затворе и никакой политической роли не играла, а следовательно, ни во что не вмешивалась.

Такой выбор Саргона неизбежно должен был быть воспринят как неуважение к великим богам и их городам и храмам. Поэтому сообщения несколько более поздних вавилонских хроник о пренебрежительном отношении Саргона к богам вряд ли можно считать „тенденциозными" (ср. [ИДВ, 1983, с. 238]. Точнее говоря, такое определение ни о чем не говорит, поскольку признает, что у жрецов были причины не любить Саргона. Об этих причинах сказано выше, и они сохраняли свою силу, несмотря на подарки, которые Саргон делал храму Эллиля в Ниппуре.

Разумеется, ожидать от Саргона полной последовательности было бы трудно: он был человеком своего времени и сразу отрешиться от всех традиций не мог. Для полного оформления идеи централизованного государства потребовалось еще около пятисот лет. Пока же Саргон носил традиционные титулы: „царь Аккаде", „царь Страны" и „царь Киша", перетрактованный, правда, по-аккадски в „шар кишшатим", т. е. „царь множеств". Его держава состояла из отдельных „номов", и в большинстве из них правили в качестве энси представители местных династий, вопреки сообщению самого Саргона, что „от Нижнего моря аккадцы исполняли должности энси" (ср. [Westenholz, 1979, с. 110 и примеч. 16 на с. 121]). Как считает А. Вестенхольц, Саргон назначал аккадцев на должности энси лишь в случае прекращения местной династии. Заметим, что в любом случае энси был не просто „губернатором": он играл важную роль в местном культе и получал соотвествующее посвящение, а это было равносильно коронованию.

В письменной традиции о Саргоне явственно выделяются две тенденции: восторженное изумление перед его деяниями и обвинение в гордыне.

Видимо, это так или иначе отражало реальное отношение к нему его современников. Местные энси не только хотели независимости, но и мечтали при случае повторить его деяния. Неудивительно, что последние годы царствования Саргона были омрачены всеобщим восстанием. В позднейшей традиции сообщается: „В старости его все страны возмутились против него и осадили его в Аккаде". Предлагаемое И. М. Дьяконовым [ИДВ, 1983, с. 239—240] исправление „все старейшины страны..." не представляется обоснованным. Под „странами" здесь, очевидно, следует понимать „номы". Саргон сумел справиться с восставшими, но новое восстание вспыхнуло в царствование его сына Римуша. В восстании участвовали почти все крупные города Шумера, и почти все они подверглись жестокому разорению. В конце концов Римуш был убит своими вельможами, среди которых были и представители старой знати. Насильственной смертью умер и его преемник Маништушу.

В начале правления внука Саргона Нарам-Сина произошло новое восстание. Во главе его стоял Киш, а участие в нем принимали Ниппур (!), Умма, Урук и Мари. Восстание было жестоко подавлено. Одержанные Нарам-Сином неслыханные победы над внутренними и внешними врагами, а также внутриполитическая необходимость привели его (возможно, под египетским влиянием) к идее объявить себя богом. Недавно опубликованный (см. [Farber, 1983]) текст повествует об этом событии с очень интересными деталями: (I) (1) Нарам-Син, (2) могучий, (3) царь (4) Аккаде. (5) Когда (6) страны света, (7) (все) четыре (8) разом (iš-ti-ni-iš), (9) восстали против него, (10) (то) благодаря любви, (11) (которой) Инана (12) возлюбила его, (13) (в) девяти сражениях (14) за один год (15) он одержал победы, (16) а (17) царей, (18) что выступили против него, (19) пленил. (20) За то, что в (годину) бедствия (21) мощь (22) города своего (23) он утвердил, (24) (граждане) города его (25) у (II) (1) Иштар (2) в Эанне, (3) у (4) Эллиля (5) в Ниппуре, (6) у (7) Дагана (8) в Туттуле, (9) у (10) Нинхурсаг (11) в Кеше, (12) у (13) Энки (14) в Эриду (15), у (16) Сина (17) в Уре, (18) у (19) Шамаша (20) в Ларсе (21), у (22) Нергала (23) в Куте (24) в качестве бога города их, (III) (1) (города) Аккаде, (2) испросили, (3) и (4) посреди (5) Аккаде (6) храм ему (7) они воздвигли. (8) Кто надпись (9) эту (10) уничтожит, (11) (тому) Шамаш, (12) и (13) Иштар, (14) и (15) Нергал, (16) посланец (MAŠKIM) (17) царя (богов), (18) и (19) все боги (20) эти (т. е. перечисленные выше) (21) корень его (22) да исторгнут (23) и (24) семя его (25) да истребят (комментарии к трудным местам этого текста см. [Farber, 1983, с. 69 и сл.]).

По форме и содержанию этот текст представляет собой своего рода „почетный декрет". От кого бы в действительности ни исходила инициатива этого акта (скорее всего, конечно, от самого царя), оформлен он как волеизъявление города, выражающего признательность своему согражданину и высшему магистрату. Нужно вообще заметить, что представление о царе как магистрате и о царской власти как служении довольно явственно проступает сквозь пышные титулатуры и царские res gestae на протяжении всей истории Месопотамии и, видимо, всего древнего Ближнего

Востока, за исключением Египта (подробнее об этом см. [Weinfeld, 1982, с. 28—32]). Перевод, предложенный Фарбером, был позднее в некоторых частях оспорен Х. Хиршем [Hirsch, 1983—1984, с. 58—61]. Но наших выводов это фактически не затрагивает: ведь и сама статья Х. Хирша названа „Идеология города". Примеры подобного рода мы встретим и в дальнейшем. Пока же заметим, что представления о деспотическом характере царской власти в Месопотамии и вообще на Востоке, как и сам термин „восточная деспотия", видимо, не имеют под собой фактического обоснования и бессодержательны (ср. высказывания по этому поводу участников дискуссии о проблемах истории государства и права Востока в НАА, 1984, № 2—3). В Месопотамии даже во времена самых могущественных царей идеология города продолжала существовать и проявлялась иной раз весьма неприятным для царей образом.

В письменной традиции о Нарам-Сине еще резче, чем в традиции о Саргоне, видны две сложно переплетающиеся линии: восхищение и осуждение. Было бы слишком просто поддаться соблазну и усмотреть в двух этих линиях выражение отношения к династии Аккаде разных слоев тогдашнего общества или даже разных его этнических составляющих, как это делает, например, А. Вестенхольц [Westenholz, 1979, с. 112]. Дело скорее всего обстояло значительно сложнее, и те слои населения, которые вообще обсуждали политические и идеологические перемены, испытывали, надо полагать, смешанные чувства. Так или иначе, в число прегрешений Саргона и его династии был занесен и тот факт, что они не пожелали избрать своей столицей какой-либо старый и почитаемый город. Еще одним промахом Нарам-Сина была попытка перенести важнейшие культы из их традиционных мест в Аккаде [Westenholz, 1979, с. 112 и примеч. 27 и 28]. Но пока был жив Нарам-Син, железная рука „царя четырех стран света" и „бога Аккаде" держала недовольных в узде. Однако уже его преемнику пришлось бить отбой: Шаркалишарри вопреки своему громкому имени, означающему „царь всех царей", сохраняет за собой лишь скромный титул „царь Аккаде" и не претендует на божеские почести. Зато он пышно отстраивает храм Эллиля в Ниппуре, снесенный Нарам-Сином под предлогом его ветхости и необходимости соорудить новый (начать строительство Нарам-Син не спешил). Но распад державы Аккаде начался еще при жизни Шаркалишарри и завершился междоусобицей и господством кутиев. Месопотамия вновь стала конгломератом городов-государств.

Созданная после изгнания кутиев держава III династии Ура была намного меньше державы Саргона и Нарам-Сина, а по интересующему нас вопросу ее политика была двойственной. С одной стороны, цари III династии Ура как бы отмежевались от династии Аккаде. Ур-Намму даже снес храм в Ниппуре, построенный Шаркалишарри, и построил новый. Именно к эпохе Ур-Намму А. Вестенхольц [Westenholz, 1979, с. 122—123] относит сочинение „Проклятия Аккаду" — как своего рода апологии Ур-Намму. Ур-Намму также испросил у богов разрешение на постройку этого храма и получил такое разрешение вместе с предсказанием, что „царственность" (nam-lugal) пребудет с ним и его потомками до отдаленных времен. Цари III династии Ура подчеркивали также, что они лишь стоят во главе сове-

та правителей городов-государств [Westenholz, 1979, с. 114]. „Совет", или „собрание" (unken), часто упоминается в текстах этого времени (примеры см. [Wilcke, 1973]), хотя состав и методы формирования этого „собрания" неясны. Согласно Вильке [Wilcke, 1973, с. 51 и сл.], существовал хронический конфликт между „собранием" и царской властью, закончившийся не в пользу последней.

Цари этой династии, подобно царям Аккаде, титуловали себя „царь четырех стран света" (хотя чаще „царь Шумера и Аккада"), а начиная с Шульги обожествлялись, причем, по крайней мере относительно Шульги, известно о существовании при его жизни соответствующего храма и культа. Но здесь под божественность царя была подведена идеологическая база — его участие в обряде „священного брака" [Röllig, 1981, с. 120—121].

В реальной действительности государство III династии Ура тоже не было еще настоящим централизованным государством. Там сохранялись на местах энси, получившие свою власть хотя и по воле царя, но вместе с тем проходившие в своих „номах" древние обряды посвящения. А сами цари короновались по меньшей мере в трех городах: Ниппуре, Уре и Уруке [Sjoberg, 1973, с. 109]. Однако самым интересным для нашей темы является „Шумерский царский список", который, по мнению большинства исследователей, датируется временем III династии Ура (другие предлагаемые датировки колеблются от времени Утухегала до Старовавилонского периода; библиографию см. [Steiner, 1979, примеч. 150 на с. 142]). Считается, что целью „Списка" было идеологическое обоснование единой царской власти, якобы существовавшей в Месопотамии всегда и лишь перемещавшейся из одного города-столицы в другой. Здесь мы впервые встречаемся с представлением о nam-lugal („царственности"), т. е. харизме власти, имеющей самостоятельное, отдельное от ее носителя существование и сошедшей с небес в начале времен. Ее движение излагается по следующей схеме: „В городе (таком-то) (имярек) стал царем. (Столько-то) лет он правил. (Далее следует перечень царей с указанием числа лет правления каждого, общего числа царей и общего числа их лет правления.) Город (такой-то) был поражен оружием, „царственность" его перешла (или была перенесена) в город (такой-то)" и т. д. В другой версии „Списка" дана иная формулировка: „Черед правления (bala) города (такого-то) переменился (т. е. закончился); „царственность" его была перенесена в город (такой-то)".

Здесь следует отметить одно важное обстоятельство, которому до сих пор не придавалось должного значения: согласно точному смыслу „Списка", „царственность" дается г о р о д у и лишь во вторую очередь, в силу этого обстоятельства — человеку. Еще яснее это видно в так называемом „Втором плаче о разорении Ура". Этот текст пока полностью еще не издан, цитирую по [Wilcke, 1982, с. 41]. Нанна, бог-покровитель Ура, просит Энлиля отменить свое решение об уничтожении Ура и получает следующий ответ: „Уру была дана „царственность", но постоянное правление (bala) ему дано не было. С давних времен, с тех пор как были сотворены люди, и до конца многочисленного человечества — кто видел когда-нибудь черед „царственности", который переступил бы (отведенный ему) предел? Что до „царственности" его (Ура), черед ее исполнился. О чем же ты хло-

почешь? Не хлопочи, мой Нанна, покинь свой город!" Итак, обладатель „царственности" не царь, а город, и каждый город может добыть ее силой оружия (хотя, конечно, в соответствии с волей богов). Идеология города вновь заявляет о себе — даже в документе, созданном для обоснования единодержавия! Вопреки воле его создателей текст „Списка" может быть истолкован как обоснование права любого города на положение „метрополии".

При первом же удобном случае это и было осуществлено на практике: Ишби-Эрра перенес „царственность" Шумера и Аккада в Иссин. Он принял титул „царь четырех стран света", и его имя стали писать с детерминативом божества. Фактически же Месопотамия распалась на ряд враждующих царств, каждое из которых претендовало на первенство. Большинство из них вновь представляли собой „номовые" государства. В более обширных царствах (например, в царстве I династии Иссина) опять возникла проблема взаимоотношений с городами. Цари этой династии, как уже было сказано, тоже претендовали на божественность. По примеру царей III династии Ура они также справляли обряд „священного брака". Но были приняты и политические меры — предоставление городских привилегий. Сведений об этом сохранилось мало, но, видимо, первым из городов, получившим в это время привилегии, был Ниппур.

В надписи Ишме-Дагана [Kärki, 1980, с. 13—14] сообщается: „2 (1) Сыновей Ниппура (2) от повинности (kaskal-ta; И. Кярки переводит vom Kriegsdienst) (3) он (т. е. Ишме-Даган) освободил (ba-ra-an-zi), (4) храмам Эллиля, (5) Нинлиль (6) и Нинурты (7) их передал (ba-ra-an-gar), (8) Шумер и Аккад (9) (от) десятины (10) освободил (mu-un-du$_8$), (11) Страну (12) обрадовал..."

Таким образом, привилегии состояли, во-первых, в освобождении от повинностей вне города (ср. [CAD 6, 112]) или, возможно, только от воинской службы, что представляется менее вероятным. Во-вторых, граждане Ниппура „передавались" главным храмам этого города. Иначе говоря, все население города причислялось к храмовому персоналу. Именно с этого момента можно говорить о превращении города-государства в гражданско-храмовую общину, лишенную политической независимости, но свободную от общегосударственных повинностей и пользовавшуюся внутренней автономией. Попытки городов вернуть политическую независимость в дальнейшем, после жестоких расправ с „мятежниками", прекратятся. Но тем ревностнее они будут добиваться этого нового статуса и тем ревнивее будут его отстаивать.

III

Со Старовавилонского периода начинается эпоха новых взаимоотношений между царями и городами. Как известно, „Шумерский царский список" заканчивается I династией Иссина и более не продолжается. Это связано с политическими и идеологическими переменами, происшедшими в царствование Хаммурапи в Вавилоне. Именно этому царю удалось создать первое в истории Месопотамии централизованное территориальное госу-

дарство, в политической структуре которого уже не было места ,,номам''. В ,,Прологе" к своим знаменитым „Законам", изданным в конце его царствования, Хаммурапи перечисляет (правда, в самой общей форме) благодеяния, оказанные им всем важнейшим городам Месопотамии, но тщательно избегает указаний на какую-либо личную связь с любым городом, кроме Вавилона: все они — лишь составные части единой державы. Такое положение, видимо, установилось не сразу, да и картина, нарисованная в ,,Прологе", быть может, не вполне соответствует действительности. Хотя почти все перечисленные города Хаммурапи захватил силой, с их ,,общественным мнением" ему все же приходилось считаться.

Зимри-Лим писал Хаммурапи следующее: „Если граждане (lú-meš lú Eš-nun-na-ki) Эшнуны примут тебя, царствуй сам над Эшнуной, если не примут, поставь на царствование над ними одного из своих мадарумов" [Dossin, 1972, с. 58]. Иначе говоря, только согласие граждан делало власть законной, хотя можно было править ими и при помощи вице-царя, или, скорее, „военного губернатора". Его держава была разделена на административные округа, а должности энси были вообще упразднены. Интересно, что в этот период термин iššakkum обозначал одну из низших категорий царских людей. Идеологически данная политика была подкреплена разрывом с основной идеей „Царского списка". Вавилон был объявлен вечным обиталищем ,,царственности". Разумеется, мероприятия Хаммурапи встретили серьезное сопротивление как в виде контрпропаганды (,,Лагашский список"), так и в виде мятежей (подробно см. [Якобсон, 1978]). Тем не менее Вавилонская держава, хотя и в урезанных границах, просуществовала затем более тысячи лет. Но и здесь всем царям всех правивших в Вавилоне династий пришлось так или иначе регулировать свои отношения с городами.

К сожалению, пока остается неизвестно, ни когда именно получили свои привилегии важнейшие города Вавилонии (скорее всего при Касситской династии [Brinkman, 1974, с. 407]), ни какие именно это были города (кроме Вавилона, Сиппара и Борсиппы). Иногда сведения об этом удается подчерпнуть из случайных источников. Так, в поэме об Адапе говорится (новоассирийский фрагмент D) : ,,(9) Тогда бог Анум для Адапы защиту учредил, (10) [городу] бога Эйи (т. е. Эреду) свободу его (šuba-ra-šu) учредил". Эреду, следовательно, входил в число привилегированных городов, но для составителя поэмы начало этих привилегий восходит к легендарным временам (разбор поэмы и библиографию см. [Kienast, 1978]). По-другому эти привилегии назывались zakūtu и kidinnūtu. Точное значение второго слова неизвестно. Из аккадских текстов из Суз можно заключить (судя по формулам проклятий нарушителям сделок), что kidinnu есть некий священный предмет или символ божества, прикосновение к которому влечет за собой смерть (ср. библейский эпизод в II Sam. 6—7 о человеке, случайно прикоснувшемся к Ковчегу завета и наказанному богом немедленной смертью). Kidinnūtu, следовательно, можно понимать как неприкосновенность. Вероятно, именно с предоставлением привилегий Вавилону и был связан переезд касситских царей в новую столицу — Дур-Куригальзу. Цари этой династии вообще не связывали свою

власть с определенным городом — они были царями Вавилонии, „а не правителями города-государства, которому случилось взять под свой контроль большую часть Нижней Месопотамии" [Brinkman, 1974, с. 397].

В привилегированных городах снова выходят на передний план органы общинного самоуправления, совет старейшин во главе с градоправителем. В старовавилонское время важную роль в городском самоуправлении играет купеческая организация — kārum (см. [Kraus, 1982]), но позднее карум как будто бы утрачивает свое значение. Между царями и священными городами был, следовательно, достигнут некий политический компромисс: города получали привилегии, но зато не претендовали более на политическую самостоятельность. Забегая несколько вперед, заметим, что те из месопотамских правителей, которые соблюдали в дальнейшем условия этого компромисса, царствовали более или менее благополучно. Те же, которые их не соблюдали, кончали плохо — низложением и (или) насильственной смертью.

По-видимому, первым примером такого рода может служить участь, постигшая ассирийского царя Тукульти-Нинурту I. К этому времени власть скромного ашшурского правителя давно уже превратилась в царскую, а город-государство Ашшур — в „Страну Ашшур", т. е. Ассирию, сильную территориальную державу. Исторические события, приведшие к такому положению дел, изложены в общих работах по истории. Напомним лишь, что правители Ашшура постепенно лишают власти и значения других городских магистратов и, в частности, присваивают себе должность эпонима — līmmu (о развитии царской власти см. [Grayson, 1971]). Цари окружают себя пышным ритуалом, замыкаются во дворце, а к лицезрению царя допускаются только важнейшие вельможи (ср. [Weidner, 1956]). Представители военно-бюрократической знати оттесняют на второй план представителей старинной родовой знати. Но эти последние были очень богаты и все еще сильны. Нам неизвестно, когда и по какой причине Ашшур получил статус привилегированного города. Но можно полагать, что решение Тукульти-Нинурты I постоить себе новую столицу, город Кар-Тукульти-Нинурта, было так или иначе связано с этим событием. Скорее всего Тукульти-Нинурта хотел окончательно освободиться от влияния городского совета старейшин, не следует также исключать и возможность прямого конфликта с ним (о других точках зрения по этому поводу см. [Grayson, 1971, с. 318]). Так или иначе, царь был объявлен безумным, низложен и убит, а его столица заброшена. В дальнейшем, в связи с новым усилением царской власти, цари все-таки покидают Ашшур, но город получает привилегии. Он остается официальной столицей, культовым центром, местом коронации и погребения царей. Жили они в своих специально построенных резиденциях, но ежегодно приезжали в Ашшур для участия в особом „коронационном ритуале" [Grayson, 1971, с. 313]. Во время этого ритуала возглашалось: „Ашшур — царь!" Неясно, имелся ли здесь в виду бог Ашшур или город Ашшур, и не исключено, что эта двусмысленность была преднамеренной (в тексте имя „Ашшур" написано без детерминативов). В городе, таким образом, царю Ассирии ежегодно напоминали, так сказать, его место!

После создания Тиглатпаласаром III огромной Ассирийской империи его преемник Салманасар V, видимо, счел себя достаточно сильным, чтобы отнять у Ашшура его привилегии, но он ошибся, и эта ошибка стоила ему жизни. Следующий царь, Саргон II, поспешил восстановить привилегии Ашшура, о чем и сообщается в тексте так называемой „Ашшурской грамоты" [Saggs, 1975] : „(28)...Поскольку они внимали моим словам и [...] (29) пришли мне на помощь, [я возлюбил?] Ашшур (BALA. TIL.KI), привилегированный город давних царствований, (30) превознесенное место культа, которое бог Ашшур, его владыка, избрал для четырех стран света (как) связ[ь небес и земли] (Саггс читает: mar-ka-a [s lugal?$^{ti?}$] и переводит: as the central base of kingship), (31) коему нет равного, чьи люди издревле не знали повинностей и строительных работ. Салманасар, (32) который не почитал царя вселенной (т. е. бога Ашшура), занес свою руку для злого дела на этот город и ус[тановил...] (33) На людей его повинности и строительные работы злобно он возложил, сделал их несвободными людьми. Тогда-то (34) Эллиль богов (т. е. бог Ашшур) в гневе сердца своего ниспроверг его царствование. Меня, Саргона, законного царя [...] (35) Он вознес главу мою, жезл, трон и тиару он вручил мне [...] (36) Дабы укрепить основание моего трона, царствование мое сделать прочным, свободу их [...] (37) в Эсагилу перед него (т. е. бога) входить согласно с желанием серд[ца их? ..] (38) (для) граждан этих свободу их я задумал [...] (39) (От) всеобщей мобилизации, клича глашателя, от податей и пошлин [...] (40) Все храмы Ассирии я освободил (и) Ашшуру, владыке моему [...] (41) я сделал серебряный сосуд в 20 мин (весом) в [...] (42) я написал на нем и поставил перед ним (Ашшуром). Кто надпись эту [...] (43) судящий судьбы Ашшур, великий владыка, гневно [на того да взглянет?]". (Предложенное Саггсом [Saggs, 1975, с. 17] изменение порядка стк. 36—38 не представляется достаточно обоснованным.)

Перечисленные в „Грамоте" привилегии граждан Ашшура по содержанию полностью совпадают с привилегиями (иммунитетами), даровавшимися отдельным лицам и „их людям" (т. е. их подневольным работникам). Саргон, видимо, придавал чрезвычайно большое значение этому акту, ибо упоминает о нем в своих надписях многократно. Скорее всего в дальнейшем никто из ассирийских царей на привилегии Ашшура не покушался. Ашшурская гражданско-храмовая община, гордая своими привилегиями и своим могуществом, получала „рапорты" царей об их деяниях и походах (см. [Oppenheim, 1960]).

Но преемник Саргона Синаххериб разрушил до основания другой священный и привилегированный город — Вавилон. Нельзя не признать, что у него были известные основания для принятия в отношении вавилонян крутых мер (ср. [Garelli, 1973, с. 195]). Но разрушение этого города, почитавшегося священным и в самой Ассирии, вызвало, видимо, всеобщее негодование. Все предшественники Синаххериба относились к Вавилону с должным почтением. Завоеванная Вавилония не была превращена в провинцию, но начиная с Тиглатпаласара III ассирийские цари короновались также и вавилонской короной, объединяя два царства личной унией. Синаххериб скорее всего относился к Вавилону плохо, что и привело к бес-

конечным мятежам и в конечном счете к разрушению города. Самому Синаххерибу это стоило жизни: он был убит, как полагают, своими сыновьями [Parpola, 1980]. Дошедшие до нас источники определенно видят в его смерти кару богов. Согласно Ашшурбанапалу, Синаххериб был убит „между шеду и ламассу", т. е. между ствтуями гениев-покровителей, и, следовательно, как бы в их присутствии. По Библии (II Chron, 32, 21), „когда пришел (он) в дом бога своего, — исшедшие из чресл его поразили его там мечом", т. е. его убийство было делом вдвойне нечестивым и как бы ответом на его собственное нечестие. Асархаддон в одном из своих „покаянных псалмов" прямо говорит о „грехе отца моего" т. е. Синаххериба (см. [Diakonoff, 1965, с. 344, примеч, 9]). Отмечено [Brinkman, 1973, с. 95] любопытное совпадение: все, кто покушались на Вавилон и похищали оттуда статую Мардука, погибали насильственной смертью и притом от рук своих родичей: хеттский царь Мурсилис I, ассирийский царь Тукульти-Нинурта I, эламский царь Кудур-Наххунте, Синаххериб и персидский царь Ксеркс I. Впрочем, только гибель Синаххериба может быть поставлена в непосредственную связь с событиями в Вавилоне.

Следует отметить, что Синаххериб был в свое время предупрежден. И. М. Дьяконов ([Diakonoff, 1965], там же библиография) датирует примерно 700 г. до н. э. знаменитое вавилонское политическое сочинение „Зерцало правителя". В этом сочинении перечисляются прегрешения „дурного царя", среди которых центральное место занимают покушения на вольности и привилегии священных храмовых городов: возложение на их жителей податей и повинностей, воинской службы и других тягот, неправосудные приговоры, отнятие имущества и т. п. и, наконец, в общем виде аннулирование их привилегий, записанных на стелах. Такого правителя, согласно этому тексту, ждет неминуемая кара богов в виде всевозможных бедствий, которые постигнут его собственную страну, и его собственная погибель. По мнению И. М. Дьяконова [Diakonoff, 1965], автор „Зерцала правителя" имел в виду деяния и участь конкретных царей — Салманасара V и Мардукапалиддина II. Последний несколько раз захватывал власть в Вавилонии, но с городами обращался плохо и даже дерзнул наложить руку на сокровища Эсагилы. Хотя он и не был убит, как Салманасар V, ему пришлось умереть в изгнании, а его собственная страна (Бит-Якин) подверглась жесточайшему разгрому.

„Зерцало правителя", видимо, было весьма популярным произведением. В колофоне таблички с текстом „Зерцала", содержавшейся в Куюнджикской библиотеке, ее хозяин Ашшурбанапал сообщает, что он собственноручно переписал и сверил эту табличку и водворил ее в своем дворце „для моего постоянного чтения". О достаточно широкой известности текста свидетельствует также цитата из него (с небольшими изменениями) в письме к Асархаддону. Автор этого письма говорит об одинаковых привилегиях Ниппура, Вавилона и Сиппара (письмо, видимо, послано из Ниппура). Затем он пишет: „Пусть владыка царей (т. е. Асархаддон) увидит: табличка эта, (именуемая) „Если царь не блюдет правосудия..." (первая строка „Зерцала"; первая строка текста и была его названием), говорит следующее (далее цитируется предупреждение против нарушения привилегий). Затем автор указывает, что эта табличка авторитетна.

Издание этого текста см. [Reiner, 1982]; там же опубликован еще один экземпляр текста „Зерцала", происходящий из Ниппура.

Как известно, Асархаддон пышно отстроил Вавилон и вернул туда статую Мардука. Вавилонскую проблему он попытался решить, сделав своего старшего сына Шамашшумукина царем Вавилона и подчинив его своему другому — Ашшурбанапалу, которого он поставил царем Ассирии. В одном из своих писем (ABL 403) он подтвердил, что привилегии принадлежат только прирожденным вавилонским гражданам, а своих адресатов именует „невавилонянами", которые „(8) неправедно и (9) самовольно превратили себя в вавилонян", и приводит пословицы, из которых ясно, что поведение „невавилонян" является возмутительной наглостью. Он объявляет также, что их письма он возвращает нераспечатанными (к переводу см. [Oppenheim, 1967, с. 170]). Мудрость принятого Асархаддоном политического решения вызвала сомнения даже у его придворных. И в самом деле, это было лишнее напоминание о том, что Вавилон еще недавно был столицей независимого царства. Поэтому, когда Шамашшумукин взбунтовался против своего брата, вавилоняне охотно его поддержали, несмотря на увещевания со стороны Ашшурбанапала (см. ABL 301). Еще до этого вавилоняне в своем послании обоим царям (ABL 878) горделиво напоминали: „(8) Поелику Вавилон есть средоточие мира, (9) для всякого, входящего в него, kidinnūtu его скреплено... (10) (Даже) собака, вошедшая туда, не может быть убита..." Это на первый взгляд разительно напоминает средневековую пословицу „воздух города делает человека свободным" и находится в противоречии с приведенным выше письмом ABL 403. Но это впечатление ошибочно. „Входящий" здесь — технический термин, подразумевающий „вхождение" по праву, подобно тому как ērib bīti означает не просто „входящий в храм", но „член храмового персонала".

Хотя Ашшурбанапалу пришлось брать Вавилон штурмом, после победы он вновь подтвердил привилегии вавилонян и, видимо, других священных городов. Восстановителю независимости Вавилонии Набопаласару пришлось осаждать Ниппур и другие города, упорно державшие сторону ассирийцев. Цари Нововавилонского царства во время ежегодного праздника Новогодия перед статуей Мардука, сняв с себя инсигнии власти, заверяли божество, что они никогда не покушались на привилегии вавилонян, а также на их свободу, честь и достоинство. Верховный жрец ударял царя по лицу и дергал его за уши, причем отнюдь не символически — на глазах царя должны были выступить слезы, что считалось добрым предзнаменованием для страны [Thureau-Dangin, 1921]. Лишь после этого царь получал обратно жезл и тиару и, таким образом, возобновлял свою инвеституру.

Трудно сказать, когда именно возник этот обряд (дошедший до нас текст — поздний), но вряд ли он был нововведением. По-видимому, все нововавилонские цари уважали привилегии городов, а тот, кто отступил от этого правила, оказался последним царем Вавилонии. Это был царь Набонид, о котором существует огромная литература. О нем пишут как о религиозном реформаторе, эксцентричной личности, упоминают его ссору со жрецами и т. п. Но в чем же состояла сущность этой ссоры, не скры-

вались ли, как это нередко бывало, под религиозной оболочкой политические тенденции? Основные обвинения, предъявлявшиеся Набониду, можно суммировать следующим образом: 1. Он пытался подменить культ Мардука вавилонского культом Сина харранского. 2. Он переместил статуи важнейших богов из их храмов в Вавилон. 3. Он десять лет провел в Тейме, вследствие чего в Вавилоне все эти годы не справлялся праздник Новогодия — важнейший религиозный ритуал, в котором царь играл центральную роль. Все эти его деяния упомянуты в так называемой „Хронике Набонида", составленной уже при персидском господстве (см. [Grayson, 1975, с. 104 и сл.]).

Если взглянуть на все это в общем контексте взаимоотношений царей и городов в Месопотамии, политический смысл всех этих мероприятий становится очевидным. Перед нами — очередная „ссора" царя с городами. Попытка подорвать культ Мардука есть попытка разрыва тесной связи царской власти с Вавилоном, превращения его из вечного обиталища „царственности" в обычный царский город. Прочие города, лишившиеся своих „палладиумов" — статуй богов-покровителй, утрачивали тем самым и религиозно-юридическое основание своих привилегий, их граждане из членов автономной гражданско-храмовой общины превращались в простых подданных. Отказ участвовать в празднике Новогодия означал отказ от подтверждения привилегий Вавилона. Иначе говоря, „грех" Набонида состоял в его намерении править самодержавно. Однако время для этого еще не пришло, ответом Набониду была всеобщая враждебность. Его поспешное возвращение в Вавилон и участие в празднике Новогодия уже ничего не могло исправить. Города Вавилонии и сам Вавилон сдались персам без боя.

Это был конец независимого существования Месопотамии. Царская власть пала, но города устояли. Гражданско-храмовая община — широко распространенный и важный социально-экономический феномен в Передней Азии эпохи поздней древности. Подробное его рассмотрение выходит за пределы нашей задачи. Отметим только, что по своей социальной структуре эти города практически ничем, кроме отсутствия внешнеполитической независимости, не отличались от античных полисов. Именно поэтому они без особых трений вошли в социально-политические структуры эллинистических государств, а в дальнейшем — Римской империи. Города древности в отличие от городов средневековья были не столько опорой царской власти, сколько своего рода противовесом ей. Они возникли с началом древности, а их упадок и был концом древности. Вот почему невозможно было придумать лучшего названия для одной из книг, посвященных древним городам, чем „City Invincible".

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дьяконов, 1981 — „О все видавшем...". Пер. и коммент. И. М. Дьяконова. — Я открою тебе сокровенное слово. М., 1981.

Дьяконов, Якобсон, 1982 — *Дьяконов И. М.* и *Якобсон В. А.* „Номовые государства", „Территориальные царства", „полисы" и „империи". Проблемы типологии. — ВДИ. 1982, № 2, с. 3—16.

Якобсон, 1978 — *Якобсон В. А.* Представпения о государстве в древней Месопотемии (к постеновке вопроса). — Древний Восток. III. Ер., 1978, с. 55—70.
Якобсон, 1984 — *Якобсон В. А.* Пробпемы изучения истории государства и права древнего Востоке. — НАА. 1984, № 2—3.
Якобсон, 1985 — *Якобсон В. А.* К. Меркс и пробпемы истории государстве и праве. — ПППИКНВ. 1985.
Якобсон, 1987 — Межгосударственные отношения и диппоматия не древнем Востоке. М., 1987 (гп. 1. Древняя Месопотамия).
Brinkmen, 1973 — *Brinkman J. A.* Senneherib's Bebylonian Problem: an Interpretation. — JNES. 1973, 25, 2, с. 89—95.
Brinkmen, 1974 — *Brinkman J. A.* The Monerchy in the Time of the Kassite Dynasty, — Le palais et le royauté (RAI 19). P., 1974, с. 395—408.
Cardescie, 1970 — *Cardascie G.* Le royauté en Mésopotamie. Recueils de le Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions, XX, 1, La Monocratie. Bruxelles, 1970, с. 335—356.
Cooper, 1981 — *Cooper J. S.* Gilgamesh and Agge. — JCS. 33, 1981, с. 224—241.
Cooper, 1983 — *Cooper J. S.* Reconstructing History from Ancient Inscriptions: The Legash-Umma Border Conflict, Sources from the Ancient Neer East = SANE. 2, 1, 1983.
Cooper, Heimpel, 1983 — *Cooper J. S.* and *Heimpel W.* The Sumerian Sergon Legend. — JAOS. 103, 1983, с. 67—82.
Diakonoff, 1965 — *Daikonoff I. M.* A Babylonian Political Pemphlet from About 700 B. C. — AS. 16, 1965, с. 343—349.
Dossin, 1972 — *Dossin G.* Le madarum dan les „Archives royales de Mari". Gesellscheftsklessen im Alten Zweistromland (RAI 18). München, 1972, с. 53—63.
Edzard, 1965 — *Edzard D. O.* — Fischer Weltgeschichte. Bd 2. 1965, с. 57 и сл.
Ferber, 1983 — *Farber W.* Die Vergottlichung Narām-Sīns. — Orientelia. 1983, 52/1, с. 67—72.
Finet, 1973 — *Finet A.* Introduction au colloque. Le trone et la rue en Mésopotamie: l'exaltation du roi et les techniques de l'opposition. — Le voix d'opposition en Mésopotamie. Bruxelles, 1973, с. 2—27.
Gerelli, 1973 — *Garelli P.* Les sujets de roi d'Assyrie. — Le voix d'opposition en Mésopotemie. Bruxelles, 1973, с. 189—213.
Gerelli, 1982 — *Garelli P.* Les pouvoirs locaux en Assyrie. — Les pouvoirs locaux en Mésopotamie et dans les régions adjacentes. Bruxelles, 1982, с. 76—91.
Grayson, 1971 — *Grayson A. K.* The Early Development of Assyrian Monerchy. UFo. 1971, 3, с. 311—319.
Greyson, 1975 — *Greyson A. K.* Assyrien und Babylonian Chronicles. Texts from cuneiform sources V. N. Y., 1975.
Haase, 1979 — *Haase R.* Die keilschriftlichen Rechtssammlungen in deutscher Fassung. Wiesbaden, 1979.
Hirsch, 1983—1984 — *Hirsch H.* Ideologie einer Stedt. — AfO. 1983—1984, 29—30, с. 58—61.
Jecobsen, 1943 — *Jecobsen Th.* Primitive Democracy in Ancient Mesopotamia. — JNES. 1943, 2, с. 159—172.
Jacobsen, 1957 — *Jacobsen Th.* Early Political Development in Mesopotamia. — ZA. 1957, 52, с. 91—140.
Kärki, 1980 — *Kärki I.* Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften der Altbabylonichen Zeit. I. Isin, Larsa, Uruk. — Studle Orintalia edited by the Finnish Oriental Society. 49. Helsinki, 1980.
Kienest, 1978 — *Kienast B.* Überlegungen zum „Fluch" des Adapa. Fs. L. Matouš, I. Budepest, 1978, с. 181—200.
Komoróczy, 1975 — *Komoróczy G.* Accadian Epic Poetry end its Sumerien Sources. — AA. XXIII, Fesc. 1—2, с. 49—63.
Kraus, 1982 — *Kraus F. R.* „Kārum", ein Organ städtischer Selbstverwaltung des altbabylonischen Zeit. — Les pouvoirs locaux en Mésopotamie et dans régions edjacentes. Bruxelles, 1982.

Larsen, 1971 — *Larsen M. T.* The City and its King. On Old Assyrian Notion of Kingship. — RAI. XIX. Le palais et le royauté. P., 1971, c. 285—300.
Larsen, 1976 — *Larsen M. T.* The Old Assyrian City-State end its Colonies. Mesopotamia 4. Copenhagen, 1976.
Nissen, 1972 — *Nissen H. J.* The City Wall of Uruk. — Man, Settlement end Urbanism. Ed. by P. J. Ucko, R. Tringham and G. W. Dimbleby. L., 1972, c. 793—798.
Oppenheim, 1960 — *Oppenheim A. L.* The City of Assur in 714 B. C. — JCS. 1960, 19, 2, c. 133—147.
Oppenheim, 1967 — *Oppenheim A. L.* Letters from Mesopotamie. Chicago, 1967.
Parpola, 1980 — *Parpola S.* The Murder of Sennaherib. Mesopotamia 8. Copenhagen, 1980, c. 171—182.
Reiner, 1982 — *Reiner E.* The Babylonian Fürstenspiegel in Practice. — Societies and Languages of the Ancient Near East (Studies in Honour of I. M. Diakonoff). Warminster, 1982, c. 319—326.
Röllig, 1981 — *Röllig W.* Zum „Sakralen Königtum" im Alten Orient. — *Gradigow B.* (Herausgeber). Staat und Religion. Düsseldorf, 1981, c. 114—125.
Saggs, 1975 — *Saggs W. F.* Historical Texts end Fragments of Sargon II of Assyria: (1) The „Assur Charter". — Iraq. 1975, 37, 1, c. 11—20.
Steiner, 1979 — *Steiner G.* Altorientalische „Reichs"-Vorstellungen im 3 Jahrthausend v. Chr. Mesopotamia 7. Copenhagen, 1979, c. 125—143.
Sjoberg, 1973 — *Sjoberg A. W.* Die göttlische Abstemmung der sumerischbabylonischen Herrscher. — Orientalia Suecana, 21, 1972 (Uppsala 1973), c. 87—112.
Thureau-Dangin, 1921 — *Thureau-Dangin F.* Rituels accadiens. P., 1921.
Weidner, 1956 — *Weidner S.* Hof- und Harems-Erlasse assyrischer Könige aus dem 2. Jahrtausend v. Chr. — AfO. 1956, 17, 1, c. 257—293.
Weinfeld, 1982 — *Weinfeld M.* The Counsel of the "Elders" to Rehoboam and its Implications. — Maarav. 1982, 3/1, c. 27—53.
Westenholz, 1979 — *Westenholz A. The Old* Akkadian Empire in Contemporary Opinion. — Mesopotamia 7. Power and Propaganda. Copenhagen, 1979, c. 107—123.
Wilcke, 1973 — *Wilcke C.* Politische Opposition nach sumerischen Quellen: der Konflikt zwischen Königtum und Ratsversammlung. Litereturwerke als politische Tendenzschriften. — Le voix d'opposition en Mésopotamie. Bruxelles, 1973, c. 37—65.
Wilcke, 1982 — *Wilcke C.* Zum Geschichtsbewusstsein im Alten Mesopotamien. — Kolloquien zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Bd. 3. Archäologie und Geschichtsbewusstsein. München, 1982, c. 31—52.

Н. В. Козырева

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ РАБОЧЕГО ПЕРСОНАЛА КРУПНЫХ ХОЗЯЙСТВ В СТАРОВАВИЛОНСКОЙ МЕСОПОТАМИИ

Вопрос социального деления общества древней Месопотамии — здесь и далее мы имеем в виду Месопотамию до середины II тысячелетия до н. з. — привлекал внимание многих исследователей, предложивших разные варианты решения этой проблемы. Р. Адамс делит древнее общество Месопотамии на три социальные группы, или, как он называет их, „социальные сферы": земледельцы, администраторы, предприниматели (peasant, administrative and entrepreneurial spheres [Adams, 1982]), последние осуществляли связь между двумя первыми группами.

И. Гельб первоначально считал, что общество древней Месопотамии состояло из трех основных социальных групп. Верхняя — тонкая прослойка свободного населения, в которую входили представители господствующего класса: правители, знать, жрецы, купцы; нижняя — узкая прослойка домашних рабов, а между этими двумя социальными группами — масса подневольного населения (сервов), которая составляла основную производительную силу страны. Земледельцы и ремесленники, занятые вне государственного сектора хозяйства, если такие группы вообще существовали вопреки отсутствию прямых документальных свидетельств на этот счет, играли, по мнению И. Гельба, незначительную роль в общем производстве и не являлись особой социальной группой. Дальнейшие исследования несколько изменили представление ученого о социальной структуре древней Месопотамии. И. Гельб сделал заключение, что понятия „свободный" и „раб" не отражали реального социального деления в данном обществе, поскольку значение этих терминов было очень широко, а границы между ними весьма расплывчаты, поэтому, отказавшись в данном случае от употребления социальных категорий, он рассмотрел общественную структуру с точки зрения экономической и пришел к выводу, что общество древней Месопотамии делилось не на три, а на две основные группы: „класс хозяев" и „остальное население". В состав последней входили все работники, занятые производительным трудом, не только сервы и рабы, но и так называемые свободные земледельцы и ремесленники [Gelb, 1972, с. 92].

В настоящее время в ассириологической науке большое распространение получила теория И. М. Дьяконова, согласно которой социальная структура древнего общества определялась существованием двух различных, хотя и взаимопроникающих экономических секторов: государственного и общинного. В разное время и в разных регионах количественное

соотношение экономических сфер, занимаемых каждым из этих секторов, было неодинаковым. Основной производительной силой в древней Месопотамии, по мнению И. М. Дьяконова, были свободные земледельцы, объединенные в территориальные или территориально-родовые общины [Дьяконов, 1970]. Эта теория с теми или иными оговорками была принята многими ассириологами. При этом, однако, хотя большинство исследователей не подвергало сомнению существование свободных земледельцев, объединенных в родственные группы и совместно владеющих землей на правах членства в общине, роль этой группы населения оценивается исследователями по-разному, но чаще всего признается незначительной [Renger, 1984, с. 63].

Трудности исследования социально-экономической структуры древней Месопотамии во многом связаны с характером информации, которую содержат клинописные источники. Выдающийся ассириолог Л. Оппенхейм сравнивал эту информацию с лучом света, произвольно освещающим то один, то другой предмет в бесконечном мраке тысячелетий [Оппенхейм, 1980]. Узкая направленность свойственна, по-видимому, не только клинописной, но и другим видам письменной информации. Это связано, с одной стороны, с тем, что далеко не все стороны жизни древнего общества требовали письменной фиксации, а с другой — что круг грамотных людей был достаточно ограничен, и их традиционный, выработанный многими поколениями взгляд на мир, несомненно, влиял на характер и широту письменной информации [Adams, 1982, с. 81].

Такая избирательность информации заставляет исследователя особенно внимательно относиться к материалу, чтобы не переоценить значение имеющихся сведений и не принять за целостную систему социальной структуры древнего общества модель лишь той ее части, которая находилась в поле зрения и круге интересов древнего писца. Особое значение приобретает исследование тех элементов социальной структуры, информация о которых носит отрывочный характер, будучи рассеяна буквально по крупицам в разных источниках. Одним из кардинальных вопросов социально-экономической истории старовавилонской Месопотамии, решение которого затруднено крайней скудостью источников, является вопрос о социальном составе и положении лиц, занимавшихся непосредственно производительным трудом в ремесле и сельском хозяйстве.

В письменном материале старовавилонского времени в разной мере отразилась деятельность трех общественных групп. Прежде всего это высшие слои общества — царь, его родственники и ближайшее окружение. Представители этой группы редко упоминаются в письмах и хозяйственных документах, не считая писем, написанных от имени царя и содержащих различные административные распоряжения. В ряде случаев упоминания о царе в старовавилонских письмах носят явно аллегорический характер и, возможно, имели тайный смысл, неясный непосвященным. Из родственников царя в старовавилонских хозяйственных документах чаще всего упоминаются сестры и дочери в записях, связанных с управлением хозяйствами, которыми они владели как жрицы важнейших государственных храмов. К представителям этой же общественной группы при-

надлежали, по-видимому, и те лица, которые в письмах и документах обозначены как „сильные и знатные" (kabtu ù rabū). Эти термины употреблялись в качестве устойчивого словосочетания, не требовавшего никаких дополнительных разъяснений. Кто входил в группу „сильных и знатных" с полной определенностью мы пока сказать не можем, но по содержанию документов видно, что люди эти имели большую власть и богатство и по своему социальному статусу стояли выше всего остального населения. Они могли решать служебные тяжбы и различные споры помимо суда, могли принять в свое хозяйство беглых рабов, не неся за это никакой ответственности. Не случайно, вероятно, цари-законодатели упоминают о защите слабых против сильных (kabtu) как об одной из важнейших своих социальных функций. Таким образом, хотя мы можем по данным клинописных документов с достаточной очевидностью констатировать наличие в старовавилонском обществе привилегированной социальной группы, о конкретном положении лиц, входивших в ее состав, мы знаем мало, так как располагаем на этот счет в основном косвенной или случайной информацией.

Основная масса письменного материала, которым мы располагаем, отражает деятельность второй общественной группы — административного персонала различных рангов, но главным образом, по-видимому, среднего и низшего. Такое обилие материала вызвало к жизни целый ряд исследований, посвященных структуре и функционированию старовавилонской администрации.

Третья общественная группа, существование которой отразили клинописные источники, это лица, занятые непосредственно производительным трудом. Большую часть из них составляли люди, трудившиеся в главной отрасли месопотамской экономики — в сельском хозяйстве. На обзоре информации, касающейся этой части населения, мы хотели бы остановиться более подробно.

Лиц, которые занимались пахотой, севом, уборкой урожая, уходом за упряжным скотом и другими подобными работами, в старовавилонских текстах чаще всего обозначали собирательным термином „работники — погонщики волов" (erim šà.gud) иногда это словосочетание сокращали и называли их просто „погонщики волов" (šà.gud) или просто „работники" (erim). Поскольку слово „работник" имело очень широкий смысл и могло означать не только лиц, занятых земледельческими работами, но и работников других категорий и воинов, то в толковании этого термина часто приходится полагаться на контекст.

Главным занятием этих людей был тяжелый физический труд на полях, в массе своей они были неграмотны, не писали писем и не заключали договоров. В документах и письмах такого рода работники обычно выступают не как действующие лица, а как лица, на которых направлено действие: их передают от одного лица к другому, им выдают продовольствие, их выработку подсчитывают. Среди этой группы населения упоминаются, как мы покажем ниже, частные рабы, государственные рабы и „дети полноправных" (dumu.meš lú), т. е. свободные.

ДАННЫЕ О ПРИМЕНЕНИИ ТРУДА ЧАСТНЫХ РАБОВ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

По мнению ряда исследователей, частные рабы были заняты в основном обслуживающим трудом [Дьяконов, 1973; Gelb, 1976]. Однако в некоторых случаях труд рабов использовался и на сельскохозяйственных работах, наиболее часто зто происходило, по-видимому, в крупных хозяйствах, где число рабов было сравнительно велико. Судя по документам, значительным количеством рабов располагали те хозяйства, где имелись и поля. Не надо, однако, забывать, что большинство старовавилонских документов отражало служебную и частную деятельность государственного административно-хозяйственного персонала. Насколько широко труд частных рабов использовался на полях, которыми владели зти лица? Обратимся прежде всего к вопросу о количестве рабов в их хозяйствах и о соотношении в них числа рабов и рабынь. Данные об этом содержат документы раздела имущества.

Рабы как часть наследуемого имущества в документах о разделе имущества из Южной Месопотамии упоминаются: из Ларсы 4 раза из 18 [YOS VIII 88, 89; TCL X, 55; XI, 224], из Ура — 5 раз из 22 [UET V, 108, 112, 117, 119, 120], из Куталлы — 2 раза из 12 [TS 5, 44]. Общее число рабов, подлежавших разделу, колебалось при зтом от 1 [TS 44; UET V, 112] до 39 [TCL XI, 224], причем рабов чаще всего значительно больше, чем рабынь. Для наглядности мы представили данные этих документов следующим образом:

Документ	Всего	Рабы	Рабыни
TCL XI, 224	39	28	11
UET V, 120	22	22	—
TCL X, 55	20	16	4
YOS VIII, 98	19	13	6
YOS V, 108	10	10	—
TS 5	5	2	3
UET V, 117	4(?)	2	2(?)
UET V, 106	3 + x	3(?)	[x]
TS 44	1 + x	1	[x]
UET V, 122	1	1	—
YOS 88	x	x	x

Та же самая тенденция количественного преобладания рабов над рабынями наблюдается в документах о разделе имущества и из других городов старовавилонской Месопотамии. Можно привести следующие соотношения такого рода: 6:1 [ThD 89], 3:1 [ThD 98], 11:7 [LER 23], 4:1 [TIM IV, 21], 2:2 [Poebel 23]. В документах о разделе имущества из Сиппара рабы упоминаются не более чем в половине случаев. Число рабов небольшое: один-два на каждого наследника. Сравнительно большое число рабов упоминается в четырех документах из Сиппара, связанных с дарением и передачей имущества. При этом соотношение рабов и рабынь здесь следующее: 13:13, 10:10, 10:10, 3:7 [Harris, 1975, с. 336]. Существенно и то, что во всех этих документах либо прямо говорится о полях, либо наличие их у владельца рабов устанавливается из контекста. Также и в том единст-

венном документе о разделе имущества из Ларсы, где среди делимого имущества упомянуты и поля, фигурируют и рабы. Согласно этому документу, на долю каждого из делящихся приходилось около 40 га полей и „рабы, рабыни, крупный рогатый скот и овцы". Количество рабов и скота здесь не указано, вероятно, эта часть имущества оставалась в общем пользовании всех братьев [YOS VIII, 88]. По-видимому, в этом хозяйстве рабы составляли важную, если не основную часть рабочего персонала.

Известны случаи, когда рабов отдавали в наем для различного рода работ, в том числе и земледельческих. Так, в одном письме упоминается раб, которого хозяин отдал внаем. Наниматель не захотел выплатить полностью всю сумму наемной платы, которую хозяин раба и так уменьшил ему по сравнению с обычной в связи с их родственными отношениями. Тогда хозяин раба потребовал вернуть ему его раба и уплатить за проделанную тем работу по уборке урожая, решив отдать раба внаем другому, более добросовестному нанимателю [AbB III, 7].

В ряде случаев, покупая рабов, хозяева имели в виду, вероятно, использовать их труд и на земледельческих работах. Так можно, видимо, понимать покупку жрицей Шамаша „за свои кольца" весом в 1/3 мины серебра одного раба и одного вола [CT VIII, 30b].

Таким образом, отдельные данные, как прямые (отдача раба внаем для уборки урожая), так и косвенные (преобладание числа рабов, более подходящих для тяжелых физических работ, над числом рабынь среди имущества отдельных лиц; наличие полей у тех лиц, которые владели наибольшими по численности группами рабов), свидетельствуют о том, что владельцы рабов, безусловно, применяли их труд на своих полевых (или садовых) участках. Нельзя, однако, забывать, что рабов в частном владении в старовавилонское время было в общем-то немного (хотя, как считает И. Гельб, количество их и возросло по сравнению с предшествующим шумерским периодом) и труд рабов в относительно небольших частных хозяйствах, вероятно, не играл существенной роли в общем сельском хозяйстве страны.

ДАННЫЕ О СОСТАВЕ РАБОТНИКОВ, ЗАНЯТЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИМ ТРУДОМ В КРУПНЫХ ХОЗЯЙСТВАХ

Для обозначения отдельного хозяйства в старовавилонских текстах употреблялся шумерский термин é или аккадский его эквивалент bītum. Его буквальное значение — „дом", т. е. строение, а в широком смысле он использовался для передачи понятия „дом" как хозяйства, включавшего в свой состав все необходимые хозяйственные статьи, т. е. земельные угодья, скот, работников и т. п. В таком смысле этот термин часто упоминается в старовавилонских письмах и хозяйственных документах. При этом мы далеко не всегда можем определить, о каких именно хозяйствах, частных или государственных, идет речь в том или ином документе. Как и в других древних обществах, в старовавилонской Месопотамии положение человека в общественной иерархии и его имущественное положение были тесно взаимосвязаны. Чем выше был статус индивида, тем большая причи-

талась ему доля общественного продукта и тем большая часть общественного сектора экономики выделялась ему в управление для получения ее. Поэтому мы не встречаем в старовавилонских документах сведений о богаче, занятом исключительно делами своего личного хозяйства и не имеющем отношения к государственной администрации. Характерна в этом плане, например, фигура известного Бальмунамхе, жившего в городе Ларсе в период правления Рим-Сина. Он занимал высокое положение в государственной администрации и был управителем крупного государственного хозяйства. На территории, находившейся под его контролем, располагались, по-видимому, и его личные, наследственные владения, которые вместе с подведомственной ему частью государственного хозяйства составляли в совокупности общий источник благосостояния его семейства. В распоряжении Бальмунамхе имелся целый штат чиновников, ведавших всеми работами на местах и распоряжавшихся рабочим персоналом. Подобных крупных хозяйств было, вероятно, немало в старовавилонской Месопотамии. Сведения о них встречаются в письмах, различных хозяйственных и юридических документах и более всего в архивах отдельных хозяйств такого рода.

ДАННЫЕ ПИСЕМ О РАБОТНИКАХ, ЗАНЯТЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИМ ТРУДОМ В ОТДЕЛЬНЫХ КРУПНЫХ ХОЗЯЙСТВАХ

Сохранилось много старовавилонских писем, посвященных вопросам ведения различных работ в отдельных крупных хозяйствах. Из содержания таких писем следует, что владельцы или управители этих хозяйств чаще всего проживали далеко от них, в крупных городах (Сиппар, Ларса), где занимали высокое положение при дворе царя или в администрации храмов. Непосредственное управление хозяйством осуществлялось чиновниками, среди профессиональных обозначений которых встречаются такие термины, как dumu gá.dub.ba (младший писец/архивариус) и šà.tam (точное значение термина не установлено). По своему содержанию письма этой группы представляют собой либо указания господина относительно каких-то хозяйственных дел, либо просьбы чиновников о различного рода указаниях и распоряжениях и доклады о состоянии дел. Одной из характерных особенностей старовавилонских писем было употребление в них целого ряда стандартных формул, поскольку жанр письма развивался под влиянием четко отработанного формуляра деловых документов. Упоминания о хозяйстве в письмах рассматриваемой нами группы также часто облечены в стандартные фразы типа: „В отношении хозяйства не будь небрежен" (ana bītim la tēgī [TCL XVII, 12]). Иногда эта формула дается в более развернутом виде и перечисляются отдельные хозяйственные статьи и персонал: „В отношении дома, волов, рабынь и слуг моих не будь небрежен" (ana é gud.ḫá gìm.meš ù ṣeḫrūtija la tēgī [AbB III, 11]); „О состоянии дома, и рабынь, и рабов, и всего, что я оставил тебе, напиши" (ṭēm bītim ù amtim ù wardim ù mimma ša ēzibakum šupram [TCL XVII, 50]); „Относительно заботы о доме и слугах не будь небрежен" (ana maṣṣartim bītim ù ṣuḫārē la tēgīa [AbB IX, 37, 67]). В ряде случаев в текстах писем среди разного рода докладов и распоряжений встречаются и упоминания о персонале хо-

зяйств. Например, „пахарей, рабов дома, которых в Вавилоне у волов я оставил" (engar.engar ìr.meš é ša ina ká.dingir.ra[ki] ina muḫḫi gud.ḫá ēzibu [AbB VIII, 98]); „Рабов дома, рабынь дома и пять работников сильных, которые согласны, оставь у себя, остальных пришли мне ночью" (arad. meš é sag.gìm.meš é ù 5 erim.meš eṭlūtim ša magru kilā-ma šitātim šumšam-ma ṭurdam [AbB III, 51]); „3 одежды для рабов дома... пусть они принесут тебе" (3 túg... ana ìr.meš é liblunikkum [AbB VIII, 74]) „Рабы дома пришли ко мне и кормление свое... взяли" (arad. é. meš īrubunim kurumassunu... iṣbatu [Gordon Smith College 54:3]). В другом письме корреспондент упрекает адресата за то, что тот недостаточно хорошо управляет вверенным ему хозяйством, и, перечисляя персонал данного хозяйства, упоминает рабов дома, рабынь дома и „детей полноправных" (dumu.meš awīlim [AbB III, 11]).

Таким образом, в письмах, упоминающих работников крупных хозяйств, фигурируют следующие категории хозяйственного персонала: рабы и рабыни (ìr.gìm), рабы дома и рабыни дома (ìr é, gìm é), слуги (ṣuḫāru), работники (erim), „дети полноправных" (dumu.meš lú). В социальном отношении это, по-видимому, частные рабы, рабы, принадлежавшие не частным лицам, а отдельным хозяйствам („домам") и полноправные.

В ряде писем содержатся данные, свидетельствующие о том, что в старовавилонское время существовала практика передачи земельных участков вместе с прикрепленными к ним работниками (erim [AbB III, 81; IV, 77]). Согласно одному письму, некто получил поле, воловьи упряжки, восемь работников (erim) и зерно для посева, но задерживает поставки (gú̃n-biltu) зерна с полученного поля [AbB III, 79]. В другом письме корреспондент передает адресату распоряжение взять от одних лиц и передать другим плуги и погонщиков волов (šà.gud), а в конце письма пишет: „Плуги, погонщиков волов и расчетную запись PN пусть он возьмет" [AbB VI, 199]. Такого рода расчетные записи, по-видимому, близки по типу документам, о которых мы будем говорить ниже.

ДАННЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ О РАБОТНИКАХ, ЗАНЯТЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИМ ТРУДОМ В ОТДЕЛЬНЫХ КРУПНЫХ ХОЗЯЙСТВАХ

От старовавилонского времени до нас дошел целый ряд документов, зафиксировавших передачу земельных участков со всем инвентарем и обслуживающим персоналом. Одна запись подобного рода известна из Северной Месопотамии [CT VIII, 30a]. Согласно этому документу, жрица Шамаша передала свое поле, видимо служебный надел, двум лицам в обмен на выплату ей 100 гур зерна при сборе урожая. Вместе с полем были переданы шесть голов крупного рогатого скота, из них две коровы, 40 гур посевного зерна и четыре работника, в том числе некий Авиль-Адад, пахарь, раб дома (engar ìr é), два работника — погонщика волов, сыновья полноправного (dumu.meš lú) и одна женщина, погонщица волов, рабыня дома (mí šà.gud gìm é). Таким образом, в данном хозяйстве, по-видимому одном из отделений хозяйства храма Шамаша, жрицей которого

была владелица данного участка, на поле трудились работники из числа полноправного населения и рабы и рабыни дома, т. е. храма Шамаша (?).

Сходный документ TIM V, 50. Происхождение его неизвестно, но, судя по датировке, 47-й год правления Рим-Сина, он, вероятно, был составлен в Южной Месопотамии. Эта запись зафиксировала передачу орошаемого поля (a.šà mikrum) плащадью 14 бур трем лицам. Кроме поля они получили 14 волов и восемь работников, из них двух пахарей (lú engar) и шесть погонщиков волов (lú šà.gud), и те и другие, видимо, из числа полноправных, судя по термину lú (аккадское awīlum — „свободный, полноправный"). Документ частично поврежден, и условия передачи не очень ясны. Сохранилась приписка о том, что получатели будут нести ответственность в случае болезни людей или животных (ana marṣat gud.ḫá ù ana marṣat awīlim... izzazzu [TIM V, 50, 11—13]).

Еще один документ такого рода, датированный 31-м годом правления Рим-Сина, был составлен в районе Ларсы [СВД 60]. Согласно этой записи, некий Ипку-Идиклат получил участок орошаемого поля (a.šà mikrum (ср. [TIM V, 50]) площадью 8 (?) бур, шесть волов, четырех работников, погонщиков волов (šà.gud) и зерно на посев и фураж. Со своей стороны он обязался отвесить 300 гур зерна из урожая, полученного с поля. Этот документ, как и два предшествующих во многом напоминают опубликованные М. Эллис договоры о передаче полей держателям государственных земельных наделов — энси [Ellis, 1976, с. 28 и сл.]. Задание Ипку-Идиклата названо в СВД 60 тем же термином, как и задание энси, — „урок" (éš.gàr). Энси обычно скрепляли своими печатями договоры о передаче им участков. В СВД 60 также отмечено, что приложена печать Ипку-Идиклата, но далее следует приписка: „Печать его не поставлена, печатями PN, PN_2 и PN_3 он припечатал". Свидетели в СВД 60 не упомянуты, как не упомянуты они и в документах, опубликованных М. Эллис. Без перечисления свидетелей составлялись обычно именно административно-хозяйственные документы.

Энси руководили земледельческими работами на отдельных участках, на которые были поделены крупные государственные хозяйства, управлявшиеся высшими государственными чиновниками. Каждый такой участок или надел обеспечивался всеми необходимыми хозяйственными статьями: соответствующим количеством посевного зерна, упряжного скота и работников, так что определенное число работников и упряжного скота составляли хозяйственную единицу, способную обработать поле заданной площади и произвести соотвествующее количество зерна. В некоторых случаях скот и работники могли перемещаться с одного участка на другой по распоряжению администрации [AbB VI, 199]. Хозяйство выделяло необходимое количество зерна для прокорма работников. Зерно на выдачи работникам — погонщикам волов, независимо от того, рабы они или полноправные, всегда упоминается в записях о передаче участков. Иногда на эти цели выделялось некоторое количество серебра: „... 1/3 мины серебра на зерно кормления работников — погонщиков волов (1/3 ma.na kù.babbar ana še šuku erim šà.gud [AbB VI, 143]). Из общих ресурсов хозяйства, вероятно, покупался в случае необходимости упряжной скот

для работников, находившихся под управлением энси: „2/3 мины 7 сиклей серебра... которое для покупки волов для погонщиков волов для энси поля бога Шамаша" (2/3 ma.na 7 gín kù.babbar... ša ana šám gud šà.gud ana pa.te.si d. šamaš).

Центральной администрацией хозяйства решался и вопрос об увеличении числа воловьих упряжек на полях энси [AbB IV, 155], о передаче им дополнительных работников — погонщиков волов [AbB VI, 111]. В обязанности энси входило проведение всех необходимых земледельческих работ на выделенном ему участке; бросить его или передать в другие руки он не имел права [AbB VI, 75]. Значительную часть урожая, до 2/3, энси обязаны были выплачивать государству в качестве своего „урока". Эти чиновники выполняли, по-видимому, в старовавилонское время роль низшего руководящего звена в государственном сельскохозяйственном секторе. Можно предположить, что таким способом государственное хозяйство избегало чрезмерной централизации и получало возможность более рационально, чем в предшествующий период, использовать ресурсы рабочей силы.

Таким же способом, т. е. с помощью государственных управителей и государственной рабочей силы, обрабатывались в ряде случаев участки, выдававшиеся за службу отдельным лицам. При этом 1/2 — 1/3 урожая поступала в распоряжение государственной администрации, а остальная часть шла держателю надела, который считался владельцем участка [Maekawa, 1982].

Сходную практику отражает, по-видимому, еще один документ из Ларсы времени Рим-Сина [YOS V, 202]. В нем содержится отчет за несколько лет о поступлении и расходе зерна в одном из отделений государственного хозяйства, находившегося под ответственностью некоего Анум-пи-Сина. Судя по графе расходов, 60 гур зерна ежегодно выдавалось из этого хозяйства некоему Ку-Нанна, певцу, а 60 гур расходовалось на посевное зерно, фураж для скота и выдачи погонщикам волов. Остальное зерно оставалось в распоряжении администрации. Вероятно, в этом документе были зафиксированы расходы и поступления зерна с индивидуального служебного надела, который обрабатывался силами государственных работников под контролем государственной администрации.

Возвращаясь к документу СВД 60, можно с большой долей вероятности сказать, что Ипку-Идиклат, который получал поле, работников и скот, возможно, также был энси либо принадлежал к сходной с энси категории управителей государственных земельных наделов. Он получил участок государственного хозяйства со всем необходимым инвентарем и работниками, должен был обработать этот участок и часть урожая, вероятно 2/3, представить государству как свой „урок". Поле, переданное Ипку-Идиклату, названо в документе „орошаемым", т. е. оно принадлежало, по-видимому, к высшей категории полей с урожаем в 60 гур зерна с 1 бур, т. е. его общий урожай в таком случае мог составить 480 гур зерна.

Как же работал на полях, находящихся под управлением энси? Судя по письмам и документам, во многих случаях земельные участки передавали в управление со всеми необходимыми для обработки земли хозяйствен-

ными статьями, т. е. работниками, упряжным скотом, фуражом и т. п. При этом определенное число работников и рабочего скота составляли хозяйственную единицу, „упряжь", способную обработать участок земли площадью 5—7 бур и произвести около 300 гур зерна [AbB II, 39]. В социальном отношении работники, передававшиеся вместе с земельными участками, принадлежали, судя по данным приведенных выше писем и документов, к двум основным категориям: „рабы/рабыни дома" и „полноправные" или „дети полноправных".

ДАННЫЕ АРХИВОВ ОТДЕЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВ

Чтобы пополнить наши данные о работниках, занятых непосредственно производительным трудом в крупных хозяйствах, от анализа отдельных документов и писем обратимся к тем сведениям на этот счет, которые содержатся в архивах такого рода хозяйств.

В данной работе мы использовали документы из архива государственного хозяйства в Ларсе (Южная Месопотамия) времени Рим-Сина и архива крупного хозяйства в Лагабе (Северная Месопотамия) времени Самсуилуны.

Из ларсских документов нам известно о существовании целого ряда отделений государственного хозяйства, организованных по типу „домов-хозяйств". Таков „дом (рабынь) ткачих" (é (g̀im) uš.bar [CBD 61; YOS V, 117]). Сохранилась отчетная запись о работе здесь 13 рабов и рабынь в течение года [YOS V, 222]. Другой „дом-хозяйство", о котором у нас есть сведения, это откормочное хозяйство (é gid.udu.še), в которое поступал скот на откорм из государственных стад. За скотом ухаживали постоянные работники. Тексты упоминают „человека откормочного хозяйства" (lú é gud.udu.še [TCL X 15, 21]). В администативный персонал этого хозяйства входил чиновник-шатамму [YOS VIII 3, 15]. Тем же термином „дом" обозначалась и та часть государственного хозяйства, которая производила натуральные продукты (зерно, скот, шерсть). В состав этого „дома" входили все необходимые для хозяйства компоненты: земля, скот, работники, административный аппарат. Во главе „дома" стоял управитель, которого в документах называют просто „человек" (awīlum). Вероятно, оба эти слова, т. е. „дом" и „человек", в данных контекстах употреблялись как бы в нарицательном смысле, так же как слово „город" в отношении Ларсы. Можно предположить, что этим термином — „авилум" в таких документах как раз обозначается одно из тех трудноуловимых лиц из числа „знатных и сильных", о которых мы говорили выше.

Деятельность „дома" в Ларсе ограничивалась, видимо, рамками крупного аграрного хозяйства, обеспечивающего государство постоянным зерновым фондом и продуктами скотоводства [Козырева, 1975]. Поля этого хозяйства занимали часть обрабатывавшихся земель сельских общин в окрестностях Ларсы. По сохранившимся документам о расходе зерна хозяйством в некоторых из этих общин мы можем судить о составе рабочего персонала „дома", занятого в сельском хозяйстве.

На полях данного хозяйства постоянно работали следующие категории работников: рабыни и рабы (gìm ìr [YOS V, 184]); полноправные работники — погонщики волов (lú/erim šà.gud [YOS V, 181, 184] и пастухи [YOS V, 184]). Время от времени хозяйство нанимало дополнительных работников, по-видимому, из числа свободного населения общины, это случалось во время уборки урожая (erim še.gur$_{10}$.kud [YOS V, 184]), работников нанимали также для изготовления кирпичей и на строительные работы [YOS V, 175].

Судя по записям выдач, всем постоянным работникам „дома" выдавалось зерновое довольствие (še.ba). Возможно, они получали и другие продукты, записей о чем не сохранилось. В одной расходной на масло упоминается выдача масла „рабу дома" по случаю его болезни [YOS V, 181].

Если исходить из среднего размера выдачи — 5 гур зерна в год на одного погонщика волов ([YOS V, 184] 30 še.gur še.ba 6 erim šà gud), то в четырех отделениях этого хозяйства, расположенных на землях четырех разных общин, работало примерно 49 погонщиков волов. Возможно, их было и больше, так как среди них могли быть и женщины, получавшие половинную норму довольствия. Рабы и рабыни получали довольствие только в одном отделении хозяйства, расположенном в селении Ишкун-Эа [YOS V, 184]. Судя по общему размеру довольствия, рабов могло быть примерно 18 человек.

Обратимся теперь к материалам другого архива, происходящего из Северной Месопотамии (Лагаба). Во многих отношениях он удивительно похож на архив из Ларсы, Так же как и в ларсском архиве, в нем содержится два вида документов: административно-хозяйственные и письма; их объединяет сходство содержания и состав упоминаемых в них лиц. Документы и письма отражают деятельность одного из отделений крупного государственного хозяйства, располагавшегося на территории какой-то сельской общины Северной Месопотамии, которая в письмах архива называется просто „город" (uru^{ki} [AbB VIII, 152], alu [AbB III, 38 48]. Хозяйство, как обычно, называется в документах „дом". Руководство хозяйством осуществлялось, по-видимому, из Вавилона. Несколько раз в документах архива упоминается авилум. Возможно, как и в ларсском архиве, этим термином назывался главный управитель или владелец хозяйства. В одном из писем архива корреспондента просят обратиться к авилуму, чтобы решить какое-то важное дело, касающееся строения и серебра, если корреспондент сможет увидеть его на празднике „открытия колышка" [AbB III, 48]. В хозяйственных записях среди расходов упоминается выдача фиников „высшего качества" для еды авилуму [LAD 73].

Многие письма архива написаны неким Белшуну и адресованы либо Лу-Нинсианна, либо ему и Инибшина. Судя по содержанию и тону писем, Белшуну находился на более высокой ступени административной лестницы и жил в нескольких днях пути от данного отделения хозяйства. Между Белшуну и его корреспондентами была налажена постоянная переписка, и он требовал от них ежедневных отчетов [AbB III, 35]. Непосредственно руководили работами и распределяли довольствие в этом отде-

лении хозяйства Инибшина и Лу-Нинсианна. Из писем Белшуну мы узнаем, что Лу-Нинсианна был младшим писцом (dumu é.dub.ba [AbB III, 38]). В числе обязанностей этого чиновника, как известно, были обмер и распределение полей среди различных групп государственных служащих [AbB IX, 237; III, 55; IV 11, 41, 100]. Они же, вероятно, должны были вести и подсчеты по приходу и расходу хозяйства, выдаче кормлений и т. п.

Кто же составлял собственно рабочий персонал этого хозяйства?

В письмах архива упоминаются „раб дома", „рабыни дома" и работники (ìr é, gìm é, erim), „работники дома" (erim é [LAD 97], erim ša bītim [AbB III, 36]). „Работники дома", чьи имена встречаются в письмах, фигурируют и в хозяйственных записях: в списке выдач зерна [LAD 97], среди лиц, занятых уборкой урожая [LAD 94]. Вместе с „работниками дома" на уборке урожая работали и наемные работники (erim ḫun.gá kù.babbar), получая за это плату серебром и зерном [LAD 94].

Из хозяйственных документов данного архива сохранились записи выдач зерна и фиников отдельным группам персонала. В некоторых случаях в начале записи выдач, перед тем как перечислить людей поименно, указывается, к какой категории персонала они принадлежат. Эти категории следующие: полноправный (lú [LAD 78, 80—82]), зависимый (mu.bi.im [LAD 88, 92]), раб (ìr [LAD 86]). В списке выдач LAD 86 перечислены 20 мужских имен, затем подведен итог: „(столько-то) зерна — выдача рабам". Далее перечисляются выдачи женщинам. Конец документа поврежден, но, вероятно, женщины, включенные в один список с рабами, принадлежали к общей с ними группе персонала. Имена некоторых работников хозяйства упоминаются и в списках рабов, и в списке зависимых лиц.

„Работники дома" получали зерно по списку полноправных (lú); Варад-Амурру — „работник дома" [LAD, 94, 3, 22, 35, 78, 80] и полноправный [LAD 81, 82] (он же, вероятно, выступает как ответственное лицо при получении зерна [LAD 96]), Сингимлянни — „работник дома" [LAD 94, 5], „полноправный" [LAD 82, 5]. Списки выдач полноправным начинались обычно именами управителей данного отделения хозяйства — Лу-Нинсианна и Инибшина, а заканчивались чаще всего женскими именами [LAD 80—83, 78]. Лица, упоминающиеся в списках полноправных, не встречаются в списках рабов и зависимых.

Таким образом, в документах архива данного хозяйства, так же как в архиве из Ларсы, упоминаются три категории рабочего персонала: 1) рабы/рабыни дома (gìm/ìr é), они же, видимо, зависимые (mu.bi.im); 2) полноправные работники дома (erim é, erim ša bītim); 3) наемные работники (erim lú ḫun.gá).

Таким образом, судя по данным документов и писем старовавилонского времени, рабочий персонал отдельных крупных хозяйств, занятый непосредственно в сельском хозяйстве, включал три основные категории работников: рабы/рабыни дома, работники дома, наемные работники.

Рассмотрим каждую из этих категорий отдельно, чтобы попытаться по мере возможности определить, какое место они занимали в общей социальной структуре.

1. *Рабы/рабыни дома.* В отличие от частных рабов эту группу хозяйственного персонала можно, вероятно, назвать „государственные рабы". При передаче отдельных участков хозяйства во владение или управление наряду со всеми другими хозяйственными статьями передавались и рабы, обслуживавшие данный участок, но при этом они (так же как и само хозяйство) не переходили в собственность нового владельца. Рабы выполняли любую нужную в хозяйстве работу, в том числе занимались и сельскохозяйственным трудом. Единственным источником их существования были, по-видимому, выдачи, размер которых соответствовал выработанной норме пропитания [Козырева, 1972]. Вероятно, они могли жить семьями: так, постоянно упоминаются вместе рабыни и рабы, но сожительство их не признавалось, как кажется, законными семейными отношениями. Имя свободной женщины в списках выдач часто сопровождалось указанием „жена PN" (dam PN), в отношении рабынь таких упоминаний не встречается.

Каким образом пополнялось число этих работников? О естественном воспроизводстве у нас никаких сведений нет, дети рабынь упоминаются почти исключительно в документах, касающихся частных рабов, и в этих случаях они, вероятнее всего, были детьми рабынь от хозяев [Дьяконов, 1973]. Крупные хозяйства покупали чужеземных рабов. Есть данные о покупке рабов дворцом [AbB VII, 121], храмом Мардука [AbB VII, 115]. Рабы могли поступать в хозяйства из числа военнопленных. В расходных документах говорится о награждении лиц, „пригнавших... рабов и рабынь" [YOS V, 178], о расходе серебра на покупку двух женщин погонщиц волов [CAD 8, 507]. Число „государственных рабов" пополнялось также, вероятно, за счет социально обездоленных групп населения: сирот, брошенных детей, лиц, „подаренных" различным храмам.

Насколько велика была численность этой группы населения, можно только предполагать. В тех хозяйствах, данными о которых мы располагаем, количество рабов уступает числу работников дома.

2. *Работники дома.* Среди этой группы персонала могли быть работники разных профессий, нас в данном случае интересуют „работники — погонщики волов". Эти работники составляли, вероятно, низшую категорию повинностного населения, непосредственно примыкающую к рабам. Они обычно упоминаются последними при перечислении различных категорий государственных работников [TCL X, 133], последними стоят в списке на получение зернового довольствия ([LER 43] 25 работников — погонщиков волов получают 50 сила зерна, что соответствовало обычной норме дневного пропитания работника). В одном из старовавилонских писем некто жалуется на проявленное к нему неуважение: „Ты унизил меня здесь, в городе, где я живу, даже в глазах погонщиков волов" [TCL XVII, 56]. Запись человека в число погонщиков волов вызывает протест [AbB VI, 111], так же, впрочем, как и запись в воины редумы [AbB III, 26].

Для этой группы государственных служащих, как и для других групп, существовали два способа обеспечения: либо им выдавали довольствие, для этого на государственных землях отводились поля, часть урожая

с которых шла на выдачи довольствия служащим [AbB VIII, 98; TCL X, 133], иногда для обеспечения продовольствием этой группы работников расходовалось серебро [AbB VI, 143], либо им давали участки земли за службу [TCL XI, 156]. Выбор способа обеспечения зависел, вероятно, от возможностей хозяйства, к которому были прикреплены эти работники.

Повинность погонщика волов, как и другие государственные повинности, могла переходить по наследству от отца к сыну [AbB IV, 64], но в случае необходимости администрация могла и переводить своих служащих из других групп в эту [AbB VI, 111].

3. *Наемные работники.* Крупному хозяйству невыгодно было держать слишком много работников, так как оно не могло занять их постоянно, поскольку сельские работы носили сезонный характер. Поэтому на время уборки урожая или для проведения каких-то срочных работ (строительство) нанимали дополнительных работников, вероятно из числа жителей сельских общин, соседних с хозяйством. Такая практика найма работников существовала на протяжении многих поколений и представляла собой, видимо, традиционную форму взаимоотношений общины и крупного государственного хозяйства. В Северной Месопотамии во времена Самсуилуны обязанность выставить определенное количество работников ко времени сбора урожая брал на себя староста общины, которому и выплачивалась за это определенная сумма серебра [Yoffee, 1974].

В приведенных выше данных писем, отдельных документов и архивов о работниках, занятых сельскохозяйственным трудом, количество упоминаемых в них работников представляется сравнительно небольшим, особенно если вспомнить внушительные цифры шумерских документов. Примерно 18 рабынь и рабов и 49 погонщиков волов работали в крупном хозяйстве в районе Ларсы, 25 погонщиков волов — в другом крупном хозяйстве в Южной Месопотамии [LER 43], 20 рабов, 18 работниц и некоторое количество работников в крупном имении в районе Лагабы, 49 погонщиков волов (мужчин и женщин) в одном из крупных хозяйств около Дильбата [VAS 7, 128], т. е. в каждом отдельном крупном хозяйстве, по тем сведениям, которыми мы располагаем, в среднем 25—70 человек были заняты сельскохозяйственными работами. По подсчетам К. Маекавы, одна рабочая единица (воловья упряжка и три-четыре работника) обрабатывала участок в 5—6 бур [Maekawa, 1982]. Если исходить из этих подсчетов, то хозяйства, на полях которых было занято 25—70 человек, могли обрабатывать от 30 до 70 бур земли. При среднем урожае в 30 гур с 1 бур могли получать от 900 до 2400 гур зерна (1 гур ≈ 30 л зерна).

Группой работников, непосредственно занятых обработкой земли и уборкой урожая, не исчерпывался, конечно, весь контингент персонала крупных хозяйств, занятого в различных отраслях производства и обслуживания. В таких хозяйствах работали мукомолы и ткачи, пекари и кожевники, кузнецы и столяры. Эти группы персонала, так же как и погонщики волов, могли обеспечиваться двумя способами: либо они получали натуральные выдачи из зерна, выращенного на полях государственного хозяйства, либо пользовались частью урожая с отведенного им индивиду-

ального служебного надела. При этом и те и другие поля, т. е. поля государственного хозяйства и индивидуальные служебные наделы, чаще всего обрабатывались, видимо, силами тех самых работников, сведения о которых приведены нами выше.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дьяконов, 1967 — *Дьяконов И. М.* Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. — ВДИ. 1967, № 4.

Дьяконов, 1970 — *Дьяконов И. М.* Социальная стратификация древнего общества. — XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970.

Дьяконов, 1973 — *Дьяконов И. М.* Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. — ВДИ. 1973, № 4.

Козырева, 1972 — *Козырева Н. В.* Нормы потребления в старовавилонской Месопотамии. — ВДИ. 1972, № 2.

Козырева, 1975 — *Козырева Н. В.* Сельская округа в государстве Ларса. — ВДИ. 1975, № 2.

Оппенхейм, 1980 — *Оппенхейм Л.* Древняя Месопотамия. М., 1980.

Adams, 1982 — *Adams R.* Mesopotamian Social Evolution. Old Outlooks, New Goals. On the Evolution of Complex Societies. Essays in Honor of Harry Hoijer. 1982.

Ellis, 1976 — *Ellis M.* Agriculture and the Steta in Ancient Mesopotamia. Philadelphia, 1976.

Gelb, 1972 — *Gelb I.* From Freedom to Slavery. — XVIII Rencontre assyriologique Internationale. München, 1972.

Gelb, 1976 — *Gelb I.* Evaluation of Slavary and Serfdom. Cunaiform Studies in Honor of S. N. Kramer. — Alter Orient und Altes Testament. 1976, 25.

Harris, 1975 — *Harris R.* Ancient Sippar. Istanbul, 1975.

Meekawa, 1982 — *Maekawa K.* Agricultural Texts of Ur III Lagash. Acta Sumerologica. 1982, 4.

Powell, 1977 — *Powell M.* Sumerian Merchants and the Problem of Profit. — Iraq. 1977, 23.

Ranger, 1984 — *Renger J.* Patterns of Non-Institutional Trade and Noncommercial Exchange in Ancient Mesopotamia at the Beginning of the Second Millenium B. C. — Studi Micenei ed Egeo Anatolici. 1984, 25.

Yoffee, 1974 — *Yoffee N.* The Economic Role of the Crown in the Old Babylonian Period. — Bibliotheca Mesopotamica. 1977.

И. Ш. Шифман

ГОСУДАРСТВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ДРЕВНЕЙ ПАЛЕСТИНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА III – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.)

Государство как социально-политическая институция формировалось в ханаанейско-аморейской Палестине, по-видимому, во второй половине III – начале II тысячелетия до н. э. (о развитии Палестины в этот период см. в особенности [Mazar, 1968, с. 65–97]). Так называемые „Тексты проклятий", происходящие из Египта ([Sethe, 1926; Posener, 1940; ср. также Alt, 1959, 3, с. 49–71]), показывают, что в Палестине XIX–XVIII вв. до н. э. существовали многочисленные города, бывшие самостоятельными политическими организациями, в том числе Иерусалим (ꜣwšꜣmn), Акко (^{c}kj), Ашкелон (ꜣiskꜣnw), Магдала (mktj), Сихем (skmꜣimꜣi), Ахшаф (ꜣikspꜣi), Хацор (hdw*ꜣiꜣi*), Бет-Шемеш (bwtšmšw). Власть в этих городах принадлежала царям (егип. ḥkꜣ, по-видимому, соответствует ханаан, *malku); формула ḫnk, wnb. wnt. whn^{c}-f, которую К. Зете переводит как „все близкие, что с ним", позволяет предполагать об окружении царей из царских людей, в том числе и об их дружинах. Составители „Текстов проклятий" считали нужным распространить магическое действие совершавшегося обряда не только на царей, но и на всех „азиатов" (^{c}ꜣmw), входящих в население соответствующих пунктов. Такие действия могут быть поняты только при условии, что жители каждого из указанных городов могли порознь представлять угрозу Египту. За всем этим может скрываться, как кажется, ситуация, когда в обществе под верховной властью царя находились царский и общинный секторы.

Эта ситуация существовала в Палестине практически вплоть до последней четверти II тысячелетия до н. э. Археологические исследования поселений гиксосского времени (вторая четверть II тысячелетия до н. э.) свидетельствуют о наличии там многочисленных городов не слишком больших размеров (площадь наибольшего из них, Хацора, составляла 182 акра), окруженных массивными стенами из камня и кирпича и покатыми земляными валами [Kenyon, 1960; Yadin, 1955, с. 23–32; Yadin, 1975]. Конгломератом небольших царств, ожесточенно борющихся между собой, Палестина предстает и в Телль эль-Амарнской переписке (XV – первая половина XIV в. до н. э.) [Campbell, 1963]. Среди корреспондентов египетского фараона были цари Иерусалима [EA, 1915, № 285–291], Хацора [EA, 1915, № 227–228], Мегиддо [EA, 1915, № 242–248], Лахиша [EA, 1915, № 328–329], Гезера [EA, 1915, № 297–300], Ашкелона [EA, 1915, № 320–326], Хеврона [EA, 1915, № 278–284], Сихема [EA,

1915, № 252—254] и др. Список царей, побежденных Иисусом Навином (Иис. Нав. 12, 9—24), существенно дополняет наши представления о политической карте Палестины второй половины II тысячелетия до н. э. Здесь названы властители следующих городов-государств: Иерихон, Хаᶜай, Иерусалим, Хеврон, Йаримут, Лахиш, ᶜЭглон, Гезер, Девир, Гедер, Хорма, Арад, Ливна, ᶜАдуллам, Маккеда, Бет-Эль, Таппуах, Хефер, Афен, Шарон, Мадон, Хацор, Шимрон-Мероон, Ахшаф, Таᶜанах, Мегиддо, Кадеш, Йокнеᶜам, Дор, Гайᶜим, Тирца. Египетские источники, датируемые серединой II тысячелетия до н. э. [ANET, с. 245—248], аккадоязычный клинописный архив из Таᶜанаха времени походов Аменхотпа II (1439—1413 гг. до н. э.) [Sellin, 1904; Sellin, 1906; Albright, 1944, с. 12—27; Malamat, 1961, с. 218—231], а также документы из Телль эль-Амарны позволяют в общих чертах представить себе организацию и социальную структуру этих государств (ср. также [Malamat, 1966, с. 177—229].

Каждое из них представляло собой город (резиденция правителя, экономический, политический и культурный центр) с тяготеющей к нему сельскохозяйственной округой. Главой государства был царь. Царский сектор образовывали родственники царя (его братья), придворные различных рангов, в том числе марйанну (ср. [Reviv, 1972, с. 218—228]), шанану, ᶜаширу, а также ремесленники, трудившиеся в царских мастерских, и работники, занятые в царских хозяйствах; среди царских людей были, несомненно, как рабы, так и свободные. Библейские тексты (см., например, Суд. 4, 2) показывают, что одну из важнейших ролей при особе царя играл начальник его войска. В этих городах отчетливо просматривается и общинный сектор — гражданский коллектив, имевший, несомненно, свою организацию и самоуправление [Reviv, 1969; Artzi, 1964], хотя и под верховной властью царя. Параллельный угаритский материал дает основания допустить существование в палестинских городах-государствах своеобразного двоевластия [Шифман, 1982]. Библейские тексты, относимые к этому сюжету, также свидетельствуют об общинном секторе в городах-государствах Палестины второй половины II тысячелетия до н. э. как своеобразном политическом организме с присущими ему органами управления — советом старейшин („старцы"), народным собранием и магистратами (ср. [Speiser,1967]).

Со времени походов Тутмеса III (1490—1438 гг. до н. э.) верховным властителем Палестины был египетский фараон. Египетское правительство сделало попытку организовать управление так, чтобы обеспечить покорность палестинских царей, регулярное поступление в Египет даней и выполнение повинностей. Во главе всей системы стоял наместник, пребывавший в Газе, которому были подчинены чиновники — рабицу, осуществлявшие власть на местах; в различных пунктках располагались египетские гарнизоны. Палестинские цари должны были время от времени являться ко двору фараона с изъявлениями униженной покорности; по всей видимости, они получали от фараона инвеституру. В то же время от фараона палестинские цари ожидали защиты от врагов как внешних, так и внутренних. Собственно, об этом и говорят письма, сохранившиеся в архиве из Телль эль-Амарны; явное нежелание Египта вмешиваться во внутрипа-

лестинские конфликты объясняется, по всей вероятности, тем, что его интересы они не затрагивали. За всем этим палестинские общества продолжали оставаться самоуправляющимися и суверенными политическими организациями, хотя их суверенитет и был существенно ограничен египетским господством. Ослабление Египта привело к тому, что его верховенство само собой прекратилось.

II

В последние века II тысячелетия до н. э. ситуация в Палестине существенно изменилась. На морском побережье Палестины осели филистимляне (по всей видимости, пеласги), которых традиция выводила с о-ва Кафтор (Крит) (Иерем. 47, 4; Амос 9, 7); они создали там свои города-государства, но об этих последних известно только, что их возглавляли правители, именуемые в Библии либо царями, либо местным титулом särän, скорее всего соответствующим греч. τύραννος. Тогда же в глубинные районы страны вторгся племенной союз Израиль (здесь и далее, если не оговорено иное, Израиль — это древний союз племен Израиль, либо древнее Израильское царство), сложившийся, вероятно, в середине II тысячелетия до н. э., и входившие в его состав племена постепенно начали оседать на ее территории.

Как складывалась история племенного союза Израиль до его появления в Палестине, сказать трудно. Легенда о патриархах и об исходе из Египта, подробно разрабатываемая в Пятикнижии и Псалтири (78, 105, 106), играет настолько важную роль как в идеологии пророческого движения, так и во всей конструкции иудейского монотеизма (напомним, что к этому событию приурочено законодательство Пятикнижия; им обосновываются все предписания, обращенные к адептам монотеизма), что она не может восприниматься в качестве повествования, сочиненного ad hoc. К тому же в основе фольклорных повествований, к числу которых относится и легенда об исходе из Египта, лежит, как правило, определенная историческая реальность; достаточно указать на „Илиаду" и „Одиссею", „Песнь о Нибелунгах", „Песнь о Роланде", „Давида Сасунского", русский былинный эпос. Соответственно, несмотря на молчание известных нам египетских источников, кажется весьма вероятным, что на каком-то этапе своей древнейшей истории израильтяне оказались в Египте, где были превращены в царских рабов и трудились на царских работах. По прошествии времени израильтяне, которыми предводительствовал человек, называемый в традиции Моше (mōšā̆ „дитя"; ср. угар. mṯ в том же значении; в Септуагинте и ориентирующемся на нее синодальном переводе Библии — Моисей), бежали из Египта. В известной надписи на стеле фараона Мернептаха (конец XIII в. до н. э.), где Израиль впервые упоминается, он изображен живущим на юге Палестины и испытавшим губительный удар со стороны Египта: „Израиль опустошен, его семени нет" [ANET, с. 376—378]. Впрочем, иудейско-израильская историческая традиция это событие не запомнила. Как бы то ни было, на рубеже II—I тысячелетий до н. э. на базе союза племен Израиль в Палестине складывается государство,

по ряду признаков значительно отличающееся от тех, которые там существовали прежде.

До начала I тысячелетия до н. э. структура племенного союза Израиль была весьма рыхлой. Племена назывались терминами šebāṭ и maṭṭā. В Суд. 5, 14–18 („Песнь Деворы"; предположительно XIII в. до н. э.), где речь идет об участии отдельных израильских племен в войне против Йавина, царя Хацора, и его военачальника Сисеры, упоминаются Эфрайим, Бинйамин, Зевулун, Иссахар, Реувен, Дан, Ашер, Нафтали; отсутствуют Шимеᶜон, Леви, Йехуда, Гад, Менашше. В то же время как кровнородственные объединения, чей статус соответствовал статусу племен, здесь фигурируют Махир и Гилеᶜад; как самостоятельный организм, не входящий в какое-либо племя, Гилеᶜад упоминается и в Суд. 11–12 (предание об Йифтахе). Между тем, согласно Числ. 26, 29 (ср. также Быт. 50, 23; Иис. Нав. 17, 1; I Хрон. 7, 14), Махир входил в состав племени Менашше, по Числ. 26, 29–30, Махир был сыном Менашше, а Гилеᶜад — сыном Махира (согласно I Хрон. 5, 14, существовал еще другой Гилеᶜад, входивший в племя Гад). Каковы бы ни были цели составителя „Песни Деворы" (а он едва ли намеревался представить своей аудитории полный список израильских племен; ср. [Noth, 1930, с. 5]), безусловно, структура союза в XIII в. не совпадала с той, которая известна по более поздним источникам. Кроме того, внутрисоюзные связи были настолько слабыми, что давали возможность отдельным племенам вообще не участвовать в общих предприятиях. Заметим в этой связи, что в близком по времени походе Гидеᶜона против мидйанитян участвовали только племена Менашше, Ашер, Зевулун и Нафтали (Суд. 6, 35); при завершении кампании к ним был призван также и Эфрайим (Суд. 7, 24 – 8, 2). В царствование Саула Реувен вел войну против хагриитов (I Хрон. 5, 10). Известна и война против хагриитов, йетура, нафиша и надава, которую вели племена Реувен, Гад и часть племени Менашше, находившаяся за Иорданом (I Хрон. 5, 18 – 22). Из I Сам. 27, 10 видно, что в царствование Саула самостоятельную позицию занимали Йехуда и Йерахмеэл; но, по I Хрон. 2, 9 и 25 сл., Йерахмеэл входил в состав Йехуды.

Другой текст, в котором мы встречаем перечисление израильских племен (I Хрон. 12, 24–38), отражает ситуацию конца XI — первой половины X в. до н. э.; он представляет собой исчисление контингента воинов (rāšē hāḥālūṣ laṣṣābā), пришедших к Давиду в Хеврон, чтобы посадить его на царство. Воины явились от следующих родо-племенных групп, каждая из которых занимала самостоятельную позицию: Йехуда, Шимеᶜон, Леви, Ахарон, Бинйамин, Эфрайим, Менашше, Иссахар, Зевулун, Нафтали, Дан, Ашер, Реувен, Гад. К этому же времени относится и список вождей израильских племен (I Хрон. 27, 16–22), который по необходимости должен был быть исчерпывающим. В его состав включены Реувен, Шимеᶜон, Леви, Ахарон, Йехуда, Иссахар, Зевулун, Нафтали, Эфрайим, Менашше, Бинйамин, Дан; не упоминаются Ашер и Гад[1].

Жреческая традиция Пятикнижия знает уже упорядоченную систему, в которую входили Реувен, Шимеᶜон, Леви, Йехуда, Зевулун, Иссахар, Дан, Гад, Ашер, Нафтали, Иосиф, Бинйамин (Быт. 29, 31–30, 24–35,

16—20; 35, 23—26; 46, 8—25; 49, 1—27; Исх. 1, 2—5; Второз. 27, 12—13; к этому примыкают I Хрон. 2, 1—2 и 48, 1—29). Параллельно этой, однако, существует и другая система, где Леви как сообщество жрецов выпадает из списка, тогда как Иосиф разделен на два племени: Эфрайим и Менашше, причем в некоторых случаях указывается их общее происхождение от Иосифа (Числ. 1, 5—15; 2, 3—31; 7, 12—83; 10, 14—28; 26, 5—51; 34, 14—29; к этому примыкает Иис. Нав. 13—19, где отмечается, что Леви не имеет доли при разделе Палестины, и Иезек. 48, 1—29). В Числ. 13, 4—15 не упоминается Менашше, но одновременно фигурирует Эфрайим и Иосиф; возможно, в данном случае Иосиф совпадает с Менашше. Во Второз. 33 (благословение Моисея, которое необходимо должно было быть полным) нет Шиме^сона. Кажется правдоподобным, что этот разнобой отражает борьбу между племенами Эфрайим и Менашше за самостоятельность в рамках союза, а также борьбу, которую должны были вести Леви и Шиме^сон за место в союзе.

Одним из важнейших элементов, на основе которых конституировался племенной союз Израиль, было представление о происхождении всех входивших в него племен и соответственно всех членов каждого племени от общих предков — Авраама, Исаака и Иакова. Предок-эпоним Иаков, получивший также имя Израиль, считался непосредственным предком союза в целом; все племена, входившие в союз, были потомками его сыновей и носили их имена. Их положение и роль в союзе в немалой степени определялись тем, какое место и какую роль в доме Иакова традиция приписывает их предкам-эпонимам. Исключение составляли племена Эфрайим и Менашше, предки которых считались сыновьями Иосифа и соответственно внуками Иакова; однако, согласно повествованию Быт. 48, 1—20 (см. в особенности стих 5), Иаков усыновил того и другого, что не только обеспечивало им равенство с другими племенами, но и должно было обосновать притязания Эфрайима на первенствующее положение.

Другим не менее важным элементом, объединявшим племенной союз Израиль, был общий культ. Первоначальная религия израильтян была политеистической. Политеистические „языческие" культы и обряды, общеханаанейские в своей основе, сохранялись в иудейско-израильском обществе до середины I тысячелетия до н. э. Верховным божеством этого пантеона был Эл (Эл Всевышний) — глава совета богов (Пс. 82, 1), творец неба и земли (Быт. 14, 19). Кроме того, известны богиня Ашера, богиня любви и плодородия Астарта и земледельческий бог Ба^сал (ср. Суд. 2, 13; Пс. 106), умирающий и воскресающий земледельческий бог Таммуз (Иезек. 8, 14), Солнце, Луна, Звезды (Суд. 5, 20; II Цар. 23—14; Иерем. 8, 2; Иезек. 8, 16), богиня воительница и охотница ^сАнатбетэль и Ашимбетэль, засвидетельствованные элефантинскими папирусами [Sachau, 1911, 18]. Однако специфически израильским культом, вокруг которого объединялся весь союз племен, был культ Йахве. Место Йахве в „языческом" пантеоне реконструируется по некоторым указаниям, сохранившимся в Библии, несмотря на монотеистическую редактуру. Йахве — бог-воитель, водитель Израиля в походах (ср. I Сам. 4, 4—6; отсюда один из его эпитетов: yhwh ṣĕḇā'ōṯ — „Йахве воинств"), он — бог-громовержец и податель

дождя (ср. Иерем. 10, 12—13; Зах. 10, 1; Пс. 65, 10—14). Йахве пребывает на горе (Синай, Хорив, Гаризим, Сион) подобно угаритскому силачу Ба^cлу, живущему на горе Цапану; но он же пребывает среди своего народа, восседая на Ковчеге Завета (I Сам. 4,4). Среди „языческих" мифов, отголоски которых дошли до нас, имелись мифы о борьбе Йахве со Смертью (ср. Ис. 25, 8; Пс. 18, 5—17), о борьбе Йахве с морской стихией (Ис. 17, 12—13; Иов. 38, 8—11; Пс. 43, 2—4; 104, 5—9), о борьбе Йахве со Змеем (Ис. 27, 1; Иов 40—25—41, 26; Пс. 74, 13—14). Из вновь открытых надписей [Lemaire, 1977, с. 597—608] видно, что супругой Йахве считалась Ашера. К особой роли, которую Йахве играл в израильском пантеоне, восходят, несомненно, и представления о том, что Йахве „избрал" свой народ и заключил с ним „союз" (bĕrīṯ). Йахве — божественный царь Израиля (ср. I Сам. 8, 7, где поставление земного царя трактуется как лишение Йахве царской власти); его „языческая" мифология сопряжена с ритуалом ежегодного воцарения Йахве [Mowinckel, 1961, II].

Наконец, для союза племен Израиль характерно существование общего для всех племен военного и гражданского управления. В общем виде израильские коллективные органы власти показаны в Пс. 107, 32:

„И пусть превозносят Его в народном собрании (biqĕhal ᶜām)
и в заседании старцев (ūḇĕmōšāḇ zĕqēnīm) восхваляют Его".

В Суд. 20, 1—2 народное собрание описывается следующим образом: „И вышли все Сыны Израиля, и собралось общество (hāᶜēḏā), как один человек, от Дана и до Беэр-Шевы и страны Гилеᶜад к Йахве в Мицпу. И собрались предводители всего народа (pinnōṯ kol hāᶜām), все племена Израиля (kol šiḇṭē yiśrāᵓēl) в собрание народа Божьего (qĕhal ᶜam hāᵓĕlōhīm), четыреста тысяч пехотинцев, обнажающих меч". В данном случае собрание обсуждает вопрос о сакральном преступлении племени Бинйамин и о мерах против него (война, бойкот). Из I Сам, 11, 14—15 и II Сам. 5, 1—3 видно, что народное собрание избирало верховного предводителя (в обоих ситуациях, о которых идет речь, — царя). Сказанное позволяет представить себе пределы компетенции народного собрания; примечательно и то, что народное собрание — это собрание воинов[2]. Другим органом власти в союзе племен был совет старейшин (zĕqēnīm — „старцы"). Они принимают решения, касающиеся племенного союза, без народного собрания и, очевидно, в его отсутствие. Так, в Суд 21, 16—23 „старейшины общества" (ziqnē hāᶜēḏā) принимают решение по поводу судьбы бинйаминитов, уцелевших от разгрома, учиненного им остальными израильтянами; согласно стиху 22, к старейшинам обращались с жалобами (rīḇ) по поводу нарушения порядка и законности. В I Сам. 8, 4—5 „старейшины Израиля" (ziqnē yiśrāᵓēl) просят Самуила поставить над ними царя; в II Сам. 5, 3 „старейшины Израиля" заключают с Давидом договор (bĕrīt) в Хевроне и помазывают его на царство (ср. I Хрон. 11, 3)[3].

Из общесоюзных магистратов известны судьи (šōpĕṭīm); из преданий, собранных в книге Судей, видно, что власть их была харизматической (основывалась на предполагаемом волеизъявлении Йахве; ср. предание об избрании Гидеᶜона; Суд. 6, 11—24)[4] и фактически она распространялась только на тех, кто ее признавал. Примечательно, что одним из судей тра-

диция называет пророчицу Девору (Суд. 4, 4—5). Судя по II Сам. 7, 8 и I Хрон. 5, 2, общеизраильский вождь обозначался также словом nāgīḏ, которое приобрело впоследствии значение царского титула; оно происходит от корня ngd — „возвещать" и дает известное представление о характере функций вождя. Царским титулом стало со временем и слово nāśī — „предстоятель" (ср. I Цар. 11, 34), что также связано с возможностью его использования как обозначения вождя всего Израильского союза (ср. традиционное употребление этого слова в Иезек. 34, 24; 37, 25; 44, 3). Имеющийся в нашем распоряжении крайне ограниченный материал не позволяет разграничить сферы деятельности лиц, обозначавшихся этими тремя титулами. Более того, а это кажется правдоподобным, такого разграничения не существовало, как не существовало и прочно устоявшейся терминологии.

Как бы то ни было, в руках вождей сосредоточивалось выполнение распорядительных и судейских функций (они в своей совокупности обозначались глаголом šāpaṭ — „судить"), а также командование ополчением, собиравшимся по мере возникновения надобности. Традиция видит в судьях прежде всего спасителей Израиля от врагов (см. в общем виде Суд. 2, 16—18), что, несомненно, связано с их деятельностью военачальников. Наряду с этим деятельность судей описывается следующим образом. Суд. 4, 4—5: „И Девора, пророчица, жена Лаппидота, она судила Израиль в то время. И она сидела под пальмой Деворы между Рамой и Бет-Элем, на горе Эфрайима, и подымались к ней сыны Израиля для суда (lammišpāṭ)"; I Сам. 7, 15—17: „И судил Самуил Израиля все дни жизни его. И он ходил из года в год и обходил Бет-Эль и Гилгал, и Мицпу, и судил Израиля во всех местах этих. И он возвращался в Раму, ибо там дом его, и там он судил Израиля, и он построил там алтарь для Йахве". Из Суд. 4, 6 видно, что судья мог при необходимости назначить воеводу, командующего союзным ополчением, т. е. делегировать часть своих полномочий. В данном случае военачальника назначает Девора, поскольку, как женщина, она, естественно, не может быть полководцем[5].

Организация каждого из племен, входивших в союз, была построена по этой же схеме. Каждое племя вело свое происхождение от общего предка — эпонима, считавшегося сыном Иакова; общность происхождения предполагала кровное родство и кровнородственную солидарность между соплеменниками. Согласно Числ. 1, 20—43, составными ячейками каждого племени были роды (mišpěḥōṯ) и семейство (bēṯ aḇoṯ — „дом отцов") (ср. [Vaux, 1961, I, с. 17—18]). Список израильских племен в Числ. 26, 5—58 свидетельствует, однако, что единообразной структуры эти племена не имели. В одних случаях (Реувен, Шиме^{c}он, Гад, Иссахар, Зевулун, Менашше — но здесь они считаются потомками правнуков эпонима, сыновей Гиле^{c}ада, сына Махира, сына Менашше, хотя, по Иис. Нав. 17, 1—2, Гиле^{c}ад является сыном Махира, а все остальные — сыновьями Менашше — Нафтали, Леви) племена делятся на кровнородственные ячейки, происходящие от сыновей эпонима, и дальнейшее членение не фиксируется. Именно они выступают в составе племени как сплоченный, цельный социальный организм. В других ситуациях (Йехуда, Эфрайим, Бинйамин,

Ашер) эти группы, хотя и не все, дробятся на более мелкие подразделения (ср. также родословия I Хрон. 2—8).

Из органов управления в дошедшей до нас традиции фигурируют народное собрание племени (ср. II Сам. 2, 4, где „мужи иудейские" — ᵓanšē yĕhūḏā — помазывают Давида царем над племенем Йехуда) и совет старейшин (так, в Суд. 11, 5—11 „старейшины Гилеᶜада" — ziqnē gilĕᶜaḏ — призывают Йифтаха быть их вождем и воеводой). Говоря о племенных магистратах, мы вынуждены констатировать множественность терминов, употребляемых в этой связи имеющимися в нашем распоряжении источниками. Так, титул nāśîᵓ может обозначать вообще знатных лиц, призываемых на общесоюзный совет (Числ. 16, 2, где выступающие против Моисея совместно с Карахом, Датаном и Авироном мужи из сынов Израиля, числом двести пятьдесят, характеризуются как nĕśîᵓē ᶜēḏā qĕrîᵓē môᶜēḏ ᵓanšē šēm). Кажется правдоподобным, что члены совета знати фигурируют как nĕśîᵓē hāᶜēḏā (Числ. 32, 2; 31, 13; Исх. 16, 92); в Иис. Нав. 9, 15—18 договор израильтян с Гивеᶜоном скрепляют клятвой nĕśîʼē hāᶜēḏā). Может быть, именно этот совет имеется в виду, когда говорится (Числ. 27, 2), что дело дочерей Целофхада разбирается „пред лицом Моисея и пред лицом Элеᶜазара-жреца и пред лицом вождей (hannĕśîᵓîm) и всего общества у входа в Скинию Собрания" (ср. также Иис. Нав. 17, 4). Однако в большинстве текстов nāśîᵓ — племенной вождь. В Числ. 2 при указании расположения лагерей и численности воинов каждого племени фиксируется также и племенной вождь (nāśîᵓ). В Числ. 17, 17—21 рассказывается, как Моисей, желая чудесным образом утвердить первенство Аарона в сакральной сфере, отбирает жезлы у всех племенных вождей (nĕśîᵓēhām lĕbēṯ ᵓāḇōṯām; здесь и далее bēṯ ᵓāḇōṯ — „дом отцов"; это, несомненно, обозначение племени, как и в некоторых других случаях).

Текст Числ. 1, 4—16 рассказывает об исчислении всех мужчин, годных к воинской службе (т. е. 20 лет и старше), по родам их (mišpĕḥōṯām), по племенам их (bēṯ ᵓāḇōṯām). Исчисление производят вожди каждого племени, призываемые на совет и исполняющие обязанности военачальников тысяч Израиля. В стихе 4 они фигурируют как rōš lĕbēṯ ᵓāḇōṯām, в стихе 16 — nĕśîᵓē maṭṭōṯ ᵓāḇōṯām и rāᵓšē ᵓălĕpē yiśrāᵓēl, в Числ. 4, 46 — nĕśîᵓē yiśrāᵓēl. Согласно Числ. 34, 18—28, nāśîᵓ всех племен участвуют в разделе страны, когда каждому племени выделяется его область; следует, однако, заметить, что их имена не совпадают с именами, имеющимися в других списках (см. далее), В Числ. 10, 14—26 имена племенных военачальников (лица, характеризуемые формулой ᶜal ṣĕbāᵓ — „над войском") совпадают с именами nĕśîᵓîm в Числ. 7. Моисей (Числ. 13, 2—16) посылает по одному представителю от каждого племени осматривать страну Ханаан; согласно стиху 2, все они — nāśîᵓ в племенах отцов их (lĕmaṭṭē ᵓāḇōṯāw); в стихе 3 они характеризуются как „главы сынов Израиля" (rāᵓšē bĕnē yiśrāᵓēl). Числ. 7 повествует о том, как nāśîᵓ от каждого племени приносили жертвы при освящении Скинии Собрания; в стихе 2 о них говорится: „вожди Израиля, главы домов отцов их они, вожди племен они" (nĕśîᵓē yiśrāᵓēl rāᵓšē bēṯ ᵓāḇōṯām hēm nĕśîᵓē hammaṭṭōṯ hēm); в стихе 84 они — nĕśîᵓē yiśrāᵓēl. В Иис. Нав. 22, 13—14 рассказывается о посольстве, кото-

рое десять израильских племен отправляют к поселившимся в Заиорданье племенам Реувен, Гад и половине Менашше по поводу их сакрального преступления. В посольстве участвуют жрец Пинхас, сын Элеᶜазара, и десять вождей (nĕśīᵓīm) с ним, по одному вождю (nāśī) от дома отца (bēṯ āḇ), от всех племен Израильских (maṭṭōṯ yiśrāᵓēl), и каждый из них — глава (rōᵓš) дома отцов их (bēṯ ᵓāḇōṯām) у тысяч Израиля (ᵓălĕpē yiśrāᵓēl). Наконец, из I Цар. 8, 1 мы узнаем, что „тогда собрал Соломон старейшин Израиля (ziqnē yiśrāᵓēl), всех глав племен (rāᵓšē hammaṭṭōṯ) вождей <домов> отцов (nĕśīᵓē hāᵓāḇōṯ) у сынов Израиля к царю Соломону в Иерусалим, чтобы поднять Ковчег Завета Йахве из города Давида (он — Сион)".

Другой титул, встречающийся, однако, сравнительно редко, но также упоминавшийся выше в иной связи, — nāgīḏ. Когда I Хрон. 13, 1 рассказывает, что царь Давид совещался с тысячниками, сотниками и всеми вождями (nāgīḏ), можно предполагать, что имеются в виду племенные вожди, но столь же вероятно подразумевать здесь знатных израильтян, призывавшихся на царский совет. Более определенно свидетельство II Хрон. 19, 11, относящееся ко времени правления иудейского царя Иосафата (873—849 гг. до н. э.), где упоминается Зевадйаху, сын Йишмаᶜэᵓля, вождь дома Йехуды (hannāgīḏ lĕḇēṯ yĕhūḏā).

В Суд. 11, 11 Йифтах, о котором говорилось выше, именуется главой (rōᵓš) и воеводой (qāṣīn) Гилеᶜада.

Еще один титул, который мог быть применен к племенным вождям, — śār („вельможа", „начальник"). Так, в списке племенных вождей времени царствования Давида (I Хрон. 27, 16—22) они обозначаются либо описательно: „над племенами Израиля (ᶜal šiḇṭē yiśrāᵓēl)", либо как „начальники племен Израиля (śārē šiḇṭē yiśrāᵓel)". Ср. также I Хрон. 28, 1: „И собрал Давид всех начальников Израиля (śārē yiśrāᵓēl), начальников племен (śārē haššĕḇāṭīm), и начальников подразделений, обслуживавших царя, и тысячников, и сотников, и начальников всех имуществ и стад царя, и сыновей его с евнухами и витязями, и всех воинов".

Наконец, в ряде случаев племенные вожди, как ранее говорилось, именуются „главами (rōᵓš) племен". Однако и это слово могло применяться и к правящей верхушке вообще. Так, во Второз. 1, 15: „И я (Моисей. — *И. Ш.*) взял глав племен ваших (rāᵓšē šiḇṭēkām), мужей мудрых и знаемых, и сделал их главами (rāᵓšīm) над вами, тясячниками, и сотниками, и пятидесятниками, и десятниками, и писцами для племен ваших". В Числ. 30, 2 Моисей обращается к „главам племен сынов Израиля (rāᵓšē hammaṭṭōṯ liḇnē yiśrāᵓēl)". Согласно Числ. 25,4, бог приказывает повесить всех глав народа (rāᵓšē hāᶜām) за то, что Израиль стал служить богу Баᶜал-Пеᶜору.

Все изложенное говорит о недостаточной устойчивости и последовательности титулатуры, принятой в Израильском племенном союзе. Оно же показывает, что племенные вожди были облечены как полномочиями по ведению повседневных дел племени, так и обязанностями начальника ополчения; впрочем, эти функции могли быть, по всей видимости, разделены, и тогда появлялся воевода (qāṣīn). Из преданий об Йифтахе видно, что

племенной вождь избирался коллективными органами управления — советом старейшин и, возможно, народным собранием племени. Вероятно, в отдельных случаях племенные вожди выступали как некий коллектив, совместно решавший дела союза (о племенной структуре см. также [Vaux, 1961, I, c. 21–23; Thiel, 1980, c. 137–141]).

Вопрос о том, что собой представляло иудейско-израильское общество периода Судей, неоднократно обсуждался в исследовательской литературе. Так, высказывалось предположение, что уже тогда оно имело государственную республиканскую организацию [Dus, 1963, c. 444–469; Buccellati, 1976, c. 113], однако само по себе осуществление в обществе функций власти и управления не свидетельствует о наличии государства; без этого ни одно общество жить не может. Другая концепция [Noth, 1930] представляет иудейско-израильское общество указанного времени как аналог греческим амфиктиониям, выросший на базе догосударственной структуры. Как на черты, присущие именно такого рода организации, он указывает то, что она была объединением двенадцати племен, выросшим из более раннего объединения шести племен, с центральным святилищем и отправлявшимся в нем культом, общим наименованием, общими собраниями и празднествами (причем в nĕśî' îm без достаточных оснований видят аналог греческим гиеромнемонам [Noth, 1930, c. 96–97]) и общим обычным правом.

Против этой теории были выдвинуты следующие возражения [Fohrer, 1977, c. 74–79]: отсутствие терминологического аналога греческому ἀμφικτιονία (позднее ἀμφικτυονία); греко-италийские амфиктионии суть институции индогерманских народностей, которые невозможно безоговорочно постулировать у семитов ни как собственное создание, ни как заимствование, тем более что на древнем Востоке за пределами Израиля такого рода организации не засвидетельствованы; греко-италийские племена в отличие от семитов, у которых предполагается существование амфиктионии, не были кочевниками или полукочевниками; Ковчег первоначально не был связан с культом Йахве и не может быть поэтому символом амфиктионии Йахве; нет текстов, которые упоминали бы о совместных действиях амфиктионии. Эти доводы либо игнорируют библейскую историческую традицию, либо вообще не могут служить объектом обсуждения (в особенности вопрос о специфике индогерманских и семитских народов); отсутствие термина само по себе не может служить доводом против существования данного явления. В. Тиль [Thiel, 1980, c. 126–132], признавая, что аргументы против теории амфиктионии „не полностью убедительны", считает нужным тем не менее отказаться от этого термина, так как в вопросе о центральном святилище аналогия с европейскими амфиктиониями ненадежна. Имея в виду, что греческие и италийские амфиктионии, в свою очередь, выросли из союзов племен, можно, по-видимому, констатировать их структурную и типологическую близость к Израильскому племенному союзу [Vaux, 1961, I, c. 143–144].

В целом же Израильский племенной союз представлял собой объединение, в котором имело место народовластие, а специализированного аппарата управления и государства в собственном смысле слова не существо-

вало. Не случайно доцарский период истории Израиля традиция (Суд. 17, 6) характеризует как время анархии и беспорядка: „В те дни не было царя в Израиле; каждый делал то, что ему нравилось". В период Судей, когда Палестина была поделена между племенами — членами союза, начинают закладываться основы его территориальной организации[6]; тогда же в нем начинает формироваться раннеклассовое (рабовладельческое) общество; традиция знает уже в царствование Саула угнетенных, должников и „огорченных сердцем" (I Сам. 22, 2)[7]. В рамках племенного союза возникают предпосылки последующей израильской государственности (ср. [Kreißig, 1973, с. 82–91])[8].

III

Осев на территории Палестины, израильтяне на протяжении длительного времени жили бок о бок с ханаанейскими городами-государствами собственно Палестины и Финикии. Так независимость сохранили Иерусалим, Бет-Шеан, Таᶜанах, Дор, Йивлеᶜам, Мегиддо, Гезер, Акко, Сидон, Ахлав, Ахзив, Хельба, Афик, Рехов; повинности (mās) в пользу израильтян выполняли Китрон, Нахалал, Бет-Шемеш, Бет-ᶜАнат, Аййалон, Шаᶜальбим и Гивеᶜон (Суд. 1, 21–35; Иис. Нав. 9, 19–27). Они не могли не оказывать значительное влияние на Израиль; не случайно требование перемен (создания монархического режима) мотивировалось, по имеющимся сведениям, желанием быть похожими на других. Так, I Сам. 8, 4–5: „И собрались все старейшины Израиля (ziqnē yiśrāᵓēl) и пришли к Самуилу в Раму. И сказали они ему: вот ты состарился, а сыновья твои не идут твоим путем, теперь поставь нам царя (mäläḵ), чтобы он судил нас, как у всех народов"; I Сам. 8, 19–20: „Пусть будет царь над нами, и мы будем, как все народы, и будет судить нас царь наш, и будет выходить пред нами и воевать войны наши".

Тем не менее (и в этом также следует видеть скорее всего результат наблюдений за жизнью „всех народов") в израильском обществе последних веков II тысячелетия до н. з. были достаточно широко распространены антицаристские настроения. Весьма показательна в этом отношении притча, которую повествователь Суд. 9, 8–15 вложил в уста Йотама, сына Гидеᶜона:

Пойти пошли деревья
помазать над собою царя.
И сказали они маслине:
царствуй над нами!
И сказала им маслина:
оставлю ли я тук свой,
который во мне почитают
боги и люди,
и пойду ли скитаться по деревьям?
И сказали деревья смоковнице:
иди ты, царствуй над нами!
И сказала им смоковница:
Оставлю ли сладость мою
и плод мой добрый
и пойду ли скитаться по деревьям?

И сказали деревья виноградной лозе:
иди ты, царствуй над нами!
И сказала им виноградная лоза:
оставлю ли я сок мой,
веселящий богов и людей,
и пойду ли скитаться по деревьям?
И сказали все деревья терновнику:
иди ты, царствуй над нами!
И сказал терновник деревьям:
если по правде вы помазываете
царем над вами,
придите, укройтесь в тени моей,
а если нет, — выйдет огонь из терновника
и пожрет кедры ливанские.

Такова была оценка царской власти и ее носителя в плане социально-психологическом. В плане общественно значимых последствий введения режима царской власти оценка была столь же недвусмысленной (I Сам. 8, 11—18): „И он (Самуил. — *И. Ш.*) сказал: таков будет обычай (mišpaṭ) царя, который будет царствовать над вами. Сыновей ваших он возьмет и поставит для себя на колесницы свои и во всадники свои, и они будут бежать перед его колесницей, и поставит для себя тысячниками (Септуагинта: „сотенными", — *И. Ш.*) и пахать пашню его, и жать жатву его, и делать военное снаряжение его и колесничное снаряжение его. И дочерей ваших он возьмет смесительницами благовоний, и поварихами, и пекарихами. И поля ваши, и виноградники ваши, и маслины ваши лучшие он возьмет и отдаст своим рабам. И с посевов ваших и виноградников ваших будет взыскивать десятину и отдаст евнухам своим и рабам своим. И рабов ваших и рабынь ваших, и отроков ваших (Септуагинта: „быков ваших", — *И. Ш*) лучших, и ослов ваших он возьмет и употребит на работу свою. С мелкого скота вашего он будет взимать десятину, и вы будете у него рабами (lĕʿăbādîm). И вы возопите в тот день от царя вашего, которого вы избрали, и не ответит Йахве вам в тот день".

Словосочетание mišpaṭ hammäläk в древних и раннесредневековых переводах Библии понимается однозначно: τὸ δικαίωμα τοῦ βασιλέως (Септуагинта), ius regis (Вульгата), nĕmōsā dĕmalkā (Таргум Йонатана), nĕmosēh dĕmalkā (Пешитта), т. е. как постановление царя, правовая институция, которой царь будет руководствоваться. Кажется, однако, более правдоподобным, что в оригинале слово mišpaṭ обозначает здесь не право в собственном смысле, но, как и в ряде других случаев (ср., например, I Цар. 5, 8; Ис. 28, 26; I Сам. 27, 11; Суд. 13, 12), образ действий, манеру поведения. В исследовательской литературе данный текст рассматривается как сочинение позднего времени, vaticinium ex eventu [Амусин, 1955, с. 15—16; Никольский, 1926, с. 283—294; Eissfeldt, 1956, с. 326; Driver, 1956, с. 176—177]. В то же время сопоставление с угаритским документальным материалом показало близость интересующего нас отрывка тому, что наблюдалось в Угарите [Mendelsohn, 1856, с. 17—22], т. е. положению, существовавшему во второй половине II тысячелетия до н. з. С нашей точки зрения, включение данного текста в книгу, подвергшуюся весьма поздней жреческой обработке, показывает, что он, по мнению составителя, соответствовал не только ситуации в Иудейском и Израильском царствах в первой половине I тысячелетия до н. з., но также и тому, что израильтяне могли наблюдать в период Судей, и выражал настроения

кругов, враждебных царской власти, и в период ее становления, и позже, когда она уже давно осуществляла верховное управление. Оценка царистского режима однозначна: это режим эксплуатации (причем неважно, быть ли царским воином, колесничим и тысячником или работником в царском хозяйстве) и грабежа, режим, превращающий свободных, т. е. никому не подвластных, людей в рабов.

Между тем в Библии имеются тексты, свидетельствующие об ином отношении и к личности царя, и к царской власти как общественной институции. Таков, в частности, Пс. 45, 2—18. Его авторами традиция называет сынов Кораха; его содержание характеризуется в стихе 1 как „поучение" (евр. maśkīl, в Септуагинте: εἰς σύνεσιν) и как „песнь любви" (šīr yĕḏīḏōṯ; в Септуагинте: „песнь о возлюбленном"— ᾠδὴ ὑπὲρ τοῦ ἀγαπητοῦ). Интересующий нас литературный памятник, несомненно, был связан с обрядностью восхождения царя на престол, а также, возможно, его бракосочетания. Он гласит (курсивом в переводе указаны слова, сохранившиеся в Септуагинте):

Трелещет в сердце моем слово доброе,
говорю я скезания мои (ma^{c}ăśāy) царю.
Язык мой — тростник лисца скорого.
Ты — самый красивый из сынов человеческих,
изливается благость из уст твоих,
поэтому благословил тебя Бог (ᵓĕlōhīm) навечно!
Препояшь меч свой не бедре *своем,* витязь,
<в> великолепии своем и блеске своем,
и <в> блеске своем будь счастлив!
Поскачи ради деяния превды (^{c}al dĕḇar ᵓämäṯ)
и кротости праведника (^{c}anwā ṣäḏëq),
и покажет тебе *страшные* деяния десница твоя.
Стрелы твои изострены, *витязь,*
народы лод тобою, ледут
сердцем враги церя!
Трон твой — Бог (ᵓĕlōhīm) вечный и вековечный,
скипетр справедливости (šäḇäṯ mīšōr) — скилетр
царствования твоего.
Ты любишь праведность (ṣäḏäq) и ненавидишь злодейство
(räša^{c});
лозтому ломззел тебя Бог, Бог твой (ᵓĕlōhīm ᵓĕlōhēḵā),
елеем редости более, чем сотоварищей твоих (mēḥăḇērāḵā).
Мирра и елоз, кассия — все одежды твои.
Из дворцов из слоновой кости лиры увеселяют тебя.
Дочери царей среди драгоценнейших твоих; стоит
царица (šēḡāl) одесную тебя в золоте Офирском.
Слушай, дочь, и смотри, и преклони ухо свое,
и забудь народ свой и дом отце своего,
и возжелает церь
красоту твою, ибо он — господин твой,
и ты локлонись ему,
И, тирянке, с подерком
тебя станут манить богетейшие из народе.
Все великолепно, дочь царя, внутри <дома>! Из шитых золотом тканей одежда ее. В лестрых одеждах ее приводят к царю; дев за нею, ев лодруг, приводят к тебе. Их приводят в веселении и ликовании, их приводят во дворец церя.
Вместо отцов твоих будут сыновья твои,
ты поставишь их влестителями (śārīm) не всей земле.
Я сделаю памятным имя твое из роде в род,
лозтому народы будут славить тебя вечно и вековечно.

Вопрос о датировке данного псалма поддается лишь приблизительному решению. Упоминание тирянки (очевидно, тирской царевны) в качестве царской невесты, а также Офирского золота, в которое одета царица, и царских дворцов из слоновой кости соответствует ситуации, существовавшей в царствование израильского царя Ахава (869—850 гг. до н. э.), что не может не вызвать изумление, если принять во внимание резко отрицательное отношение к нему библейской исторической традиции. В то же время в псалме заметны явно архаические или архаизирующие элементы. К их числу относится упоминание „сотоварищей твоих (царя)", т. е. царской дружины. Заметим в этой связи, что в угаритском поэтическом повествовании „О Карату" слово h̲br обозначает не название страны или народа, как принято считать [WUS, с. 110, № 997; UT, с. 400, № 924], но царскую дружину, т. е. совокупность сотоварищей царя (контексты см. [CUL, с. 268]).

Как бы то ни было, однако Пс. 45, 2—18 говорит об общественно значимых характеристиках царя — тема, активно разрабатываемая и в других библейских текстах. Царь — избранник и помазанник божий (ср. Пс. 2, 5—9, где царь объявляется сыном божьим, Пс. 89, 20—31; I Сам. 10, 1 — предание о помазании Саула; I Сам. 10, 17—25 — предание об избрании Саула; I Сам. 16, 1—13 — предание об избрании и помазании Давида); царь — воплощение и гарант правды и праведности, т. е. сохранения мирового порядка (ср. в особенности Пс. 72, 1—4 и 11—14; к этому же восходит образ Мессии — идеального помазанника-царя, о чем свидетельствует, в частности, Ис. 11); царь — могучий и непобедимый витязь, царь отличается физической красотой и имеет знатных жен и наложниц (ср. 1. Цар. 1, 1—4, где старость и мужская несостоятельность Давида служат прелюдией к его отстранению от власти).

С последним обстоятельством связана специфическая роль обладания царскими наложницами в борьбе за власть. Так, Авшалом, захватив Иерусалим, публично „вошел" к наложницам своего отца Давида (II Сам. 16, 21—22). Адония, потерпевший поражение в своей попытке стать царем после смерти Давида, пытался выпросить у Соломона отцовскую наложницу Авишаг, что вызвало гневную реакцию Соломона, обрекшего Адонию на смерть (I Цар. 2, 13—25). Обращаясь к своей матери, ходатайствующей за Адонию, Соломон произносит (по сведениям повествователя) слова, проясняющие смысл происходящего (стих 22): „А зачем ты просишь Авишаг Шунаммитянку для Адонии? И проси ему царствования (hammĕlūk̲ā), ибо он брат мой, старший, чем я, и ему, и Эвйатару — жрецу, и Йоаву, сыну Церуйи <оно принадлежит>". К этому следует добавить Пс. 110, 3—4, где царь оказывается жрецом божьим:

Народ твой — вольная жертва в день мощи твоей
в великой святыне;
из чрева зари
у тебя роса рождения твоего.
Поклялся Йахве, и он не раскеется:
ты жрец навечно по чину (ʿal dib̲rāt̲i; Септуагинта:
κατὰ τὴν τάξιν; Вульгате: secundum ordimem) Малки-Цедеке.

Малки-Цедек, царь Шалема (=Иерусалима), упоминается в Быт. 14, 18—19 как жрец Бога (=Эла) Вышнего (kōhēn lĕᵓēl ᶜälyōn), благословляющий Авраама. В иудейской сакральной традиции Малки-Цедек („праведный царь, царь правды") играл специфическую роль. Согласно Недарим 32b, Малки-Цедек тождествен Шему (Симу), сыну Ноя; священство было передано от него потомству Авраама потому, что в своем благословении он упомянул Авраама раньше, чем Бога. По представлениям одного из толкователей Библии, хлеб и вино, которые Малки-Цедек преподнес Аврааму, суть законы о первосвященстве (Берешит Рабба 43, 7). Все это можно рассматривать, по всей видимости, как позднюю „ученую" конструкцию, связанную с традициями первосвященнического дома Цадокидов. Иные представления, вероятно более широко распространенные в народной среде, мы находим в раннехристианском тексте Евр. 7, 1—3: „Ибо этот Мельхиседек (Малки-Цедек. — *И. Ш.*), царь Салема (= Шалема), жрец Бога Вышнего (ἱερεὺς τοῦ θεοῦ τοῦ ὑψίστου), — тот который встретил Авраама, возвращавшегося от побиения царей, и благословил его, которому и десятину от всего отделил Авраам, <который> сначала, согласно толкованию, царь правды (βασιλεὺς δικαιοσύνης), а затем и царь Салема, то есть царь мира (βασιλεὺς εἰρήνης), без отца, без матери, без родословия, ни начала дней, ни конца жизни не имеющий, уподобившись Сыну Божьему, пребывает жрецом навсегда". Согласно Евр. 6, 20, Иисус „по чину Мельхиседека (κατὰ τὴν τάξιν Μελχισέδεκ) верховным жрецом стал навечно" (ср. также Евр. 7, 13—28). Из сказанного очевидно, что, представляя царя жрецом „по чину" Малки-Цедека, Пс. 110, 3—4 не только наделяет его священническими функциями, но и придает ему сверхъестественную природу, делает его сопричастным божеству.

Таким образом, царь предстает перед нами как сакральная фигура; его физическое состояние, образ жизни и деятельность в системе магических взаимосвязей и своими непосредственными результатами оказывают непосредственное влияние на благосостояние общества. Не случайно царь, по преданию, — преемник божьей власти. Показательно также то, что прегрешение царя может быть искуплено бедствием, ниспосланным либо на царя лично, либо на весь народ; в конечном итоге наказанием становится моровая язва, поражающая израильтян (II Сам. 24, 1—17).

Материалы, приведенные выше, показывают, что царская власть в Израильском союзе племен не была исконной институцией; ничего, аналогичного римскому rex sacrorum, израильтяне тоже не знали. Соответственно есть основания думать, что эти представления о царе и царской власти также не были для израильского общества исконными, а сложились по мере укоренения там царского режима и связанной с ним государственной организации.

Царская власть возникла в израильском обществе в конце II тысячелетия до н. э. в обстановке внутреннего кризиса, вызванного социальной дифференциацией в этом обществе — появлением рабов, а также в среде свободных на одном полюсе аристократов и богачей, а на другом — бедняков, нищих, сирых и убогих. Судя по уже приводившейся выше формуле: „В те дни не было царя в Израиле; каждый делал то, что ему нравилось"

(Суд. 17, 6), царь воспринимался как своего рода гарант порядка в атмосфере господствующей анархии. Наряду с этим израильское общество переживало кризисное состояние, так как гегемония в Палестине принадлежала филистимлянам; кроме того, Палестина подвергалась постоянным нападениям извне. Борьба с внешними врагами также требовала организации сильной и стабильной власти (это обстоятельство особенно подчеркивают А. Альт [Alt, 1959, 2, с. 11–19] и Р. де Во [Vaux, 1961, I, с. 145]).

Традиция о возникновении царской власти, в частности о приходе к власти Саула, показывает (см. I Сам. 10, 17–11, 5), что, будучи помазанным и выбранным по жребию в цари, Саул не осуществлял каких-либо функций управления и командования ополчением; в кризисной ситуации мы видим его занятым полевыми работами на своем поле (примечательна аналогия с римскими преданиями о Цинциннате). Когда Саул созывает ополчение для спасения города Йавеша от нападения аммонитян, он действует фактически не как носитель власти, но как частное лицо (I Сам. 11, 1–11), причем граждане Йавеша обращаются за помощью не к нему, а „во все пределы Израиля" (I Сам. 11, 3). Только после победы над врагами происходит провозглашение Саула царем (I Сам. 11, 14–15): „И сказал Самуил народу: ступайте, пойдем в Гилгал и обновим там царство (ūněḥadde̊š šām hammělūḵā). И пошел весь народ в Гилгал, и воцарили там Саула пред Йахве в Гилгале, и принесли там жертвы воздаяния (šělāmīm) пред Йахве". Вкладывая в уста Самуила слова об „обновлении" царства, библейский повествователь стремился согласовать свой рассказ с жреческой традицией о помазании Саула и о его избрании богом с помощью жребия. В действительности, по-видимому, имело место избрание на народном собрании победоносного вождя царем (очевидна аналогия с обычаем республиканского Рима, когда воины провозглашали победоносного военачальника императором и он получал право на триумф) [9]. В дальнейшем Саул не выполняет каких-либо функций управления. Из должностных лиц, состоявших при его особе, известен только „начальник войска его" (šār ṣěḇāᵓō) Авинер, сын Нера (I Сам. 14, 50; II Сам. 2, 8), но это и неудивительно: царь постоянно выполняет функции командования всеизраильским ополчением, а Авинер занимался, по всей видимости, делами его личной дружины (отсюда ṣěḇāᵓō – „войско его"). По сути дела, царь является здесь выборным общественным магистратом, облеченным военными полномочиями [10].

Выборы царя на царство зафиксированы и в традиции о воцарении Давида после гибели Саула и его сына Ионатана. Давид переселяется в Хеврон, который был политическим и культовым центром племени Йехуда, и „туда пришли мужи Йехуды (ᵓanšē yěhūḏā) и помазали там Давида царем (lěmäläḵ) над домам Йехуды" (II Сам. 2, 4). Впоследствии, после победы над своими противниками из родичей Саула, Давид становится царем над всем Израилем (II Сам. 5, 1–3): „И пришли все племена Израиля (kol šiḇṭē yiśrāᵓēl) к Давиду в Хеврон и сказали следующее: вот, кость твоя и плоть твоя мы. Даже вчера, даже третьего дня, когда Саул был царем над нами, ты был предводителем (mōṣīᵓ wěhammēḇīᵓ) Израиля (т. е. фактически выполнял обязанности царя. – *И. Ш.*). И сказал Йахве

тебе: ты будешь пасти народ Мой, Израиля, и ты будешь вождем (nāgīḏ) над Израилем. И пришли все старейшины Израиля (kol ziqnē yiśrā᾿ēl) к царю в Хеврон, и заключил с ними царь Давид договор в Хевроне, пред Йахве, и помазали они Давида, чтобы он был царем над Израилем" (ср. I Хрон. 11, 1—3). В обоих случаях очевидна процедура избрания царя народным собранием, однако при избрании Давида царем всего Израиля традиция считает нужным особо выделить роль союзного совета старейшин, который вел с Давидом предварительные переговоры и заключил с ним договор.

Проблема договора между царем и избирающим его народом представляет значительный интерес (см. об этом, в частности, [Fohrer, 1959, с. 1—22]). Само его заключение описывается в процитированном выше тексте формулой: wayyiḵroṯ lāhäm hammäläḵ dāwīd bĕrīt, которая воспроизводит обрядовую церемонию установления договорно-союзнических отношений. Ритуал, соответствующий этой формуле, очевиден из описания заключения договора между Йахве и Авраамом (Быт. 15, 9—11, 17—18): „И Он сказал ему: возьми Мне телицу трехлетнюю, и козла трехлетнего, и овна трехлетнего, и горлицу и голубя. И он взял Ему все это, и рассек их посередине, и положил долю каждого против другой, а птиц не рассек. И спустились коршуны на трупы, и отгонял их Авраам... И солнце зашло, и темень настала, был, как из печи, дым и пламень огненный, который прошел между обрубками этими. В тот день заключил Йахве с Авраамом договор (qārat yhwh ᾿ät ᾿abrām bĕrīt)". Таким образом, обряд заключался в прохождении между долями разрубленных жертвенных животных лица, заключающего договор (здесь — дым и пламень, в которых воплощается Йахве) и принимающего на себя определенные обязательства. Как показывает излагаемая в Пятикнижии традиция о договорах, которые Йахве заключал с избранным им народом, такой договор содержал двусторонние обязательства: в Пятикнижии Йахве накладывает на народ обязательство служить ему и выполнять его заветы, беря на себя обязательство предоставить народу страну, текущую молоком и медом, и обеспечить его благоденствие. При нарушении народом такого договора должно последовать наказание — бедствия, которые постигнут Израиль. Пародию на такой договор и взаимные обязательства можно усмотреть, по всей вероятности, в уже цитировавшейся выше притче о деревьях, ищущих царя. Там предполагаемый царь берет на себя обеспечение благополучия и безопасности деревьев, требуя от них признания себя царем и угрожая в случае отказа катастрофой. Можно полагать, что нечто подобное провозглашал и договор, заключенный между Давидом и старейшинами Израиля.

Заключение договора между царем и избирающим его народом существенно отличает воцарение Давида от воцарения его предшественника. Отсутствие такого договора при воцарении Саула не может быть объяснено тем, что он стал неограниченным правителем типа европейского абсолютного монарха на исходе средневековья и на пороге нового времени или пресловутого „восточного деспота": ни израильское общество не имело таких традиций, ни от Саула не приходилось ожидать, по крайней мере на пороге царствования, каких-либо поползновений в этом направле-

нии. Отсутствие договорной регламентации в данном случае объясняется, вероятнее всего, другим: Саул осуществлял свою деятельность в рамках обычая; как показывает традиция о его царствовании, вплоть до своей гибели он ограничивался исполнением функций военачальника. Иное дело Давид.

Согласно документам из Мари, само слово dāwīdum в аморейском языке первой половины II тысячелетия до н. э. служило титулом военного предводителя [Kupper, 1957, с. 60–62]. Не исключено, таким образом, что этот титул заменил личное имя библейского персонажа, данное ему при рождении. Очевидно, Давид воспринимался обществом как предводитель военной дружины par excellence. Он активно боролся за власть с Саулом, причем речь шла о насильственном захвате власти и соответственно о насильственном устранении соперника, хотя традиция, благоприятно относящаяся к Давиду, и пытается приукрасить его действия и цели. Давид располагал сильной дружиной, в которой были „все люди угнетенные (ᵓīš māṣōq) и все люди, на которых долг (ᵓăšär lō nōšäᵓ), и все люди, огорченные душою (mar näpäš), и он стал над ними начальником (śār), и были с ним около четырехсот человек" (I Сам. 22, 2). Именно на эту дружину социально обездоленных, лично ему преданных и от него зависимых людей, фактически оказавшихся вне племенной структуры, Давид опирался во всех своих действиях; ее состав позволяет говорить о социальных конфликтах, реально существовавших в обществе, которые и послужили почвой в борьбе Давида с Саулом за власть и гнали в дружину Давида всех недовольных. Можно было опасаться, следовательно, что с воцарением Давида произойдут насилия против угнетателей, кредиторов и т. д. Как показывает история взаимоотношений Давида и Навала (I Сам. 25), Давид был способен на вымогательство и насилие. Эти обстоятельства делают понятным стремление старейшин Израиля получить определенные гарантии от Давида при его воцарении, чем и объясняется заключение договора, предусматривавшего взаимные фиксированные обязательства обеих сторон.

В более позднее время, когда внук Давида Рехавᶜам вел переговоры с израильским народным собранием, удовлетворение требований народа и заключение договора в общем виде характеризовалось следующим образом: „Если сегодня ты будешь рабом народа этого и послужишь им, и ответишь им (т. е. удовлетворишь их требования, — *И. Ш.*), и скажешь им слова хорошие (заключишь соответствующий договор, — *И. Ш.*), то они будут тебе рабами на все дни" (I Цар. 12, 7)[11]. Здесь примечательна идея взаимного служения: царя народу и народа царю.

Возникновение договорных отношений между царем и народом превращало царя, хотя он и происходил из племени Йехуда, в фигуру, стоящую вне племенного союза, над ним; функции управления осуществлялись теперь уже не в соответствии с обычаем, а в соответствии с установлениями, выработанными ad hoc компетентными органами власти. Такая процедура представляется чрезвычайно важным шагом на пути формирования государства.

Другой эпизод, также ставший этапным в процессе формирования иудейско-израильской государственности, — это перенесение царской резиденции и соответственно политического центра Израиля из Хеврона в Иерусалим. Согласно традиции (II Сам. 5, 6—9): „И пошел царь и люди его (hammalä<u>k</u> waᵓănāšāw) в Иерусалим на йевусита, живущего в этой стране (имеется в виду, конечно, царь. — *И. Ш.*). И он сказал Давиду так: ты не войдешь сюда, но отгонят тебя слепые и хромые, то есть: не войдет Давид сюда. И захватил Давид крепость на Сионе; это — город Давида (ᶜīr dāwī<u>d</u>). И сказал Давид в тот день: всякий, убивающий йевусита — и пусть он поражает в глотку хромых и слепых, ненавидящих душу Давида. Поэтому говорят: слепой и хромой не войдут в Дом (храм. — *И. Ш.*). И сел Давид в крепости, и назвал ее „город Давида" (ᶜīr dāwī<u>d</u>), и отстроил Давид вокруг от Милло и Дома". Предание II Хрон. 11, 4—9 существенно изменяет и дополняет это повествование: „И пошел Давид и весь Израиль (dāwī<u>d</u> wĕ<u>k</u>ol yiśrāᵓēl) в Иерусалим (это — Йевус), и там йевуситы, жители той страны. И сказали жители Йевуса Давиду: ты не войдешь сюда. И захватил Давид крепость на Сионе; это — город Давида (ᶜīr dāwī<u>d</u>). И сказал Давид: каждый, убивший йевусита первым, будет главой (rōᵓš) и начальником (śār), и взошел первым Йоав, сын Церуйи, и стал главой. И сидел Давид в крепости; поэтому назвали ее: город Давида. И построил Давид город вокруг от Милло и до окрестностей, и Йоав оживил (yĕḥayyā) остальной город".

Как можно видеть, основное различие заключается в том, что, по версии II Сам., несомненно отражающей реальное положение вещей, Иерусалим захватывают царь и его дружина; I Хрон. корректирует это изложение: „Давид и весь Израиль". Иначе говоря, в действительности Иерусалим после его завоевания Давидом по-прежнему оставался как бы вне Израиля (ср. [Alt, 1959, 2, с. 45—46]). Давид осуществлял свою власть извне, находясь вне контроля демократических органов власти (народного собрания и совета) Йехуды, остававшихся в Хевроне, и всего Израиля. I Хрон. желает представить события так, будто Давид не новую резиденцию для себя лично завоевывал, но перенес центр Израильского племенного союза в Иерусалим, становящийся интегральной частью союза. Такое превращение может быть объяснено только развитием представлений об Иерусалиме как о священном городе, местопребывании божества, и отражает оно, вероятно, послепленное осмысление событий: именно тогда было важно показать, что Иерусалим принадлежал не царской династии, так и не вернувшейся к власти, но народу, трансформировавшемуся в гражданско-храмовую общину. Существенно и то, какую роль во взятии и последующей застройке Иерусалима сыграл Йоав, сын Церуйи, один из ближайших дружинников Давида.

С этими обстоятельствами неразрывно связано и перенесение в Иерусалим Ковчега Завета — общеизраильской святыни. Согласно II Сам. 6, 1—2, в этом деянии на начальной стадии участвовали „все избранные в Израиле" (kol bāḥūr bĕyiśrāᵓēl), всего тридцать тысяч, собранные Давидом; по всей видимости, именно они и составляли „весь народ, который с ним" (kol hāᶜām ᵓăšär ᵓittō). На заключительной стадии в перенесении

Ковчега участвовали „Давид и весь дом Израиля" (wĕḏāwīd wĕḵol bēṯ yiśrāʾēl). Согласно традиции I Хрон. 13, 1–2, Давид советовался по этому поводу с начальниками тысяч и сотен и со всеми вождями (śārē hāʾălāpīm wĕhammēʾōṯ lĕḵol nāgīḏ) и обращался „ко всему собранию Израиля" (lĕḵol qĕhal yiśrāʾēl). Решение также принимает собрание (haqqāhāl; I Хрон. 13, 4). Затем уже на первом этапе Ковчег перевозит „весь Израиль" (ср. 5–6 и 9). На втором этапе (I Хрон. 15) Ковчег несут жрецы и левиты; в качестве участников процессии названы Давид, старейшины Израиля (ziqnē yiśrāʾēl) и начальники тысяч (śārē hāʾălāpīm), а также весь Израиль (kol yiśrāʾēl). Традиция II Сам. выделяет здесь царя и народ, умалчивая о жречестве, что соответствует идейным установкам времени царя Иосии (последняя четверть VII в. до. н. э.), когда последний уничтожал языческий политеизм. Традиция I Хрон. и в данном случае соответствует ситуации послепленного периода, когда на передний план выдвигаются жрецы и левиты, и эта их позиция нуждалась в соответствующем идеологическом обосновании. Как бы то ни было, однако ясно: церемония была всенародной. Иерусалим стал местом пребывания общеизраильской святыни; несмотря на видимое участие и одобрение „всего Израиля", общеизраильский сакральный центр оказался вне сферы компетенции демократических властей племенного союза (народное собрание, совет старейшин, племенные вожди), в царской сфере. Логическим продолжением и завершением этой политики стала постройка в Иерусалиме по инициативе и под непосредственным руководством Соломона храма Йахве. В результате культ Йахве был поставлен под царский контроль; сохраняя свою функцию идейной базы Израильского племенного союза, он приобретает функцию идейного обоснования царской власти как общественной институции. Впоследствии жрецы войдут в царский аппарат управления. Очевидно, параллельно этому складывается и представление о царе, в особенности о Давиде и Соломоне, как о благочестивце и божьем избраннике.

Завершается процесс возникновения государства формированием специализированного царского аппарата управления. Этапным моментом в этом отношении было восстание царевича Авшалома, направленное против Давида. В начале этого восстания Авшалом был провозглашен царем в Хевроне — культовом центре Йехуды (II Сам. 15, 7–10); в его совете участвуют все старейшины Израиля (kol ziqnē yiśrāʾēl; II Сам. 17, 1–4); „рабы Давида (ᶜaḇdē dāqīḏ) сражались с народом Израиля" (ᶜam yiśrāʾēl) (II Сам. 18, 6–7); злейший враг Давида Шимᶜи, сын Геры, говорит Давиду после его победы: он „пришел сегодня первым из всего дома Иосифа (lĕḵol bēṯ yōšēp), чтобы пойти навстречу господину моему, царю" (II Сам. 19, 21). Все это косвенные свидетельства либо об избрании, либо о признании Авшалома (что сути дела не меняет) демократическими органами власти племенного союза. Соответствнно и разгром Авшалома был тяжелым ударом по их суверенитету. Хотя традиция и говорит, что израильтяне после гибели Авшалома призвали Давида на царство и последний понуждал старейшин Йехуды обратиться к нему с тем же (II Сам. 19, 10–15), однако эта демонстрация народного волеизъявления нужна была,

в общем, как формальность для придания возвращению Давида к власти видимости законности; к тому же его положение не было достаточно прочным.

Восстание Шевы, сына Бихри (II Сам. 20, 1—22), когда все израильские племена, кроме Йехуды, отложились от Давида, показало, что опираться на них он не может. Очевидно, не случайно к преданию о разгроме этого восстания примыкает известие (II Сам. 20, 23—26) о специализированном аппарате управления, существовавшем у Давида: „И Йоав был начальником всего войска израильского, Бенайа, сын Йехойада^{c}, — над критянами и филистимлянами, и Адорам — над повинностями, и Йехошафат, сын Ахилуда, — письмоводителем (hammazkīr), и Шейа — писцом, и Цадок и Эвйатар — жрецами. Также и Ира Йаирский был жрецом у Давида" (ср. I Хрон. 18, 15—17, где и имеются некоторые отклонения от этого списка). Как можно видеть, специализированный аппарат управления, организованный Давидом, включал военное ведомство с выделением командования критскими и филистимскими наемниками, а также административное, повинностное и сакральное[12].

Дальнейшее совершенствование этого аппарата наблюдается и в царствование Соломона, сына и преемника Давида, пришедшего к власти в результате государственного переворота и бывшего, в общем, независимым от демократических органов власти. I Цар. 4, 1—6 свидетельствует: „И был царь Соломон царем над всем Израилем. И вот вельможи (haśśārīm), которые у него: ^{c}Азарйаху, сын Цадока, — жрец, Элихореф и Ахийа, сыны Шишы, — писцы, Йехошафат, сын Ахилуда, — письмоводитель, Бенайаху, сын Йехойада^{c}, — над войском, и Цадок и Эвйатор — жрецы, и ^{c}Азарйаху, сын Натана, — над наместниками (al hannişşāḇīm), и Завуд, сын Натана, жрец, друг царя, и Ахишар — над домом, и Адонирам, сын ^{c}Авды, — над повинностями". Таким образом, особые ведомства управляли созданной Соломоном территориально-податной структурой и царским хозяйством. Эта реорганизация, несомненно, непосредственно была связана с организацией территориально-племенных округов во главе с царскими наместниками, — система, которая должна была обеспечивать выполнение для нужд царского двора натуральных повинностей (I Цар. 4, 7—20). Заметим здесь же, что Соломон особое внимание уделял организации из царских средств (и, несомненно, вне структуры союзного общеизраильского ополчения) конного войска — всадников и колесничих (I Цар. 5, 6; 10, 26).

Как можно видеть, этот административный аппарат с самого начала был создан как аппарат подавления; выполняя функции управления, он был направлен против народных масс с очевидной целью насильственного утверждения и поддержания царской власти в интересах той верхушки общества, которая составляла окружение царя.

Кроме того, как Давид (II Сам. 15, 1—6), так и Соломон (I Цар. 3, 16—28) вершили суд; выполнение этой функции было связано с повсеместно распространенными древними представлениями о том, что все магистраты обладают судейскими функциями.

Наконец, в царствование Давида и Соломона Иудейско-Израильское царство вышло за собственно израильские границы.

Как показывают материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, аналогичная структура управления существовала, вероятно, с большими или меньшими изменениями и после смерти Соломона, вплоть до гибели Израильского и Иудейского царств. В отношении Израильского царства известно следующее: хотя царь Йаров^cам I, создавший его, и обосновался первоначально в Сихеме — сакральном центре „дома Иосифа" и всего Израиля, впоследствии он перешел в Тирцу (ср. I Цар. 14, 17), ставшую резиденцией израильских царей, а еще позже стольным городом Израильского царства стала Самария, специально для этой цели построенная царем ^cОмри (I Цар. 16, 24) (ср. [Alt, 1959, 3, с. 258—302]). Тот же Йаров^cам I создал и свои культовые центры, независимые от Иерусалима и от Сихема и опиравшиеся на местные сакральные традиции, что историческое предание однозначно оценивает как прегрешение (ср. I Цар. 12, 28—30). Как известно из повествования о царе Ахаве, в Израильском царстве имелись областеначальники (śārē hammĕḏīnōṯ; I Цар. 20, 14—19), из чего можно заключить, что Израильское царство делилось на территориальные округа. В Иудее обращают на себя внимание мероприятия царя Иосафата, который, явно продолжая политику своих предшественников, расставил свои воинские гарнизоны (ḥayil) в городах Йехуды, назначил наместников (nĕṣīḇīm) (II Хрон. 17, 2) и судей (II Хрон. 19, 5), и это не могло не привести к дальнейшему и полному подавлению городского демократического самоуправления. Кажется правдоподобным, что такие действия Иосафата объясняются антицаристскими выступлениями, имевшими место в Йехуде. Наконец, в обоих царствах сохранился династический принцип наследования власти.

IV

Так как Иудейско-Израильское царство возникло на базе Израильского племенного союза и племена, входившие в союз, не только были кровнородственными (по крайней мере теоретически) объединениями, но и занимали каждое определенную территорию, оно в отличие от своих предшественников было не городом-государством, а государством данной этнической общности и соответственно государством территориальным, изначально ориентированным на территорию, занимаемую этнической общностью; вероятно, его наиболее близким древним аналогом была Македония. Мы далее еще вернемся к вопросу о положении городов в Палестине первой половины I тысячелетия до н.з., однако уже в настоящий момент заметим, что они все существовали в рамках Иудейско-Израильского царства либо Иудейского и Израильского царств, которые с каким-либо городом, как таковым, в том числе с племенными или союзными сакральными центрами, никогда не отождествлялись. Употребление топонима „Самария" вместо „Израильское царство" (например, II Цар. 17, 26; 23, 19) в данном случае аналогично употреблению в современном политическом лексиконе слова „Париж" вместо „Франция" или „французское прави-

тельство" и т. п. Границы государства — это не границы городской округи, сколь бы велика она ни была; это границы определенной страны, занятой Израильским племенным союзом, теоретически — весь Ханаан, который традиция объявляет Землей Обетованной[13].

Государства Заиорданья — Моав и Аммон — также, насколько об этом можно судить, были построены на территориально-племенной основе (ср. [Alt, 1959, 2, с. 28]). Об их внутренней организации известно только, что главой государства был царь. В надписи царя Меши [KAI 181] рассказывается о том, как этот царь строил города и заселял их, по всей вероятности, людьми, принадлежавшими к царскому сектору.

Создание специализированного административного аппарата не имело своим последствием уничтожение или самоликвидацию родо-племенной структуры общества и соответствующих органов власти. Традиция (I Хрон. 27, 16—22) сохранила список вождей израильских племен, находившихся у власти в царствование Давида; при этом используются термины nāḡīḏ — „вождь", ᶜal šibṭē yiśrāᵓēl — „над племенами Израиля" и śārē šibṭē yiśrāᵓēl — „начальники племен Израиля", очевидно равнозначные. По I Хрон. 28, участниками совета, созываемого Давидом, наряду с администрацией и военным персоналом сектора были вожди племен (śārē haššĕḇātīm). Согласно I Цар. 8, 1—3 (ср. также II Хрон. 5, 8), для перенесения Ковчега Завета в храм Соломон, как уже говорилось, созывает (yaqhēl) старейшин Израиля (ziqnē yiśrāᵓēl), вождей племен (rāᵓšē hammaṭṭōt) и предводителей родов (nĕśīᵓē hāᵓāḇōt). Повествуя о царствовании иудейского царя Иосафата, II Хрон. 17, 14—19 считает нужным отметить, что в племени Йехуда, составлявшем костяк его государства, имелись трое начальников тысяч (śārē ᵓălāp̄īm) и в племени Бинйамин, также входившем в Иудейское царство, — двое. Речь шла, несомненно, о племенных ополчениях. Как уже отмечалось выше, параллельно царю у власти находился и „вождь дома Йехуды". Заслуживает внимания также, что пророка Иеремию, обвиненного в государственной измене, судят „начальники Йехуды" (śārē yĕhūḏā) в собрании всего народа (qĕhal hāᶜām) с участием „старейшин земли" (ziqnē hāᵓārāṣ) (Иерем. 26, 10—24). Израильский царь Ахав в условиях военного конфликта, получив послание дамасского царя Бен-Хадада, созывает „всех старейшин страны" (kol ziqnē hāᵓārāṣ; I Цар. 20, 7); в выработке ответа принимает участие и „весь народ" (kol hāᶜām; I Цар. 20, 8). Очевидно, действуют органы племенного союза — совет старейшин и народное собрание, поддержка которых была нужна царю для организации эффективного отпора. Своими воинскими делами был известен витязь из племени Эфрайима Зихри (II Хрон. 28, 6), живший во второй половине VIII в. до н. э. В II Хрон. 28, 12 упоминаются „мужи из вождей сынов Эфрайима" (ᵓănāšīm mērāᵓšē bĕnē ᵓăp̄rāyīm); однако здесь под „сынами Эфрайима" может подразумеваться и все Израильское царство (так, в Ис. 9, 8—28, 1 и др.), что свидетельствует о господствующей роли племени Эфрайима там.

Племена и весь племенной союз в целом играли чрезвычайно важную роль во всей общественно-политической жизни государства. Это нашло свое отражение прежде всего в их взаимоотношениях с царем.

После того как выяснилось, что Давид по старости не может оставаться царем, царская власть стала объектом борьбы между его сыновьями — Адонией и Соломоном, за которыми стояли группы их приверженцев из приближенных Давида (I Цар. 1). Заслуживают внимания их действия. Адония устраивает жертвоприношение у камня Зохелет возле источника Рогель и приглашает всех своих братьев, сыновей царя, и всех мужей Йехуды, рабов царя (ᵓanšē yĕhūḏā ᶜaḇdē hammäläḵ). Неприглашенными оказались лишь Соломон и его сторонники (I Цар. 1, 9—10). Эта церемония воспринимается или выдается за воцарение Адонии без согласия Давида; приверженцы Соломона добиваются, что царь объявляет Соломона своим преемником и приказывает провозгласить его царем. Согласно рассказу I Цар. 1, 38—40, во исполнение этого повеления приверженцы Соломона „посадили верхом Соломона на мула Давида и отвели его на Гихон. И взял Цадок-жрец рог елея из Скинии и помазал Соломона, и затрубили в трубу, и сказал весь народ: да живет царь Соломон! И поднялся весь народ за ним, и народ играл на свирелях и радовался радостью великой, и земля раскалывалась от вопля их". Из дальнейшего рассказа (стих 45), да и из всей ситуации в целом, вытекает, что „народ", праздновавший воцарение Соломона, — это жители Иерусалима. Вопрос о приемнике Давида оказывается, в общем, проблемой, касающейся только самого Давида, его семьи и приближенных. Легитимная процедура выборов царя старейшинами и народным собранием была полностью обойдена; она как бы не существовала. Впрочем, Соломон стремился обеспечить себе поддержку этих институций, в частности старейшин; укреплению его власти должны были послужить и рассказы о его исключительной мудрости, благочестии и богатстве, благоденствии в годы его правления.

Однако уже его сын Рехавᶜам должен был пройти процедуру избрания на царство на общеизраильском народном собрании. Едва ли можно согласиться с тем, будто договорные отношения иудейских царей Давида и Рехавᶜама с Израилем распространялись только на союз северных племен [Malamat, 1970, с. 165]. Источники говорят об Израиле, в который в тот момент входил также и Йехуда. Далее [с. 165—166] автор высказывает мысль, согласно которой обновление договора было необходимо при смене династии и в кризисных ситуациях. Описание I Цар. 12, 1—20 содержит ряд чрезвычайно существенных подробностей. Во-первых, дело происходит не в Хевроне — сакральном центре Йехуды, а в Сихеме — сакральном центре „дома Иосифа"; соответственно и центр государственной и общественной жизни переносится туда. Во-вторых, народное собрание[14] представляет Рехавᶜаму свои требования, которые он отказывается удовлетворить[15]. В результате его не избирают; он сохраняет власть только над племенами Йехуда и Бинйамин, по всей видимости, признававшими его царем, между тем как остальные племена (Израиль) провозгласили царем Йаровᶜама.

Традиция не сохранила сведений о том, какова была процедура воцарения Рехавᶜама в Йехуде и Бинйамине. В этой связи, однако, заслуживает внимания Второз. 17, 14—20, в котором содержатся предписания, касающиеся царя: „Когда ты придешь в страну, которую Йахве, Бог твой,

дает тебе, и овладеешь ею, и поселишься на ней, и скажешь: поставлю-ка я над собою царя, как все народы, которые вокруг меня, — поставить поставь над собою царя, которого изберет Йахве, Бог твой. Из братьев твоих поставь над собою царя: ты не можешь назначить над собою чужака, который не брат твой. Только пусть он не умножает себе коней и не возвращает народ в Египет, чтобы умножить коней. И Йахве сказал вам: не возвращайтесь больше этим путем. И пусть не умножает себе жен и пусть не развращает сердце его, и серебро и золото пусть не умножает себе очень. И будет, когда он сядет на трон царствования его, и пусть запишет себе изложение Учения это по книге, составленной жрецами и левитами. И оно (Учение. — *И. Ш.*) пусть будет с ним, и пусть он читает в нем все дни своей жизни, чтобы он научился бояться Йахве, Бога его, блюсти все слова Учения этого и законы (hahụqqīm) эти исполнять, чтобы не возносилось сердце его перед братьями его и чтобы он не уклонялся от заповеди (hammiṣwā) ни направо, ни налево, чтобы продлились дни его на царствовании его, его и сынов его в Израиле". Конкретные запреты, обращаемые к царю, явно имеют целью предотвратить повторение ситуации, имевшей место при Соломоне. В свою очередь, это обстоятельство позволяет высказать предположение, что в основе интересующего нас текста лежит договор, заключенный племенами Йехуда и Бинйамин с Рехав^cамом и предусматривавший помимо указанных выше конкретных обязательств следование закону (в нашем тексте оно преобразовалось, естественно, в следование Учению) и поддержание представлений о царе как о первом среди равных.

Другой эпизод, свидетельствующий об активном участии народа Йехуды в возвращении на трон царя, — это эпизод воцарения Йоаша (836—797 гг. до. н. э.) (II Цар. 11; II Хрон. 23). Здесь также имеет место критическая ситуация: свергается по инициативе верховного жреца Йехойада[c] узурпаторша [c]Аталийа. При поддержке войска и „народа земли" ([c]am hā[ɔ]äräṣ), т. е. массы рядового свободного полноправного населения [Амусин, 1955], верховный жрец возлагает на коронуемого Йоаша царский венец (hannēzär) и инсигнии (hā[c]ēḏūṯ), после чего „воцарили его и помазали его, и били в ладоши, и говорили: да живет царь!" (II Цар. 11, 12). Далее мы узнаем: „Царь стоит на возвышении по обычаю (kammišpāṭ) и вельможи (haśśārīm; Септуагинта и Вульгата: „певчие"), трубы возле царя, и весь народ земли веселится и трубит в трубы". Наконец, стих 17 сообщает: „И заключил Йехойада[c] договор (wayyikroṯ yĕhōyādā[c] äthabběrīṯ) между Йахве, и между царем и между народом, чтобы он был народом Йахве, и между царем и народом". Очевидно, в данном случае имели место провозглашение и помазание царя на народном собрании, соответствующая процедура выборов; заключение договора могло быть сопряжено с удовлетворением каких-либо ближе нам неизвестных требований „народа земли". Существенна здесь ссылка на „обычай" (mišpāṭ), свидетельствующая о легитимности всей процедуры.

Также в критической ситуации весь народ Йехуды (kol [c]am yĕhūdā) воцарил [c]Азарйаху (785—742 гг. до н. э.; II Цар. 14, 21); при аналогичной ситуации „народ земли" поставил царем Йошийаху (640—609 гг. до н. э.;

II Цар. 21, 23—24); после его смерти „народ земли" помазал и воцарил Йехоахаза (609 г. до н. з.; II Цар. 23, 30). Во всех зтих случаях представляется очевидной как идентичность „народа Йехуды" и „народа земли", так и активная роль демократических, т. е. в конечном счете племенных, структур в возведении данных лиц на трон. Остается неизвестным, как происходило воцарение в обычных ситуациях; возможно, формальное избрание (всенародное провозглашение) имело место и тогда. Однако выборность царя, хотя она и может рассматриваться как отход от антидемократической процедуры воцарения Соломона, не устраняла того факта, что все цари принадлежали к династии Давида, и таким образом соблюдался династический принцип наследования царской власти.

Как известно, царствование Йошийаху было ознаменовано религиозной реформой, заложившей фундамент иудейского монотеизма. Оставляя в стороне остальные детали повествования, обратим внимание на процедуру ее проведения (II Цар. 23, 1—3): „И послал царь, и собрали к нему всех старейшин Йехуды и Иерусалима (kol ziqnē yĕhūdā wīrūšālāim). И поднялся царь в дом Йахве, и все мужи Йехуды (kol ᵓīš yĕhūdā), и все жители Иерусалима (kol yōšĕbē yĕrūšālāim) с ним, и жрецы, и пророки, и весь народ от мала до велика (wĕkol hāᶜām lĕmiqqāṭōn wĕᶜad gādōl), и прочел в уши их все слова Книги Договора, найденной в доме Йахве. И взошел царь на возвышение, и заключил договор (wayyikrot ᵓăt habbĕrīt) пред лицом Йахве ходить вслед за Йахве и блюсти заветы его (miṣwōtāw) и постановления Его (ᶜedōtāw), и законы Его (ḥuqqōtāw) всем сердцем и всею душою, чтобы утвердить слова Договора зтого (dibrē habbĕrīt hazzōᵓt), записанные в зтой книге. И вступил весь народ в договор". За зтим следует описание практических действий: уничтожения всего, так или иначе связанного с языческими культами. Как можно видеть, во всеобщем собрании, которое созвал Йошийаху, отчетливо выделяются племя Йехуда, Иерусалим (который продолжал занимать особое положение, как бы вне Йехуды) и сакральный персонал. Как и в предыдущих ситуациях, договор (bĕrīt) представлял собой взаимное обязательство царя и народа следовать закону, равно обязательному для всех.

В отношении Израильского царства подобных сведений не сохранилось, вероятно потому, что дошедшую до нас традицию процедурные вопросы, да и вообще вопросы светской истории, не интересовали. К тому же история Израильского царства — это почти непрерывная цепь насильственных династических переворотов. Тем не менее, говоря о свержении Надава, сына Йаровᶜама, I Цар. 15, 27 считает нужным подчеркнуть, что его убийца и преемник Баᶜша, сын Ахийи, принадлежал к „дому Иссахара" (bēt yiśśākār). Говоря о приходе к власти ᶜОмри, можно отметить, что такое же имя носил один из вождей племени Иссахар в царствование Давида (I Хрон, 27, 18); ᶜОмри, царствовавший в Израильском царстве, возможно, происходил оттуда же. Впрочем, ᶜОмри первоначально был воцарен „всем Израилем" (kol yiśrāᵓēl) (I Цар. 16, 17); затем (см. стихи 21—22) имела место междоусобная война, в которой победили сторонники ᶜОмри. II Цар. 15, 23—24, рассказывая о заговоре против царя Пекахйи, сына Менахема, который организовал Пеках, сын Ремалйаху, отме-

чает, что с ним были пятьдесят гиле^{c}адитян (ḥămiššîm ᵓîs mibbĕnē gilĕᶜādîm).

Все изложенное дает, по-видимому, основания полагать, что в Иудейско-Израильском царстве, а после его распада в Иудейском и Израильском царствах параллельно сосуществовали и взаимодействовали царский и родо-племенной секторы. Царский сектор составляли царский двор и дружина, а также обслуживающий персонал царского хозяйства (все вместе они образовывали социально-политический организм, называвшийся „воинами, витязями" царя, но также и „рабами" царя). Родо-племенной сектор, называвшийся „Израиль", включал всех тех свободных, кто по происхождению входил в одно из племен данного племенного союза. Теоретически все „сыны Израиля" считались равными между собой, поскольку они происходили от общего предка и, следовательно, были братьями. Все земельные и иные отношения между ними регулировались в сфере племенного союза. Члены союза имели право на землю в пределах, принадлежавших их племени, а внутри племени — их роду (такая земля считалась родовым наследием и не могла навечно отчуждаться за его пределы (см. [Шифман, 1965, с. 26—41]), а также право участвовать в управлении и вообще в жизни своего племени и всего союза и во всенародном ополчении. Царская власть также, по крайней мере теоретически, распространялась на весь Израиль и на каждое отдельное племя лишь постольку, поскольку они ее признавали. Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам (подробно см. [Шифман, 1967, с. 38—48]), Израиль выполнял повинности, включавшие выделение доли урожая и приплода скота Иерусалимскому храму, что имело целью создание общественных фондов для сакральных целей и на случай возникновения критической ситуации, а также натуральные поставки для нужд царского двора и трудовую повинность, в том числе работы для удовлетворения потребностей всего общества (например, в связи со строительством Иерусалимского храма) и работы в царском хозяйстве. Каким бы ни было происхождение повинностей, они (в частности, трудовая повинность) рассматривались обществом как способ эксплуатировать свободных людей в пользу и по произволу царя; именно повинностный гнет послужил причиной того, что израильские племена, кроме Йехуды и Бинйамина, отказались признать царем Рехав^{c}ама и государство распалось на Израильское и Иудейское царства.

Мы уже отмечали, что город как социально-политический организм сложился на территории Палестины задолго до появления там Израильского племенного союза; последний застал в Палестине многочисленные города-государства. Одни из них (в том числе Хацор — крупнейший город-государство на севере страны) были израильтянами разгромлены, а другие сумели сохранить полностью или частично свою самостоятельность. Среди ханаанейских городов, оставшихся независимыми от Израильского племенного союза, традиция (Суд. 1, 29—32) упоминает Гезер, Акко, Сидон, Ахлав, Ахзив, Хельб, Афик, Рехов. Вплоть до царствования Давида в таком же положении находился и Иерусалим. Другие ханаанейские и аморейские города должны были выполнять повинности (mas̄) в пользу союза

или отдельных племен. К их числу принадлежали Китрон и Нахалал на территории Зевулуна (Суд. 1, 30), Бет-Шемеш и Бет-ᶜАнат на территории Нафтали (Суд. 1, 33), Айалон и Шаальбим на территории Иосифа (Суд. 1, 35), Бет-Шеан, Таᶜанах, Дор и Мегиддо на территории Менашше (Суд, 1, 27; Иис. Нав. 17, 11—12), Гивеᶜон, жители которого были превращены в „дровосеков" и „водоносов", исполнявших работу для „всего общества" (lĕkol hāᶜēḏā) (Иис. Нав. 9, 12—27). Историческая традиция, характеризующая ситуацию в целом (Иис. Нав. 17, 13; Суд. 1, 28), и узаконения, устанавливающие обычаи ведения войны (Второз. 20, 11), свидетельствуют о том, что ханаанеи (соответственно города, подчинившиеся Израилю) подлежали обложению повинностью; согласно I Цар. 9, 20—21 (соответсвенно II Хрон, 8, 7—8), такая система была введена Соломоном. С течением времени население ханаанейских и аморейских городов было ассимилировано Израилем.

Наряду с этим по мере оседания племен Израиля на земле возникали и собственно израильские города. В нашем распоряжении нет материалов о том, как это происходило; можно предполагать, что имело место и основание новых городов (к их числу относится, вероятно, Бет-Лехем Иудейский, не упоминаемый в списке иудейских городов Иис. Нав. 15, 20—63), и восстановление и заселение разрушенных во время войны ханаанейских поселений (к их числу относится, по всей видимости, Хеврон). Как бы то ни было, традиция о разделе Палестины между отдельными племенами включает перечисление принадлежавших им отдельных городов (см. Иис. Нав. 15—19).

Источники, имеющиеся в нашем распоряжении, относятся к различным историческим периодам — от периода Судей[16] до разгрома Иудейского царства; они скудны и отрывочны. Тем не менее они позволяют представить себе общую картину. Города (в Библии они обычно обозначаются термином ᶜīr) представляли собой укрепленное поселение, к которому тяготела сельскохозяйственная округа, где располагались небольшие поселки, называвшиеся „дочерьми" (bĕnōṯ) города, или селениями (ḥāṣer) (см., например, Иис. Нав. 15, 32—47 и т. д.). Совокупность граждан города называлась его „мужами" (ср. Суд. 8, 5: ᵓanšē sukkōṯ — „мужи Суккота"; I Сам. 11, 1—3: ᵓanšē yāḇēš — „мужи Иавеша") либо „домохозяевами" (ср. Числ. 21, 28: baᶜălē bāmōṯ ᵓarnōn — „домохозяева высот Арнона"; Иис. Нав. 24, 11: baᶜăle yĕrīḥō — „домохозяева Иерихона"). Носителем власти в городе было народное собрание, проходившее обычно возле городских ворот (ср. Быт. 23, 10; 34, 30), чем объясняется и употребление термина šaᶜar („ворота") для обозначения города (Быт. 22, 17, а также 24 и 60; Исх. 20, 10; Второз. 28, 52; Ис. 14. 31) [Speiser, 1967]. Народное собрание практически ведало всеми проблемами внутригородской жизни: оно санкционировало продажу земли негражданину и устанавливало правовой статус проданной земли (Быт. 23), вершило суд по поводу сакральных преступлений (Суд. 6, 26—31), а также по поводу кровной мести (Числ. 35, 24), вело переговоры дипломатического характера (Суд. 8, 5—9; Иис. Нав. 10, 6; I Сам. 11, 1—4), избирало городского царя (Суд. 9, 6). Наши источники упоминают также городских старейшин (zĕqēnīm —

„старцы"), часто действовавших совместно со „всеми мужами" (Иис. Нав. 9, 11; I Сам. 11, 1–3). Они исполняли судейские функции по делам об убийстве (Второз. 19, 12; 21, 1–9), по обвинению непокорного сына (Второз. 21, 18–21), по делам о нарушении супружеской верности (Второз. 22, 13–21) и левирате (Второз. 25, 7–10). Высшие городские магистраты назывались śar hāᶜīr (Суд. 8, 6; 9, 30; I Цар. 22, 26–27; Иерем. 29, 2; 39, 19; II Хрон. 29, 20; 34, 8), но также и nāśīᵓ (Быт. 34, 2). Административные функции в городах исполняли также писцы (šōṭerīm; Второз. 20, 5–9). Политическая терминология Библии находит себе параллели в соответствующей терминологии Южной Аравии. Так, библейскому и финикийско-пунийскому baᶜal — „гражданин" соответствует южноаравийское bᶜl („ломаное" множественное ᵓbᶜl) в том же значении [SD, с. 25]. Библейское ḥōrīm обозначает адресатов письма царицы Изевел, находившихся в „городе его" (т. е. где жил Навот; I Цар. 21, 8); согласно I Цар. 21, 11, они составляют вместе со старцами (hazzēqēnīm) совокупность „мужей города его" (ᵓanšē ᶜīrō). Септуагинта переводит интересующее нас слово в обоих случаях ἐλευθέρους и οἱ ἐλεύθεροι „свободных" и „свободные", ориентируясь на словоупотребление, сложившееся к концу I тысячелетия до н. э. В масоретском изводе Ис. 34, 12 слово ḥōrāhā встречается в поврежденном контексте. Септуагинта сохранила вариант „правителей не будет" οἱ ἄρχοντες αὐτῆς οὐκ ἔσονται, где евр. ḥōrāhā соответствует οἱ ἄρχοντες αὐτῆς („она" — Эдом). В Нехем. 2, 16 horim упомянуты в перечислении различных группировок населения иерусалимской гражданско-храмовой общины наряду с иудеями (yĕhūḏīm, жрецами (kōhănīm), правителями (sĕgānīm); Септуагинта переводит τοῖς ἐντίμοις — „знатным". В аналогичном контексте ḥōrīm находятся в Нехем. 4, 8 и 13 с тем же переводом в Септуагинте (ср. 14 и 19: τοὺς ἐντίμους). В Эккл. 10, 17 читаем: „блаженна ты, страна, что царь твой bān ḥōrīm", а в Септуагинте это передано υἱὸς ἐλευθέρων. Имея в виду южноаравийский глагол ḥwr — „селиться в городе" и соответственно южноаравийское слово ḥwr — „поселенец, житель города" [SD, с. 73], можно считать, что библейским ḥōr первоначально назывались члены данного гражданского коллектива; значения, зафиксированные в Септуагинте („свободный, знатный"), отражают поздний этап бытования слова в эпоху эллинизма.

Граждане в городе имели право владеть землей на территории, принадлежавшей городу (продажа земли негражданину могла иметь место только с санкции народного собрания; Быт. 23, 3–20), участвовать в общественно-политической жизни города и в органах управления. Из Амос 5, 3 и Михей 5, 1 следует, что города поставляли воинов в общенародное ополчение.

Для характеристики взаимоотношений царя с городом существенно прежде всего то, что городские органы самоуправления не назначались царем; они формировались на месте явно в соответствии с издревле сложившимися традициями. Следовательно, граждане были подчинены и подсудны только властям своего города. Вот почему, задумав совершить юридическое убийство Навота (см. I Цар. 22), но не имея возможности распра-

виться с ним средствами, находившимися в распоряжении царской администрации, царица Изевел организует сложную интригу: она обращается от имени царя к городским старейшинам (hazzēqēnīm) и горожанам (hāḥōrīm) с предложением обвинить Навота в том, что он хулил бога и царя, и казнить его за это (I Цар. 22, 8—10). Так и было сделано. Очевидно, формальный приговор Навоту вынесла городская администрация: царь не мог в сфере ее компетенции действовать непосредственно своей властью.

Как можно видеть, в царстве Давида и Соломона, а позже в Иудейском и Израильском царствах существовал и укреплялся общинно-городской сектор. Типологически город там не отличался от греческого полиса и италийского civitas, хотя он и находился до середины I тысячелетия до н. э. в рамках родо-племенной структуры.

V

В Палестине на рубеже II—I тысячелетий до н. з. государство сложилось в условиях, когда ранее существовавшая система городов-государств была разрушена, на базе Израильского племенного союза как государство, ориентированное на определенный зтнос и занимаемую им территорию (территориально-зтническое). Носителем государственности была царская власть[17]; был сформирован специализированный аппарат управления, не совпадавший непосредственно с населением, на содержание которого взыскивались налоги и повинности. В основе территориального устройства общества, созданного царем для обеспечения нужд своего двора, лежало разделение на территории, принадлежавшие отдельным племенам. В то же время создается и общинно-городской сектор, также территориальный в своай основе[18].

Существовавший параллельно зтому родо-племенной сектор играл двойственную роль. Он оставался инструментом народовластия и создавал возможности воздействия на царя и его администрацию, а также выбора царя, наиболее приемлемого с точки зрения народных масс, и регламентирования его деятельности с помощью таких установлений, как договор, фиксировавший обязательства царя и народа. В то же время он вписывался в общую структуру государства, поскольку аго верховным главой был царь, и он превращался в руках царя в инструмант эффективного воздействия на народ.

Развитие общинно-городского сектора, насколько об зтом можно судить, имало тенденцию в конечном счете заменить этим сектором родоплеменную систаму. Сказанное наиболее отчетливо проявляется в том, что города и их магистраты принимают на себя административные и судебные функции, ранее исполнявшиеся магистратами племен или союза племен.

Естественное течение исторического процесса в Палестине было прервано в конце VIII в. до н. з. (разгром Израильского царства) и в первой четверти VI в. (разгром Иудейского царства). Возникновение общины самаритян с конца VIII в. и иерусалимской гражданско-храмовой общины в конце VI в. в условиях, когда и монархический режим, и союз племен были разрушены, знаменовало собою создание принципиально новой для Палестины государственности, хотя и там и там ее создатели стремились опереться на древние традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Примечательно, что одно из имен сынов Изреиля — Бинйамин — встречается и в документех из Мари кек обозначение группы племен Бану Йемине („сыны Юга"), которым противостоят Бану Сем'ель („сыны Севере") [Kupper, 1975, с. 47—58].

[2]Х. Ревив [Reviv, 1983, с. 85—94] отрицает реальное существование союзного нeродного собрания, кек оно изображено в Ветхом зевете; повествователь, однако, явно исходил из того, что они представляли собой функционирующую политическую институцию.

[3]В. Тиль [Thiel, 1980, с. 137—141] считает, что решеющая роль в политической жизни общества принадлежала старейшинем, хотя неродные собрения существовали. Автор отвергает мысль о „примитивной демократии" применительно к Израилю. Племена действовали практически самостоятельно.

[4]А. Альт [Alt, 1959, 2, с. 17—21] видит в развитии раннего Израильского государстве завершение того, что было издревле заложено в харизметическом предводительстве.

[5]О взаимоотношениях вождей-„спасителей" и старейшин см. также [Reviv, 1977, с. 201—204].

[6]А. Альт [Alt, 1959, 1, с. 193—202] в свое время пришел к заключению, что система племенных границ, кек оне представлена в книге Иисуса Навина, восходит ко времени между вторжением в Палестину и возникновением государства и что впоследствии эта система существенно не изменилась.

[7]Сказанное опровергает построения Р. де Во [Vaux, 1961, I, с. 113], пытающегося представить дело так, будто в первые времена оседлости у всех израильтян были одинаковые социальные условия. Появление богатых хозяйств (врода Навала в Иудейской пустыне) как раз и свидетельствует о далеко зашедшем социальном расслоении. То обстоятельство, что Саул сам пахал землю (I Сам. 11, 5), а Давид пас стадо (I Сам. 16, 11; 17, 20—28, 34), говорит только об активном участии всех членов семьи в хозяйственной деятельности, но отнюдь не об имущественном цензе.

[8]Дж. Буччеллети [Buccelleti, 1967, с. 125] считает племенной союз государством, поскольку последний, по его словам, объединен надплеменными институтами и признанием общих правовых норм. Однако для определения, является ли данное политическое образование государством, существенно установить, что собой представляли надплеменные институты и правовые нормы. С точки зрения Дж. Буччеллети, несколько можно понять, государство характеризуется наличием политической жизни [там же, с.113] и осуществлением функций управления.

[9]По мнению Р.де Во [Vaux, 1961, I, с. 163], аккламация означала не выбор царя народом, но принятие народом выбора Йахве, воплощенного через помазание.

[10]По тонкому наблюдению А. Альта [Alt, 1959, 2, с. 23], как избранник Йахве Саул именуется только титулом вождя: nāgīd, и только народ желует ему царский титул mëläk.

[11]Опираясь на этот стих, М. Вейнфальд показал [Weinfeld, 1982, с. 27—53], что идея „благородного рабства" (εὔδοξος δουλεία), в котором пребывает царь, активно разрабатывавшаяся в эпоху эллинизма (Aelian., Var.hist. II, 20), а также римским стоицизмом (например, Seneca, De clem. VIII, 1; ср. Suet., Tiber. 24), уходит своими корнями не доэллинистический Ближний Восток.

[12]В литературе [Donner, 1959, с. 105—145] отмечается особая роль, которую играла при царском дворе царица-мать. Ее специфическое положение следует рассматривать как проявление сыновней почтительности.

[13]Упоминание в ряде библейских текстов (II Сам. 24, 1 и 9; I Цар. 1, 35; 4, 20 и 25) Йехуды и Израиля как равнозначных исторических реальностей привело к мысли о дуализме государства Давида и Соломона [Alt, 1959, с. 44—45]: Йехуде

и Израиль представляются двумя царстаами связанными личной унией. Более вероятным, однако, кажется, что а данном случае имело место слоаоупотребление, сохранившееся от аремени, когда Давид был царем Йехуды и вел борьбу за власть против Ишбаᶜала, сына Саула. В этот период аойна шла, естественно, между Израилем (его возглавлял Ишбаᶜал) и Йехудой (II Сам. 2, 8—10); ср. аналогичную ситуацию, когда Израиль воюет с Бинйамином (Суд. 20—21). Во асах ситуациях, когда речь идет об общественно-политических акциях (например, перенесение Ковчега в Иерусалим), Израиль действует как целое, включая Йехуду.

[14] По мнению А. Маламата [Malamat, 1970, с. 168], собрание (q̄ahāl), с которым имел дело Рехааᶜам, было собранием „лидеров", но не народным собранием в собственном смысле этого слове.

[15] В отличие от мнения А. Маламете [Malamat, 1970, с. 171—173] мы полагаем, что „старики", соаетовавшие Рехавᶜаму уступить требованиям народа, были в данном случае не соаетом старейшин, но придаорными старшего поколения. Именно такого взгляда придержиаался и М. Наор в процессу обсуждения концепции А. Маламата [там же, с. 184—185].

[16] О структуре города периода Судей см. [Reviv, 1981, с. 4—8].

[17] С точки зрения Дж. Буччеллати [Beccellati, 1967, с. 100—101], установление монархии характеризуется углублением территориальных связей вследствие введения подданства по отношению к царю, признаниам царя как политического суверена. Близкэ к этому позиция Р. де Во [Vaux, 1961, I, с. 146—149], полагающего, что с появлением царской власти начинеется эволюция от союза племен к государству.

[18] А. Малемет [Malamat, 1983] намечает следующую схему постепенного разаития государства Давида и Соломоне: 1) племенное царстао; 2) „национальное" царство; 3) консолидированное территориальноа государстао; 4) „многонациональное" государстао; 5) империя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Амусин, 1955 — *Амусин И.Д.* „Народ земли" — ВДИ, 1955, № 2.

Никольский, 1926 — *Никольский И.М.* Иудайские монархомахи VII века. — Новый Восток. Вып. 5. 1926.

Шифман, 1965 — *Шифман И.Ш.* Земальные отношения в Пелестина в первой половине I тыс. до н.э. — ВДИ. 1965, № 4.

Шифман, 1967 — *Шифман И.Ш.* К характеристике царских поаинностей а Палестине а первой половине I тыс. до н.э. по данным библейской традиции. — ВДИ. 1967, № 1.

Шифман, 1982 — *Шифман И.Ш.* Угаритское общестао XIV—XIII аа. до н.э. М., 1982.

Albright, 1944 — *Albright W.F.* A Prince of Taanach in the 15-th Cent. B.C. — BASOR. 1944, № 94.

Alt, 1959 — *Alt A.* Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel. Bd. 1—3. Münchan, 1959.

ANET — Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. Ed. J.B. Pritchard. Princeton, 1955.

Artzi, 1964 — *Artzi P.* "Vox populi" in the El-Amarna Tablets. — RAss. P., 1964, t.58.

Buccellati, 1967 — *Buccellati G.* Cities and Nations of Ancient Syria. Roma, 1967.

Campbell, 1963 — *Campbell E.F.* The Chronology of the Amarna Lettars. Baltimore, 1963.

CUL — *Whitaker R.E.* A Concordance of the Ugaritic Literature. Cambridge, Mass., 1972.

Donner, 1959 — *Donner H.* Art und Herkunft des Amtes der Königinmuttar im Altan Testament. — Festschrift Johannes Fridrich. Heidelberg, 1959.

Driver, 1956 — *Driver S.R.* An Introduction to the Literature of the Old Testament. N.Y., 1956.

Dus, 1963 — *Dus J.* Die "Sufeten Israels". — ArOr, 1963, № 3.

EA, 1915 — *Knudtzon J.A.* Die El-Amarna Tafeln. Lpz., 1915.

Eissfeldt, 1956 — *Eissfeldt O.* Einleitung in das Alte Testament. Tübingen, 1956.
Fohrer, 1959 — *Fohrer G.* Der Vertrag zwischen König und Volk von Israel. — ZAW. 1959, Bd. 71.
Fohrer, 1977 — *Fohrer G.* Geschichte Israels. Heidelberg, 1977.
KAI — *Donner H., Röllig W.* Kannanäische und aramäische Inschriften. Bd. 1—3. Wiesbaden, 1962.
Kenyon, 1960 — *Kenyon K.* Archaeology of the Holy Land. L., 1960.
Kreißig, 1973 — *Kreißig H.* Die Bedeutung der sogenannten Richterzeit für die Staatsentstehung bei den Hebräern. — Beiträge zur Entstehung des Staates. B., 1973.
Kupper, 1957 — *Kupper J.R.* Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari. P., 1957.
Lemaire, 1977 — *Lemaire A.* Les inscriptions de Khirber el-Qom et Ashera de Yhwh. — RB. 1977, année 84.
Malamat, 1961 — *Malamat A.* Campaigns of Amenhotep II and Thutmose IV in Canaan. — Scripta Hierosolymitana. Vol. 8. Jerusalem, 1961.
Malamat, 1966 — *Malamat A.* Syrien-Palästina in der zweiten Hälfte des 2. Jahrtausends. — Fischer Weltgeschichte. Bd. 3. Die altorientalische Reiche II. Frankfurt a/M., 1966.
Malamat, 1970 — *Malamat A.* Organs of Statecraft in the Israelite Monarchy. — The Biblical Archaeologist Reader. Vol. III. N.Y., 1970.
Malamat, 1983 — *Malamat A.* Das davidische und salomonische Königreich und seine Beziehungen zu Ägypten und Syrien. Zur Entstelung eines Großreichs. Wien, 1983.
Mazar, 1968 — *Mazar B.* The Middle Bronze Age in Palestine. — IEJ. 1968, vol. 18, № 2, c. 65—97.
Mendelsohn, 1956 — *Mendelsohn I.* Samuel's Denunciation of Kingship in the Light of the Accadian Documents from Ugarit. — BASOR, 1956, № 143.
Mowinckel, 1961 — *Mowinckel S.* Psalmenstudien. Bücher I—VI. Amsterdam, 1961.
Noth, 1930 — *Noth M.* Des System der zwölf Stämme Israels. Stuttgart, 1930.
Posener, 1940 — *Posener G.* Princes et pays d'Asie et de Nubie. Bruxelles, 1940.
Reviv, 1969 — *Reviv H.* On Urban Representative Institutions and Self-Government in Syria-Palestine in the Second Half of the Second Millennium B.C. — JESHO, 1969, vol. 12, № 3.
Reviv, 1972 — *Reviv H.* Some Comments on the Maryannu. — IEJ. 1972, vol. 22, № 4.
Reviv, 1977 — *Reviv H.* Elders and "Saviors". — Or. Ant. 1977, vol. XVI.
Reviv, 1981 — *Reviv H.* Jabesh-Gilead in I Samuel 11: 1—4 — Caracteristics of the City in Pre-Monarchic Israel. — Yad Izhak Ben-Lvi. The Jerusalem Catherdra. Jerusalem, 1981.
Reviv, 1983 — *Reviv H.* The Pattern of the Pan-Tribal Assembly in the Old Testament. — JNSL. 1983, vol. VIII.
Sachau 1911 — *Sachau E.* Aramäische Papyrus und Ostraka aus einer jüdischen Militërkolonie zu Elephantine. Lpz., 1911.
SD — *Beeston A.F.L., Ghul M.A., Müller W.W., Ryckmans J.* Sabaic Dictionary (English-French-Arabic). Louvain-la-Neuve — Beyrouth, 1982.
Sellin, 1904 — *Sellin E.* Tell Ta'annek. Wien, 1904.
Sellin, 1906 — *Sellin E.* Eine Nachlese auf dem Tell Ta'annek in Palästina. Wien, 1906.
Sethe, 1926 — *Sethe K.* Ächtung feindlicher Fürsten, Völker und Dinge auf altägyptischen Tongefässcherben des Mittleren Reiches. B., 1926.
Speiser, 1967 — *Speiser E.A.* "Coming" and "Going" at the City Gate. — *Speiser E.A.* Oriental and Biblical Studies. Philadelphia, 1967.
Thiel, 1980 — *Thiel W.* Die soziale Entwicklung Isreels in vorstaatlicher Zeit. B., 1980.
UT — *Gordon C.H.* Ugaritic Textbook. Rome, 1965.
Vaux, 1961 — *Vaux R. de.* Les institutions de l'Ancien Testament. Vol. I—II. P., 1961.
Weinfeld, 1982 — *Weinfeld M.* The Counsel of the "Elders" to Rehoboam and its Implications. — Maarav. 1982, vol. 3, № 1.
WUS — *Aistleitner J.* Wörterbuch der ugaritischen Spreche. B., 1963.
Yadin, 1955 — *Yadin Y.* Hyksos Fortification and the Battering Ram. — BASOR. 1955, № 137.
Yadin, 1975 — *Yadin Y.* Hazor, the Rediscovery of a Great Citadel of the Bible. Jerusalem, 1975.

О.Д. Берлев

ЦИФРОВЫЕ ДАННЫЕ ПО УГОНУ НАСЕЛЕНИЯ ПОКОРЕННЫХ СТРАН В ЕГИПТЕ

Несмотря на повышенный интерес в отечественной египтологии к источникам рабочей силы, особенно внешним, и несомненную важность постоянного притока рабочих рук извне, из покоренных и зависимых стран, в виде захвата пленных и угона мирного населения, цифровой материал по этому аспекту никогда не собирался и не изучался как целое.

Слов нет, материал этот слишком мал и слишком разрознен. Статистическую кривую по нему не вычертить никак. Разрывы между отдельными показаниями чудовищны. Достаточно сказать, что отсутствуют данные почти за целое I тысячелетие до н.э. И тем не менее.

При всей случайности, разрозненности, неполноте цифр они все-таки дают представление о размерах захватов и угонов. Более того, выделяется определенный средний уровень, обычные размеры, и редкие пики, максимумы.

В связи с цифрами и бесциферные данные о пленных приобретают известную статистическую ценность. Дело в том, что страсть к рекордам, превышениям, перевыполнениям была у египтян в крови. И если при этом цифры не показывают, значит, и показывать было нечего. Золотая середина в лучшем случае.

Говоря, что цифры по пленным (египтяне этим термином охватывали как военнопленных, так и захваченное мирное население, угоняемое в Египет) не собирались и не изучались, мы вовсе не хотим сказать, что они игнорировались. Некоторые из них можно встретить во всех историях. В этих историях можно найти и цифры, не имеющие к пленным никакого отношения, и даже цифры мнимые [числовые выражения в специальном употреблении, не показатель количества, например, „десятки тысяч'' (Харрис 77,4), сотни тысяч и др.]. Тем больший резон этот материал изучать.

На данном этапе мы ограничимся только сбором материала по пленным и его изучением (на предмет, имеет он отношение к пленению или нет), не касаясь ни хода действий, подготовивших захват, ни судьбы уводимых в Египет. Все это должно исследоваться специально. Мы же кладем начало каталогу, если это слово допустимо в отношении столь малого материала. И притом каталогу, ограниченному только данными по пленным, не включая в него ни цифры единовременной дани, ни ежегодной подати, которые следовали Египту, ни другие источники рабочих рук извне. Только пленение. Но и пленение лишь по документам, содержащим итоговые циф-

ры. Захваты людей отдельными воинами игнорируются. Равно как и все сведения по убитым в сражениях.

В документации намеренно оставляется без внимания как вся литература по тому или иному документу, не связанная с интерпретацией цифрового материала, так и разработка каких бы то ни было отдельных аспектов помимо цифр пленных.

Каталог располагается в хронологическом порядке по царствованиям, от которых дошли цифровые показания, от 0 (нулевой) династии до XXVI включительно.

ТЕРМИН „ПЛЕННЫЕ"

Древнейший случай употребления термина „пленный" засвидетельствован еще для IV тысячелетия на булаве царя „Нар-мер", однако термин зашифрован идеограммой, и чтение его проблематично. Возможно, он читался тогда, как и несколько веков спустя, ᶜnḫw-sḳrw или sḳrw-ᶜnḫw. Обе формы засвидетельствованы в записях V династии текстов начала IV династии[1]. Последняя, однако, становится общепринятой[2].

Термин до сих пор не получил объяснения, несмотря на этимологическую прозрачность: sḳr — „бить", „убивать", а ᶜnḫ — „жить", стало быть, „убитые—живые". Попытки объяснить это противоречие шли по следующим линиям. 1. Элемент sḳrw понимали как проспективное причастие „подлежащий убиению"[3], т.е. оставили в живых для того, чтобы убить там и тогда, где и когда это будет нужно победителю. 2. Связывали элемент ᶜnḫ, идеограмма которого изображает завязку, узлы, с понятием „связывать", „налагать путы" и т.п.[4]. 3. Объясняли термин как пережиток глубокой древности (даже по отношению к IV тысячелетию), когда пленных не брали вообще. Противоестественная пощада побежденного врага вылилась в термине-абсурде. Вне логики, вне здравого смысла.

Из трех лишь последнее не вызывает критики хотя бы со стороны формальной. „Живые—убитые" или „убитые—живые", видимо, и есть абсолютное значение этого выражения. Вопрос, однако, какое содержание за этим.

Два других, несмотря на то что первое подкреплено авторитетом „Словаря", не могут быть приняты. Проспективное причастие — вопрос предельно спорный[5], отказ же от понятия „жить" противоречит реальной стороне дела: враг оставлен в живых, не говоря уже о трудности установления значения „связывать" для ᶜnḫ, которое вообще везде и во всех случаях сопряжено с понятием „жить", „жизнь" и т.п.

Все дело, видимо, в элементе „убитый". Убитый, но как? Если в прямом смысле, то, конечно, единственное объяснение, что термин — искусственная компановка противоположностей. Живой труп.

Так поневоле приходилось истолковывать это выражение, ввиду отсутствия альтернативы, до 1940 г. В 1940 г. вышло в свет издание так называемых „Текстов проклятий" на статуэтках в Брюсселе, которое выпустил Ж. Позенер[6]. После выхода в свет этого издания вопрос принял совершенно другой оборот.

В „Текстах проклятий" — две части, отражающие — внешне- и внутриполитические события. Во внешнеполитической части имеется перечень всех соседних с Египтом стран и их правителей, включенных в формулу, обеспечивающую их гибель, стоит им что-то задумать против Египта[7]. Неминуемо должен погибнуть как сам правитель, так и все „...его". Слово, оставленное без перевода, не было правильно распознано в первой серии „Текстов", ставшей известной в египтологии, берлинской. К. Зете читал его mḥnkw[8], которое можно было передавать как „друзья" или подобное. Брюссельская серия показала, однако, что следует читать sḳrjj/sḳrjw (мн.ч. от sḳrw)[9], стало быть, „пораженные", „убитые".

Между прочим, и сам правитель — убитый совершенно так же. Это видно из детерминатива „труп", которым пояснено его имя, т.е. царь и весь его народ становятся, стоит только царю задумать злое против Египта, убитыми, убитыми ритуально.

Всякий враг поэтому „убитый". Не с „убитыми" Египет никогда не воюет. Всякий, кто поднял оружие против фараона, — „убитый". „Убитые", правда, иногда завоевывали Египет, но это уже особая статья[10].

Сломив сопротивление „убитых", разоружив их, египтяне оставляют их в живых. Отсюда и термин, совсем не рудимент и не абсурд. Термин совершенно логичен: „убитые—живые" — пощаженный враг.

Термин „убитые", т.е. убитые ритуально, употребляется и вне „Текстов проклятий" в качестве обозначения врагов Египта[11], но никогда, кажется, как сокращение термина „пленный". Пояснение „живой" и делает обозначение врага пленным, существом, которому после ритуального убийства дарована жизнь.

Еще одно: термин „убитые" обозначает весь народ, всех подданных враждебного Египту царя, во всей совокупности. Следовательно, и „живые—убитые" это все те, кого удалось из этого народа схватить и кому была дана пощада, будь то воины, буть то женщины, буть то дети. Захваченное население подлежало угону в Египет.

И еще: термин „пленные" засвидетельствован для самого начала IV династии, а возможно, еще и для 0, для IV тысячелетия, между тем вариант внешнеполитической части „Текстов проклятий" неизвестен ранее конца XII династии (начало II тысячелетия). Можно ли объяснять столь древний термин столь поздними текстами. Думается, что можно, коль скоро недавно стали известны „Тексты проклятий", хотя пока только по внутриполитической части, и для Древнего царства[12]. „Принцип действия" в обеих частях в этих текстах один и тот же.

О ДИНАСТИЯ

„Нар-мер"[13]. На мемориальной булаве этого царя, хранившейся, видимо, со времени его царствования в Иераконпольском святилище[14], изображен, как полагают, праздник „сед"[15] и приведены цифры скота, крупного и мелкого (счет ведется на сотни тысяч и миллионы голов), и пленных, судя по идеограмме „мужчина с заломленными назад и связанными

руками". Последних 120 тыс., и они дают основание для интерпретации всех цифр как данных о военной добыче, захваченной царем.

Вполне возможно, что эту идеограмму уже в IV тысячелетии читали, как и позднее, sķr(w)-ᶜnḫ(w) или ᶜnḫ(w)-sķr(w), если эта вторая форма действительно древнее.

Вот, собственно, все, что сообщает „Нар-мер". Все дальнейшее — из области конъектур. Подлинные ли это цифры или слишком преувеличенные, результат ли это одного похода или сумма многих лет определенным образом направленной деятельности, египтяне ли это или соседние с Египтом народы и т.д.? Последнее (египтяне) в принципе возможно, потому что этот царь воевал в Дельте. Не исключено даже при данной обеспеченности источниками, что и самое объединение обоих царств, верхне- и нижнеегипетского, могло произойти как раз в это время[16]. Идеограмма же пленника такова, что это может быть и египтянин. Однако за всю историю Египта нет цифровых данных по пленным, взятым во время внутренних усобиц[17].

В отношении вопроса, разовый ли это „взяток" или сумма многих, сомнения едва ли возможны. Сумма. Цифры булавы рекордные. Никогда на всем протяжении истории Египта ни один царь не смог их повторить, не то что превзойти[18].

К чтению идеограммы. Заметим, что, если эта читалась уже в IV тысячелетии как sķr(w)-ᶜnḫ(w) или ᶜnḫ(w)-sķr(w), то на всем протяжении египетской истории термин этот не прилагался к египтянам. Лишь эфиопы решились применить его к своим врагам, ливийцам[19] и египтянам, бывшим у них на службе.

В начале века имело место мнение, что от царя „Нар-мер" сохранилось еще одно сведение по части увода пленных, а именно знаменитые 6 тыс., будто бы упоминаемые на мемориальной палетке этого царя[20]. Поскольку на палетке[21] предполагаемые цифры включены в общий рисунок сцены, их прочтение, казалось, позволяло весь этот рисунок расшифровать. Это открывало, можно было думать, ту гипотетически конструируемую стадию в истории письма, что лежит на грани между пиктографией и письмом. Поэтому истолкование палетки, предложенное А. Эрманом, получило значительный резонанс, отразилось в крупных и мелких трудах по истории письма[22], не говоря уже об учете „факта" историками.

Построение это, однако, наталкивалось на неопределенности древнейших рисунков, не все изображающих так, как это стало принято впоследствии. Предполагаемые тысячи должны были быть написаны знаком „лист лотоса", между тем шесть листов растения на палетке, очень похожие на лотос позднейших изображений, имели некоторые черты, которые напоминали папирус. В литературе тех лет колебания между лотосом и папирусом налицо даже в работах ученых, принявших интерпретацию А. Эрмана. Как-то не отдавали себе отчета в том, что такие колебания убийственны для этой интерпретации, поскольку шесть листов папируса нельзя никоим образом понять как цифровые обозначения. Поэтому как только ряд лиц решительно высказывается в пользу отождествления растения палетки с папирусом, интерпретация А. Эрмана была остав-

лена[23]. Оставлена сразу всеми без исключения. Только в отечественной литературе, вследствие резонанса первой четверти века, эрманово чтение нет-нет да и встречается. Вернее, встречалось даже в 70-х годах, и только теперь, кажется, уже окончательно оставлено[24].

Интересно, один из аргументов против цифрового прочтения был тот, что цифры эти ничтожны[25]. По сравнению с цифрами булавы они, конечно, малы, но булава — явление исключительное в истории Египта. 6 тыс. едва-едва удалось наскрести Тхутмосе III за все его 16 походов, за 20 лет военных действий в Азии. Потом, цифры булавы могут быть только суммой ряда захватов, а для одного 6 тыс. вполне реальны и даже весьма престижны. Так что этот аргумент не имеет значения.

А что же имеет? Идентификация растения? Так этот вопрос ставили в 20-х годах. Либо лотос, тогда 6 тыс. пленных, либо папирус, тогда... Тогда это должен был быть топоним, символ местности, откуда уводят пленных, число которых не показано.

А если контроверза решится в пользу лотоса? Будет ли это означать возрождение эрмановой гипотезы? Не слишком ли поспешили отказаться от возможных цифровых данных по пленным, драгоценным в силу редкости таковых? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. А Эрман и его оппоненты не нашли аналога сцене на палетке царя „Нар-мер". Между тем сцена палетки впоследствии многократно воспроизводилась на египетских памятниках, хотя ближайшее к ним по времени, из числа дошедших до нас, разумеется, отстоит от нее более чем на тысячелетие[26]. Божество влечет к царю за веревки головы или бюсты, надетые на овалы, стены крепостей[27]. Каждая крепость — страна, завоеванная царем. Единственное существенное различие между палеткой и более поздними изображениями в том, что позже название покоренной страны стали писать внутри овала, поэтому соответственно расширенного. На палетке же название покоренной страны (аналогия делает несомненным то, что это название покоренной страны) написано над овалом, причем „дизайнер" использовал то обстоятельство, что топоним пишется шестью листами водного растения, и придал овалу вид водоема, в котором это растение произрастает.

Но если это топоним, то тем самым подтвердилось мнение оппонентов А. Эрмана, которые видят в водном растении папирус, а композицию объясняли как название страны, символизируемой знаком „папирус", т.е. Дельты, Нижнего Египта или какой-то болотистой местности в Дельте[28]. В конечном счете — да, но для них топоним был обусловлен идентификацией растения с папирусом. Покажите, что это лотос, и топоним исчезает, уступив место 6 тыс. пленных. Для нас в любом случае это топоним. Не пленные. На этом пока и остановимся.

Итак, от царя „Нар-мер" дошло только одно цифровое указание — 120 тыс. пленных. При буквальном истолковании идеограмм — 120 тыс. мужчин, т.е. женщины и дети вдобавок без счету. Но тогда число пленных было бы еще большим. Скорее идеограмму следует понимать в смысле наших „человек" — безотносительно к полу[29].

IV ДИНАСТИЯ

Сенфоре (Сорис. „Се-нефру") [30]. Сведения о числе пленных содержатся в Летописи, а именно на Палермском обломке и Каирском фрагменте № 4. Списки эти разные. Не совпадают не только орфография, но и сочетания имен. Итак, на Палермском фрагменте слово „пленные" написано ᶜnḫ̮(w)-sḳr(w), тогда как на Каирском — уже sḳr(w)-ᶜnḫ̮(w), форма обычная для всех последующих эпох.

На Палермском фрагменте, по расчету К. Зете, данные о пленных приходятся на год X+4 этого царствования[31]. В этом году имел место поход в Нубию, захват множества скота и увод населения, судя по детерминативу, мужчин и женщин, числом 7 тыс. человек[32]. Не так уж много в сравнении с цифрами булавы, но и совсем не так уж мало, как кажется.

В году X + 9 (по реконструкции К. Зете) имел место поход в Ливию, откуда увели всего 1100 пленных обоего пола[33]. И в этом случае увод людей связан с угоном скота (следуют цифры).

Тут начинается целая серия „но". Все фрагменты Летописи, кроме Палермского, до сих пор не изданы удовлетворительно. Ожидается издание всех семи фрагментов де Сенивалем, приобретшим Каирский фрагмент № 5 и подарившим его Каирскому музею.

Фрагмент № 4 на фотографии, изданной А. Готье, почти нечитаем, а по подлиннику самому А. Готье удалось разобрать очень немного[34]. У К. Зете в его реконструкции большой помощью была неопубликованная копия Л. Борхардта.

Как бы там ни было, в клеточке года, на который приходится поход в Ливию, А. Готье не читает имя царя, а К. Зете это делает с уверенностью, видимо, на основании списка Л. Борхардта. По фотографии нельзя ничего разобрать. Приходится полагаться на К. Зете (ср., однако, [Gardiner, 1917, с. 145]).

Далее, недавно было высказано сомнение относительно подлинности Каирских обломков[35]. Вопрос требует тщательного изучения подлинников и издания всего материала. Пока приходится воздерживаться от каких бы то ни было заключений по каким-либо частям Летописи, помимо Палермской.

Неизвестное царствование. Сведения, как будто касающиеся пленения 17 тыс. нубийцев, удалось обнаружить испанской экспедиции д-ра Альмагро в Эль-Акиба в районе Короско — Каср-Ибрим[36].

В одной из надписей, действительно, речь идет на первый взгляд о пленении 17 тыс. нубийцев, и эти цифры уже, можно сказать, вошли в обиход. С ними считаются в истории Нубии, откуда, стало быть, имели место угоны населения в таких огромных размерах. Огромных? Они, конечно, не идут ни в какое сравнение с цифрами булавы, тем не менее они значительно превосходят цифры, до сих пор обнаруженные для царствования Сенфоре.

Не исключено, впрочем, что ко времени этого царствования принадлежит и данная надпись. Во всяком случае, если верно, что ном, упомянутой в надписи, при V династии так больше не назывался, надпись следует отнести ко времени IV династии[37].

Речь в надписи идет о nḏrt нубийцев, как полагают, числом в 17 тыс. Это слово до сих пор в значении „пленение", „захват" людей достоверно не засвидетельствовано, но в конце концов от основного значения „хватать", „прочно держать" не так уж далеко и до „пленения". Во всяком случае, значение „арест", „задержание" для nḏrt как будто можно подтвердить ссылками на тексты[38].

Но если nḏrt — „пленение" только приводит в смущение, за неимением параллелей, то другие обстоятельства уже прямо противоречат пониманию надписи в смысле пленения/захвата. Начать с того, что надпись оставлена номархом Восточного нома (северная часть) Нижнего Египта. Следовательно, номарх пленил 17 тыс. человек, тогда как царь Сенфоре, если только дополнительные сведения на этот счет не содержались в недошедших частях Летописи, может похвалиться лишь 8110 человеками. Вообще цифры по пленным сообщают только цари. Никакие номархи, никакие военачальники пока в этой роли не засвидетельствованы (ср., однако, ниже).

Далее. Слово „нубийцы" пояснено, как полагают, знаком „воин". Для нас такой знак в контексте пленения был бы вполне нормален. Для египтян же это что-то вроде „сапог всмятку". Знак вооруженного врага уже нетерпим, а в контексте пленения он нелеп. Пленение — это разоружение. Надпись же увековечивает врага и пленного во всей паноплии.

Это не пленение. Конечно. Что это такое, показывает сравнение со второй надписью из Эль-Акиба. Надо сказать, эти две надписи, расположенные на утесе рядом друг с другом, абсолютно параллельны одна другой. Настолько, что вероятно было бы даже одновременное изготовление обеих, хотя характер письма разный. Издатель этих надписей, Лопес, единственный египтолог, который имел счастье работать на самом утесе, не исключает и другую возможность, а именно: надписи разновременны, но тогда та, которая содержит сведения якобы о пленении нубийцев, — более поздняя[39].

Если надписи разновременны, то перед нами явление, которое можно было бы назвать „диалог надписей", известное для Египта вообще. Из-за духа соревнования, бывшего у египтян в крови, случалось такое: чиновник определенного ранга оставляет надпись, в которой сообщает о своих достижениях. Какое-то время (это могут быть и столетия) спустя надпись попадается на глаза другому чиновнику в том же ранге. Появляется смысл сравнить себя с другим. Изготовляется другая надпись, сообщающая об успехах этого второго чиновника. И хотя первая надпись даже и не упоминается, во второй максимально возможный параллелизм между обеими сейчас же раскрывает подтекст, показывает, с кем соревнуются[40].

Итак, диалог надписей № 27 (более ранняя, по Лопесу) и 28 (предполагаемое пленение). Обе надписи составлены чиновниками одного ранга (непременное условие диалога надписей), а именно номархами, и абсолютно параллельны. Тождественны даже, можно было бы сказать, mutatis mutandis.

В самом деле, вот их общая схема: 1) номарх — нома; 2) — (имя); 3) — (цель прихода в Нубию); 4) — войско; 5) — человек.

В № 27 и 28 прочерки заполняются следующим образом: 1) XVII ном Верхнего Египта/Восточный (северная часть) ном Нижнего Египта; 2) ḥcj-bȝw-bt/zȝw-jb; 3) „пришел он... чтобы разорить страну wȝwȝt"/ ndrt nḥsj(w); 4) „вместе с войском"/идеограмма „войско"; 5) 20 тыс./ 17 тыс.

Ясно совершенно, что в № 4 идеограмма „войско", „воин" имеет значение „войско" и обе надписи указывают размеры войска в каждом случае. В одном — 20 тыс., в другом — 17 тыс. человек. К пленным эти цифры отношения не имеют. Сравниваются два отряда. Если верна хронология Лопеса, датирующего № 27 временем V династии, т.е. если признать, что № 28 (IV династия) древнее, то „20 тыс." зафиксированы после „17 тыс.". В этом случае имело бы место побитие рекорда. Особенно красивый вариант. Однако надо сказать, что командование большими отрядами, а в Эль-Акиба зафиксированы очень большие, вещь настолько престижная, что и 17 тыс. после 20 тыс. в конце концов (в принципе, разумеется) было бы возможно. Достаточно сопоставить эти цифры с другими. Так, в конце текущего тысячелетия 10 тыс. — основные военные силы Египта, сосредоточенные в столице Татесове (ḏd-jswt)[41]. Несколько позднее 10 тыс. человек посылают для работы в Вади-Хаммамат, но набирают их из всех номов Верхнего Египта, придав им 3 тыс. гребцов из Нижнего Египта, а во главе экспедиции ставят везира. Даже для везира командование 10 тыс. человек такой рекорд, что он сообщает об этом в двух надписях[42] (в одной он до сих пор не был распознан; мы исправляем эту ошибку)[43]. В начале следующего тысячелетия в Вади-Хаммамат была послана еще большая экспедиция: 17 тыс. одних тягловых единиц рабочей силы (скот для перетаскивания тяжестей в III и первую половину II тысячелетия не применялся)[44], да еще различные группы обеспечения, — военного, административного, хозяйственного, медицинского[45]. В целом почти 19 тыс. Но это также сбор всего Верхнего Египта.

Итак, две надписи в Эль-Акиба сообщают о рекордно больших отрядах, посланных против нубийцев. Поручение же командования этими отрядами номархам не означает еще, что и отряды их были составлены из людей их номов, иначе бы пришлось допустить, что к рубежу между III и II тысячелетиями номы сильно обезлюдели. Однако исключить такое объяснение мы не можем. Но это уже другой вопрос.

Возвращаясь к вопросу о предполагаемом пленении. Элемент № 3 в надписи № 28 в таком случае придется понять так же общо, как и в надписи № 27. Что-то в плане „подавления нубийцев", „усмирение" и т.п. Заметим, что слово „нубийцы" оказывается лишенным и детерминатива, и показателя числа (грамматического). Но такое возможно. Ср. написание слова „пленные" в храме царя Сехре (Сефрес/„Саху-ра")[46].

XII ДИНАСТИЯ

Сенвосре I (Сесострис/„Се-н-усерт"). В пирамидном храме этого царя в Лиште[47] найдены обломки сцены „богиня sšȝt увековечивает число пленных, захваченных царем".

Сцена дошла в обломках, которые до сих пор остаются неизданными. Какой-то синтез дается, но только в описании, В. Хейсом[48]. Согласно этому описанию, триумф царя сопровождается изображением связанных пленников. Картина пояснена надписью „привод пленников", среди которых житель страны pwnt, азиат, ливиец и еще два представителя народностей, отождествить которые не удалось[49].

С этой картиной связана другая: богиня истории записывает число захваченных пленных[50]. Этот фрагмент издан, и для понимания его важна единственная полностью дошедшая до нас картина такого рода в храме царя Сехре. Там, как и на булаве, пленникам сопутствует угнанный скот, однако стада отделены от пленных и к сцене богини отношения не имеют.

Перед богиней пояснение — „запись[51] число пленных, уведенных из чужеземных стран всяких". При этом сразу обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Изображения стад сопровождаются цифрами, изображения пленных — только пояснениями, из каких стран они происходят, но без цифр. И понятно почему. Цифры записывает богиня. Они у нее на дощечке, а так как на картине дощечка узка, цифры пропадают вообще. Иное дело стада. Ими богиня не занимается. Все цифры поэтому даются тут же.

Совершенно так же, как у Сехре[52], была, насколько можно судить по фрагментам, организована картина[53] и в храме царя Пиопи II[54]. Иначе обстоит дело с храмом в Лиште. Отступление от традиции здесь вот какое: нам дают возможность заглянуть на дощечку богини и увидеть, какие цифры она там записала.

Перед нею, как видно, традиционное пояснение — „ [запись пленн] ых", от которого сохранились два знака из трех детерминатива „множество пленных", которым придали характерные черты представителей соседних с Египтом народов.

Над богиней — ее титул: „Предстоящая Дому Книг Божественных", т.е. владычица собрания священных книг. Титул этот — сокращение более полного у царя Сехре[55].

Цифры, в действительности находящиеся на скрижали богини, для зрителя показаны на поле перед нею. К сожалению, картина не дошла полностью и нельзя сказать, все ли числа сохранились или нет.

Видны лишь знаки „миллион" и „три тысячи".

Изображение на картине миллиона, на которые пленников никто не считал, заставило В. Хейса объявить эти цифры относящимися к пленникам и стадам. Но богиня, как мы уже отметили, стадами не занимается. Не только в храмах царей V, VI и XII династий она учитывает лишь пленных, но и в храме царицы Хашепсове („Хат-шепсут") времени XVIII династии богиня занята именно людьми[56], взятыми в плен. Так что, как ни велики цифры, они должны относиться к людям.

Конечно, в таком случае цифры эти лишены достоверности и имеют только историко-культурное значение[57].

Число, если оно целое, читается, таким образом, 1003000, но низ картины отбит и не исключено поэтому, что знаки „миллион" и „три тысячи" дополнялись еще знаками для сотен и десятков тысяч, т.е. „один миллион столько-то сотен тысяч столько-то десятков тысяч три тысячи".

Есть, однако, и другая возможность, а именно в лакуне читать показатель множественного числа к знаку „миллион", т.е. в целом понимать все как „миллионы" и „тысячи", ср. аналогичный текст времен царицы Хашепсове: „Приношение твое (в храм) — миллионы людей из добычи (могучей) руки твоей, распределение твое — тысячи людей по храмам (букв. „в храмы")" [Urk. IV, 248, 8—9 = Naville III, табл. 57].

Третья возможность — понять „3000" как множитель к слову „миллион", т.е. „миллиарды", однако число „миллиард" до сих пор в египетской письменности не засвидетельствовано (ср., однако, [Wb. IV, 488, 12]).

Аменемхе II (Амменемес/„Имен-ем-хат"). Сведения об уводе населения из двух городов-государств в Азии дает недавно открытая летопись этого царствования[58]. Среди ряда внешнеполитических предприятий есть сообщения о походе, давшем пленных: „...военный отряд, направленный, чтобы поразить страны jwꜣj и jꜣsjj; число пленных (мужчины и женщины), приведенных из обеих стран этих: азиатов-ꜥꜣmw (мужчины и женщины), 1554". Следует описание добычи.

О местонахождении этих двух стран, очевидно соседних, пока можно строить только догадки. В египетской письменности они упоминаются впервые.

XVIII ДИНАСТИЯ[59]

Тхутмосе III (Мисфрагмутосис/„Тут-мес"). Это единственный случай в истории Египта, когда сумма пленных, захваченных за целое царствование, раскладывается на слагаемые добычи отдельных походов. Собственно, сумма подсчитывается нами на основании этих слагаемых. Она очень невелика. И это результат 20 лет военных действий в Сирии и Палестине, 16 победоносных походов. Не все слагаемые сохранились, и точную сумму поэтому не вычислить, но то, что дошло до нас (а это большинство), дает в итоге несколько более 5 тыс.

Эти цифры касаются только пленных. Царь приводит еще и цифры дани, так сказать, „мирной", людьми и даже ежегодной подати людьми, налагаемой на покоренных. И хотя такие источники поступления рабочей силы извне связаны с походами и самим царем разбиты по отдельным походам, мы, в соответствии с задачами настоящей статьи, эти источники не учитываем. Укажем только, что за 20 лет набегает около 3 тыс., таким образом, даже с прибавлением этих тысяч к 5 тыс. военнопленных сумма не доходит и до 10 тыс.

И это пора, когда шли величайшие завоевания в Азии, которую помнили века спустя!

Как известно, царь начинает серию победоносных походов в году 23-м, в годовщину своего вступления на престол. Заканчиваются походы на 16-м, в году 42-м. Итак, точно 20 лет походов.

Подробный рассказ о первом походе и ведомости по всем последующим содержатся в знаменитых Анналах царя[60]. Другие надписи царя (Карнакская, на внешней стене храма ꜣḫ-mjnw, Армантская и Баркаль-

ская) упоминают о походах, но данные о пленных имеются помимо Анналов только в Карнакской[61] и Баркальской надписях[62].

В году 23-м царь осаждал Мегиддо. В битве под этим городом была разбита коалиция во главе с царем Кудшу (Кадеш). Благодаря оплошности египетских воинов, увлекшихся грабежом, побежденным удалось укрыться в городе, взятие которого стало, таким образом, равнозначно, по выражению Тхутмосе III, взятию 1000 городов.

Когда осада была закончена и город сдался, пленных оказалось очень немного, согласно Анналам, всего 340 человек [Urk. IV, 663, 6]. В Баркальской надписи, однако, этим числом (на самом деле несколько меньшим — 330 [Urk. IV, 1234, 11]) обозначены только цари, образовавшие коалицию. Если эти цифры тождественны, а иначе, собственно, и не может быть, то получится, что в Мегиддо царь Египта вообще не взял пленных, так как все эти царьки были отправлены восвояси на ослах, поскольку лошади их стали добычей царя.

Это вообще единственный случай, когда есть основание считать, что пленные тут же были освобождены и отправлены на родину.

Но как все же с пленными? К сожалению, в Анналах лакуна, после которой приводятся данные о пленных из Йеноама, Нухашше и страны ḫrnkr, общим числом 2503 человека [Urk. IV, 665].

Перечисление слагаемых этой суммы дошло не полностью. Сохранившаяся часть такова: ...колесничих-марйанну — 38; чад Врага этого (т.е. царька Кудшу) и (других) царьков — 87; колесничих-марйанну — 5; рабов и рабынь... — 1796... перебежчиков—103.

Основной контингент пленных — рабы и рабыни, т.е. люди, социальное положение которых стало таковым после пленения. Их прежнее состояние для египтян несущественно. Не исключено, что и другие категории захваченных подходят под египетское обозначение ḥmww/ḥmwt, но их выделяют из массы, так как для победителя престижно указать, сколько царьков, членов царских семей и марйанну, воинов колесничьего войска, он пленил.

Так впервые в египетской истории дается указание относительно использования угоняемого населения в Египте.

В Анналах не хватает сведений о 474 с чем-то пленных. Возможно, они упоминаются на фрагменте Карнакской надписи [Urk. IV, 1257, 20], которая говорит о благодарности царя Амуну за победу при Мегиддо. Список добычи, по В.Хелку, там имеет такой вид: „царских чад — x+20: [азиатов-ᶜ3mw] — ...; азиаток-ᶜ3mwt — 500". А.Гардинер, впрочем, читает последнее число — 300[63]. Добыча эта показана происходящей из стран fnḫw, т.е. Сирии и Палестины вообще, но в Мегиддо с Египтом сражалась ведь целая коалиция, „тысяча городов".

Сведения о трех последующих походах не сохранились. Пятый состоялся в году 29-м и был направлен против Тунипа в Сирии.

„Список добычи, уведенной из города этого: царь Тунипа — 1, воинов-thr — 329" [Urk. IV, 686, 1–5]. Это — военнопленные. Год 30-й, шестой поход. Упоминается лишь увод 36 „царских чад" в заложники и

с ними 181 раб и рабыня [Urk. IV, 690, 6—7], но цифры пленных не приводятся.

Год 31-й, седьмой поход. В страну Уллаза. Число захваченных в этом походе — 492 пленника + двое, выделенные из общей массы, т.е. 494 в итоге [Urk. IV, 691, 2—5].

Год 33-й, восьмой поход. Против Нахарины/Митанни. Битва на Евфрате дала: царей — 3; жен их — 30; „людей добычи" — 80; рабов и рабынь вместе с детьми их — 605. В итоге, стало быть, 718 человек [Urk. IV, 698, 3—8]. Опять-таки масса угоняемых пояснена как рабы и рабыни, т.е. тот статут, который они будут иметь в Египте. Выделены только цари, их жены и „люди добычи". Последние, возможно, пленные воины, которых отделяют от захваченного мирного населения. Особо упомянуты ḥtpjw (перебежчики/сдавшиеся), жены и дети их. Цифры, однако, не сохранились.

Год 34-й, девятый поход. Против трех городов в области Нухашше.

Цифры людей, приведенных в качестве добычи, — 90; сдавшихся, жен их, детей их — ... [Urk. IV, 704, 11—12]. Итог, стало быть, 90 + x.

Год 35-й, десятый поход. Восстание в Сирии, подстрекаемое Нахариной.

Результат: пленников — 10 человек [Urk. IV, 711, 11].

Год 36-й, одиннадцатый поход. Сведения не сохранились.

Год 37-й, двенадцатый поход. Никаких сведений по пленным.

Год 38-й, тринадцатый поход. Против Нухашше.

„Список добычи, уведенной его величеством... пленников — 50" [Urk. IV, 717, 1].

Год 39-й, четырнадцатый поход. Никаких сведений по пленным.

Год 40-й, пятнадцатый поход. Никаких сведений по пленным.

Год 42-й, шестнадцатый поход. Против Кудшу.

„Список захваченного...". Цифры не сохранились. Союзники из Нахарины потеряли пленными „голов — 691" [Urk. IV, 730, 731].

В записи под этим годом мы сталкиваемся с исчислением пленных на головы (ср. [Urk. IV, 70, 1—2]). В Египте так исчисляли только рабов царя и рабов и никогда никакие другие категории (войско, отряды рабочей силы, население городов и т.п.). Очевидно, равнозначно обозначению „раб/рабыня".

Итак, за 16 походов, занявших 20 лет царствования, число пленных — 4886 (здесь не учтены данные Карнакской надписи по I походу, которые, возможно, следует приплюсовать к этим 4886) + x. Конечно, точная сумма неизвестна, но едва ли x составит более тысячи или двух. Около 5—6 тысяч в итоге, скорее всего. Иногда указывается большая сумма, но при этом в нее включаются и цифры по периодической дани людскими контингентами из покоренных стран; эти цифры мы в расчет не принимали. Не учитывали мы и данные типа Urk. IV, 743, 8, где приводится число сирийцев, пожертвованных царем храму Амуна за целый ряд лет (всего 1588 человек) или обобщения вроде „десятки тысяч и тысячи" [Urk. IV, 612, 15]. Не рассматриваем мы и спекулятивную возможность перенесения цифр Тхутмосе III в гигантские итоговые суммы пленных Аменхотпа II. Любопытно, что в некоторые походы число пленников совсем

не упоминается. Поскольку при этом аккуратно приводятся цифры всяческих даней и податей людьми, ясно, что пленных в эти годы не брали вообще, какова бы ни была причина.

Аменхотп II (Аменофис/„Имен-хетеп"). Цифровые данные по пленным этот царь приводит в двух надписях — Мемфисской[64] и Карнакской[65]. Эти надписи породили немалую путаницу, и концы с концами не связываются никак. Необходима дополнительная информация.

Под годом 3-м „издана" его надпись в храме в Амада (Нубия) и Элефантине[66], сообщающая о военных действиях в Сирии, пленении семи царьков и их казни. Число пленных за этот поход не указано.

Мемфисская и Карнакская надписи этот поход вообще игнорируют, считая первым поход года 7-го, а вторым — поход года 9-го.

Карнакская стела плохо сохранилась и не много может сообщить в параллель к Мемфисской. Но что интересно: цифры добычи этого первого похода, совпадающие на обеих стелах, на Карнакской повторены как результат второго похода. При этом резчик, заметив ошибку, перестал далее детализировать добычу второго похода, оборвал ведомость на полуслове. Мемфисская же стела дает как добычу второго похода огромные цифры, приближающиеся к результатам IV тысячелетия!

Не сходятся и описание второго похода и ведомость на добычу. Добыча показана из стран, которые во второй поход не затрагивались, но входили в маршрут первого похода. Поэтому мнение Э. Эделя[67], что цифры второго похода включают в себя данные первого, весьма вероятно.

В первый поход действия затронули Шамаш-Эдом, область Оронта, страну ḫȝšȝbw и др., во второй — неизвестные страны jtwrjn, Мигдолайн (mktrjnt), jjnjḫrtj и др. В итоговой ведомости второго похода упоминаются, однако, люди страны Нухашше.

Мы не станем касаться всех этих трудностей. Попытаемся только учесть цифры по пленным, как они даны в обеих надписях.

Итак, первый поход.

В Шамаш-Эдоме (Северная Сирия): „Список захваченного его величеством... азиатов (stjw) живых 35" [Urk. IV, 1302, 5]. Слово „азиатов" восстановлено при XIX династии [после вакханалий уродов (выражение Манефона[68]: калеки/прокаженные) Амарны] с пропуском элемента sk̭r. Карнакская стела сохранила первоначальный текст: „Азиатов (stjw) пленников", но число показано иное — 18 [Urk. IV, 1310, 16]. Впрочем, при XVIII династии такое словоупотребление имело место. Говорят о „нубийцах живых", „марианну живых" и т.п. (см. ниже).

В стычке во время переправы через Оронт царь-богатырь будто бы один лично захватил двух царей, шестерых колесничих-марйанну [Urk. IV, 1303, 1—3]. Карнакская стела дает совершенно другие сведения: взят всего один человек, марйанну [Urk. IV, 1310, 11 и 15].

Во время действий в других городах о пленных речи нет совсем. Лишь взятие города ḫȝšȝbw привело к пленению 16 марйанну живых, да еще был захвачен гонец царя Нахарины с „глиняным письмом на шее" [Urk. IV, 1304]. Далее в надписи говорится о нем как о „марйанну". Эпизод с гонцом сохранился и в Карнакской надписи [Urk. IV, 1313—1314]. На-

против, ведомость на пленных почти полностью уничтожена. Как будто там речь шла о захвате царя страны и чад его [Urk. IV, 1313, 12].

Наконец, итоговая ведомость похода: „Ведомость захвата этого: колесничих-марйанну и царей — 550; жен — 240; ханаанеян (kjnᶜnw) — 640, царских чад — 232, царских чад женского пола — 323; певиц царей стран различных — 270 женщин... итого — 2214" [Urk. IV, 1305, 5—9]. На самом деле итог получается 2255.

Карнакская стела, насколько можно судить по остаткам надписи, как будто дает те же цифры [Urk. IV, 1314, 10—11]. Частично они же воспроизводятся и в итоге второго похода. Захваченные колесничие названы тут „марйанну живыми" [Urk. IV, 1315, 14].

Во втором походе приходуются отдельные захваты (всего дважды), а затем дается итоговая ведомость чрезвычайно превышающая как эти разовые цифры, так и итоги первого похода.

Сообщая о захвате пленных, царь, однако, не показывает цифры захватов и только в деле против городов jtwrjn и Мигдолайн сообщает об уводе царей их — 34; марйанну — 57; азиатов (stjw) живых — 231 [Urk. IV, 1307, 7].

Опять-таки среди общих слов о пленении и захвате цифровые данные приводятся только в связи с действиями в стране jjnjwḫrtj.

„Список захваченного его величеством... марйанну живых — 17; царских чад — 6; азиатов (stjw) живых — 68" [Urk. IV, 1308, 6—7].

Далее говорится о приводе к царю города kbᶜȝswmjn по имени ḳȝ ḳȝ вместе с женами и семьей и о назначении царя на его место, но цифр нет никаких.

И наконец, итог. Огромный, не связанный с отдельными данными обеих надписей.

„Ведомость захвата, уведенного его величеством: царей страны rṯnw — 127; царских братьев — 179; людей ᶜprw (ᶜpwrȝ) — 3600, кочевников (šȝsw) живых — 15 200; сирийцев — 36 300; людей из Нухашше живых — 15 070; членов семейств их — 30 652; итого — 89 600 человек" [Urk. IV, 1308—1309].

На деле итог получается — 101 128 человек[69].

Аменхотп III. Сведения по захвату людей от его царствования ограничены Нубией и страной Куш.

В Нубии восстало население северной территории jbht, против которого от имени царя выступил царевич Куша mrjj-msjw. В результате — пленение 740 голов живых. Раскладывается этот итог так: нубийцев живых — 150; юношей (mgȝw) — 110; нубиек — 250; служителей нубийских — 55; детей их — 175 [Urk. IV, 1660].

От года 5-го дошла надпись о походе против царя страны Куш, в котором пленные будто бы исчислялись десятками тысяч (цифры эти можно понять и как 30 тыс.) [Urk. IV, 1666, 10], но это, к сожалению, не ведомость, а только слова в потоке восхвалений. Что было на самом деле там, сказать трудно. Во всяком случае, в одной из надписей этого царствования приводится список пленных: нубийцев — 3[70] [Urk. IV, 1735, 17]!

Аменхотп IV. В надписи царевича Куша Тхутмосе от какого-то года, не раньше года 12-го[71], говорится о захвате людей в стране jkȝjjt. Итог — голов живых 145 [Buhen, c. 92 = Smith, c. 125, табл. 29 и 75; Helck, 1980, c. 116—126]. Дальнейшая раскладка итога при дефектном состоянии надписи невозможна. Сохранились только две статьи ведомости: нубийцев живых — 80+x (?), их... — 12. Дж. Смит восстанавливает разрушенное — „царьков 12", прежде читали „[жен]"; В. Хелк — 84 нубийца, 12 детей (!).

XIX ДИНАСТИЯ

Сетой (Сетос, „Сет-и"). Те же сведения, только по Югу, а именно по стране jrm (на территории Судана). Поход в эту страну — кара за восстание [KRI I, 104]. Год 8-й.

Цифры были записаны в две надписи — отчеты о походе, в западном Амара и на о-ве Саи. Сохранились, однако, обрывки: нубийцев мужского пола — ..., ... — 31 + x; ... — 30 + x; служительниц (?) — 66; детей — 49; ... — 20; ... — 420. Возможно, последнее число — итог.

Рамесес II. От этого долгого царствования, ознаменовавшегося войной с хеттами, длившейся почти два десятилетия, дошел лишь единственный документ со сведениями о пленных, и тот, по-видимому, от последней декады его правления.

Эти сведения связаны с походом в страну jrm, возглавленным царевичем Аменоптахом в ранге „великий военачальник", что, собственно, и датирует документ. Назначение начальником крупного отряда во главе нескольких царевичей свидетельствует о первенствующей роли Аменоптаха в семье царя в это время, а первенство перешло к нему, как полагают[72], после кончины старших единоутробных братьев, вскоре после года 52-го.

Документ увековечен на городской стене в западном Амара (Судан) и содержит список добычи, захваченной в стране jrm. Текст сохранился плохо. Читаются лишь обрывки учетных статей с относящимися к ним цифрами. Г.В. Фэрмэн, открывший эту ведомость, писал о захвате 7000 пленных [Fairman, 1948, c. 8]. Эти цифры можно встретить и в других работах (ср. [Кацнельсон, 1951, c. 47]), так или иначе связанных с проблемой захватов. Однако издание документа (ранее была опубликована только мелкая очень нечеткая фотография) показало, что дело обстоит несколько сложнее [KRI II, 222].

Ведомость представляет собой список „добычи" (ḥȝḳ), в которой учитывались как пленные, так и убитые (ср., например, список такой „добычи" в следующем разделе). Поскольку же учетные статьи в данной ведомости не сохранились, никак нельзя сказать, сколько из учтенных в ней приходилось на живых, попавших в плен. Как бы то ни было, лишь часть включенных в ведомость — пленные. Отнюдь не все 7000, вернее, не 7000 + x, поскольку итоговые цифры до нас не дошли.

Следует отметить также, что при XIX и XX династиях цифры убитых обычно превосходят цифры пленных и притом намного.

Итак, ведомость дает следующие цифры: „людей — 2000 + x'', „3000 + x'', „x + 200'', „детей их — 2200''. Итог получается не 7000, а 7400 + x; какая-то часть этого числа — пленные.

Аменоптах (*Аменофатх/ „Мер-не-птах''*). Следующий документ, содержащий сведения по пленным, датируется годом 5-м царя и связан с разгромом ливийцев у prw-jrw, или prw-jrr. Ведомость, содержащая список „добычи'', в котором учтены как пленные, так и убитые, дошла до нас в трех списках — карнакском [KRI IV, 8–9], атрибисском [KRI IV, 22] и илиопольском [KRI IV, 38]; дублет списка (цифры не сохранились) [KRI IV, 23]. Два первых, к сожалению, дефектны и при том лишь в небольшой степени дополняют друг друга, числа в них показываются неодинаковые. Разница не такая уж существенная, но она затрудняет реконструкцию ведомости.

Как принято считать, число убитых в этой ведомости составляет 6000, а число пленных — 9000, что дает общее число ливийцев — 15000 (ср. [LÄ IV, 72]). Однако илиопольский список, изданный в 1973 г., устранил все недоразумения: общий итог добычи, как убитых, так и пленных, — 9376 (тот же итог в карнакском списке) [73]. Из них пленных — 218 человек + 12 жен вождя, т.е. 230 человек.

XX ДИНАСТИЯ

Рамесес III. Сохранились цифры только по двум кампаниям против ливийцев от годов 5-го и 11-го.

От года 5-го, помимо сложной и плохо сводимой бухгалтерии убитых (ср. [KRI V, 15]), число пленных (ливийцы-rbw) показано в 1000 человек [KRI V, 18].

Во второй кампании (против ливийцев-mšwš) сведения более обстоятельные: чужеземцев, уведенных его величеством в качестве пленных, — 2052. Этот итог составляют: „Царей — 1 человек; вождей вражеских — 5 человек; [начальников] — 5 человек; ливийцев-mšwš — 1200 человек; юношей — 152; мальчиков — 131; итого — 1494; жен их — женщин 342; девушек — 65; девочек — 151; итого пленных — голов различных (т.е. обоих полов) — 2052'' [KRI V, 44 и 53]. И в этом случае число убитых (2175) превосходит число взятых в плен, но не так контрастно, как в кампании года 5-го.

В большом папирусе Харрис, составленном в год кончины царя, в числе раздач храмам упоминаются и сирийцы и нубийцы из военной добычи, ливийцы-mšwš, а один раз колесничие, „царские чада'', колесничие-марйинну и ᶜprw [Харрис 31, 8]. Общее число этих, несомненно, пленных в папирусе показано 5876 [Харрис 10, 8, 15; 31, 8; 51, 9]. Их распределяют между Фивами, Илиополем и Мемфисом, а социальный статус этих людей — рабы.

XXVI ДИНАСТИЯ

Псамметих II [„П-се-мчек", „П-се-м-чек", Пишамильки (П-са (-н)-мички)]. В году 3-м Псамметиха II имел место поход в Куш, упоминаемый Геродотом (II, 161). Участники похода оставили граффити в храме Рамесеса II в Абу-Симбеле.

Официальное сообщение о походе, оказывается, было достаточно широко обнародовано. В настоящее время известны четыре „издания" этого сообщения, увековеченные в важных центрах страны (стелы Карнакская и Танисская) и на южной границе (целая стела и фрагмент другой), причем Танисская, стало быть, северная, версия отличается от южной (наиболее поздний обзор „изданий" см. [Perdu, 1986, с. 30—33]).

Упоминание „пленных" в этом отчете известно уже давно по Карнакской стеле, но цифр в ее нынешнем состоянии (наиболее полную реконструкцию см. [Perdu, 1986, с. 31, рис. 1]) она не сохранила, если только они не окажутся на все еще не опубликованных фрагментах стелы.

Не содержит она и даты, но этот недостаток восполняется танисской версией: год 3-й. Этот же год, но еще и с добавлением сезона и месяца („второй месяц засухи, день 10-й") дает пограничная (по месту находки — Шеллальская) стела, единственная, сохранившая полный текст описания похода (о ней см. [Bakry, 1964; Habachi, 1974; Lichtheim, 1980; Goedicke, 1981]). Эта стела и дает число пленных, взятых в результате победы где-то в области Пнубс (район третьих порогов). Это число — 4200.

В противоположность надписям времен XIX—XX династий текст Псамметиха II не упоминает убитых, считая существенным только число пленников.

„Ни один не вышел (из окружения), бежав. Повязаны в качестве пленных 4200 (человек). Остаток исчислен (букв. „сделан") в (отрубленных) ладонях".

ВЫВОДЫ

Цифры по пленным за более чем два тысячелетия египетской истории показывают, что увод людей в Египет в результате военных захватов осуществлялся в относительно небольших размерах, цифры в сотни человек являются, как видно, средним уровнем.

В начале III тысячелетия цифры разовых угонов значительно превышают более поздние, возможно, и самый „импорт" был большим. Но и они не идут ни в какое сравнение с цифрами IV тысячелетия, являющимися для Египта максимальными.

Приблизиться к цифрам царя „Нар-мер" удается только в конце II тысячелетия. И тот и другой „пики" в политике захвата пленных стоят в египетской истории совершенно особо.

После Рамсеса III цифровые данные по пленным практически полностью исчезают. Нет их и в надписях эфиопской XXV династии. Для XXVI династии известны только данные похода Псамметиха II.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Так называемая Летопись, Палермский обломок и Каирский фрагмент № 4 (ср. [Urk. I, 236, 10 и 237, 13]).

[2]Форма ᶜnḫw-sḳrw, видимо, единична, если не следует также читать Urk. IV, 1368, 18, где знак „рука" — искажение идеограммы sḳr. Что касается близких аналогий этой последней формы в Urk. IV, 36, 2 и 6, то их следует читать, очевидно, <sḳrw->-ᶜnḫw, т.е. понимать как ошибочное графическое сокращение, вызванное переносом со строки на строку. Впрочем, в те времена о пленных могли говорить и просто как о „живых" [Urk. IV, 35, 17].

[3] [Wb. IV, 307, 12].

[4]Так, независимо друг от друга Вестендорф [Westendorf, 1966, с. 153] и Выцихл [Vycichl, 1972, с. 44].

[5]Наш случай включается в число редчайших примеров, где проспективность как будто бы требуется контекстом [Edel, 1964, § 645].

[6] [Posener, 1940]. В этой книге исправления к прежде изданной берлинской серии „Текстов" дает Б. ван де Велле.

[7] [Sethe, с. 198 (18) и сл.].

[8]Там же, с. 195 (15) и сл.

[9] [Posener, 1940, с. 26—28; ср. замечания ван де Велле, там же, с. 108—109]. Окончательное подтверждение чтения sḳrw см. [Posener, 1966, с. 283]; ср. теперь [Posener, 1987, с. 22].

[10]Собственно, „убитые" не могли завоевать Египет по той простой причине, что если кто-то завоевывал Египет, то он тем самым оказывался „сыном Солнца", одним из двух богов, которые правят миром (Солнце и его сын, царь Египта). Иначе Египет завоевать нельзя. Против сына Солнца эти тексты бессильны.

[11]Единственный пример, приводимый „Словарем" [Wb. IV, 307, 18], не показателен, потому что слово sḳrww приходится на конец строки, а начало следующей утрачено. Там вполне могло стоять ᶜnḫww. Ср. однако [Meeks, 1982, с. 274 (79, 2755) и 275 (79, 2816)]. Микс правильно ставит этот термин в связь со словом из „Текстов проклятий".

[12]См. [Osing].

[13]Так совершенно условно и почти наверное неправильно принято читать имя этого царя.

[14] [PM V, с. 194].

[15]Ср. [Матье, 1956, с. 10; Hornung, 1974, с. 16]. Этот праздник позднее ассоциировался с тридцатилетием царствования (ср. [Hornung, 1974, с. 16 и Матье, 1956, с. 24]), но число исключений из правила так велико, что Хорнунг и Штаелин отрицают и самое правило. Перевод не греческий, однако, праздник „тридцатилетия".

[16]Раздельное существование царств, представлявшееся в совсем недавнем прошлом как этап, предшествующий объединению страны Менесом, которое кладет начало династической истории Египта, теперь требует стольких модификаций, что наметилась тенденция вообще отказаться от этой идеи, против чего резко выступил А. Гардинер [Gardiner, 1962, с. 421 и сл.], не снявший, однако, ни одного из аргументов, которые делают старую теорию затруднительной. Вопрос требует тщательного монографического исследования.

[17]Но факты пленения египтян египтянами (без употребления термина „пленный") известны; ср.: Дощечка Карнарвона, стк. 15.

[18]Сумма, конечно, прекрасно согласуется и с праздником „тридцатилетия", если это было „тридцатилатие".

[19]Дважды на стеле Пийе („Пи-анхи"), стк. 17 и 96 [Urk. III, 10, 34; Grimal, 1981].

[20] Интерпретвция предложена А. Эрменом и непечатена впервые Квэйбелом [Quibell, 1898] А. Эрман ее так и не собрелся обосновать. Всего подробнее он высказывается на этот счет в своей книжечке об иероглифах (два издания) [Erman, 1912, с. 14; 1923, с. 14]. Ранке включил это толковение в книгу А. Эрмана о Египте и египетской жизни [Erman—Ranke, 1922—1923, с. 381].

[21] [PM V, с. 193—194].

[22] [Ranke, 1925; Keimer, 1926; Klebs, 1915, с. 134]. А. Эрман подчеркивал приоритет Л. Клебс. Ср. также Sottas, Drioton, с. 23 и сл.

[23] Самим А. Эрменом прежде всего (ср. [Erman, 1928, § 16]).

[24] Ср. [Очерки, 1956, с. 23; Авдиев, 1948, с. 154; 1970, с. 150]. В [История, 1979, с. 28] уже нет интерпретации А. Эрмана.

[25] [Ranke, 1925, с. 169].

[26] Знаменитая стела военачальника Ментхотпа („Менчу-хетеп") во Флоренции, от года 17-го Сенвосре I (см. [Bosticco, 1959, № 29; Smith, 1976, табл. 69,1]).

[27] К овалам см. [Fischer, 1959, с. 261].

[28] В поздние времена Хеммис писался знаком папируса.

[29] Примеры подобного употребления детерминатива „мужчина" см. [Edel, 1964, § 279].

[30] Имена царей даются в реконструкции на поздний (коптский) лад, с указанием грецизованной передачи Манефона. Условное чтение, как противное египетскому языку (кто-нибудь стал бы передавать по этому способу русские имена Иван как „Юн", Николай как „Некру" и т. д.), даем в кавычках и с разбивкой на составляющие элементы.

[31] [Urk. I, 236]

[32] [Там же, 236, 10].

[33] [Там же, 237, 13].

[34] [Gauthier, 1915, с. 52, табл. 31].

[35] [O'Mara, 1979—1980].

[36] [Aquiba, 1966, № 28].

[37] [Helck, 1974, с. 216].

[38] [Faulkner, 1976, с. 145].

[39] [Lopez, 1967, с. 55].

[40] Прекрасный образец диалога надписей — стелы 20538 и 20539 общего каталога Каирского музея [Lange, Schäfer, 1908]. Это же явление налицо и в районе Эль-Кельб [PM VII, с. 385], где надписям Рамсеса II противопоставляет свои памятники Асархаддон.

[41] Папирус Эрмитажа 1116 В, vo, 101.

[42] [Голенищев, 1887, XI, 12 = Couyet, Montet, 1912, № 192 (PM VII, с. 331) и Голенищев, 1887, с. 75, табл. XIII, 9 = Couyat, Montet, 1912, № 113 (PM VII, с. 331)].

[43] Вторая надпись [Couyat, Montet, 1912, № 113], стк. 11. Исправить соответственно и перевод [Schenkel, 1965, № 443, с. 266]; примеч. „i" излишне.

[44] Вместо нашего „лошадиная сила" египтяне пользовались понятием ḥsb, по существу, человеческая сила. Букв. „расчет"/„расчетная единица" (ḥsbw). Для таскания каменных глыб (сколько запрячь) и для землекопных работ. Об этом придется писать особо.

[45] [Goyon, 1959, № 61].

[46] [Borchardt, 1913, л. 1; Urk. I, 167].

[47] [PM IV, с. 82].

[48] [Hayes, 1960, с. 183—191].

[49] [Там же, с. 198].

[50] [Там же, с. 189, рис. 115].

[51] Выражение zsš m как „запись", „записывание", „записывать", кажется, не отмечено лексикографами, хотя нередко трактуется правильно отдельными переводчиками. Впрочем, не всегда. „Записывают" дары, скот, людей, золото, медь и т. д.

[52] [PM III, с. 329 (14)].

[53] Полутные картины (ливийская семья) мы здесь не учитываем (ср. [Leclant, 1980]).

[54] [PM III, с. 427 (28); Jéquier, 1940, табл. 5].

[55] См. [Borchardt-Sethe, с. 76—78].

[56] [Naville, IV, табл. 81 = Urk. IV, 338].

[57] Ср. некоторые прикидки ло неселению Егилта [Butzer, 1976, с. 85].

[58] Ср. [Farrag, 1980; Posener, 1982, с. 8].

[59] По военным действиям зпохи XVIII—XX династий существует огромная литература, главным образом касающаяся локализации и идентификации толонимов, последовательности событий и пр. Цифры лленных авторов зтих работ интересует очень мало. Поэтому они и не принимаются во внимание в настоящей работе.

[60] [PM II, с. 89].

[61] [PM II, с. 126].

[62] [PM VII, с. 217].

[63] [Gardiner, 1952, с. 11, табл. 9, г].

[64] [PM III, с. 846—847].

[65] [PM II, с. 177].

[66] [PM VII, с. 70 (49) и V, с. 229].

[67] [Edel, 1953, с. 97 и сл.].

[68] Издание [Waddell, 1948].

[69] Ср. [Кацнельсон, 1951].

[70] Можно понять и как указание множественного — „нубийцы", без цифр.

[71] Ср. [Schulman, 1982, с. 301, примеч. 12].

[72] Ср. [Gomaà, 1974, с. 15]. О ранге „великий военачальник" у первенствующих царевичей (ло-нашему, наследников престола) см. [Schulman, 1964, с. 44 и 143—144]. Из царевичей XIX династии в материале Шульмана (нелолном) только Аменоптах, его сын (Шульман их смешивает) и его старшие братья, кончина которых и сделала Аменоптаха наследником.

[73] См. [Bakry, 1973; Zivie, 1975].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Авдиев, 1948 — *Авдиев В.И.* История древнего Востока. 1-е изд. ОГИЗ, 1948.

Авдиев, 1953. — *Авдиев В.И.* История древнего Востока. 2-е изд. М., 1953.

Авдиев, 1970 — *Авдиев В.И.* История древнего Востока. 3-е изд. М., 1970.

История, 1979 — История древнего Востока. М., 1979.

Голенищев, 1887 — *Голенищев В.С.* Элиграфические результаты лоездки в Вади Хаммамат. — ЗВОРАО. 2, 1887, с. 65—79, 18 таблиц.

Кацнельсон, 1951 — *Кацнельсон И.С.* Характер войн и рабовладение в Египте при фараонах-завоевателях XVIII—XX династий. — ВДИ. 1951, № 3, с. 40—54.

Матье, 1956 — *Матье М.Э.* Хеб-Сед (из истории древнеегилетской религии). — ВДИ. 1956, № 3, с. 7—28.

Очерки, 1956 — Очерки истории древнего Востока, Л., 1956.

Харрис — папирус Харрис или Харриса: *Erichsen W.* Papyrus Harris I. Bruxelles, 1973; в серии: Bibliotheca aegyptica, V.

Aquiba, 1966 — *Lopez J.* Las inscriptiones rupestres faraonicas entre Korosko y Kasr Ibrim (Orilla oriental del Nilo). Madrid, 1966; a серии: Comite español de la UNESCO para Nubia: Memorias de la Misión arqueologica, IX.

Bakry, 1967 — *Bakry H.S.* Psammetichus II and His Newly Found Stele at Shellâl. — Or.Ant. 1967, 6, с. 225—244, табл. 56—59.

Berky, 1973 — *Barky H.S.* The Discovery of a Temple of Meranptaḥ at Ōn. Aegyptus, 1973, 53, с. 3—21, табл. 1—12.

Borchardt, 1913 — *Borchardt L.* Das Grabdenkmal des Königs Sa̓-ḥu-Re^c, II. Die Wandbilder: Abbildungsblätter. Lpz., 1913; a серии: 26, wissenschaftliche Veröffantlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft.

Borchardt-Sethe — ссылка на то же издания. Taxt.

Bosticco, 1959 — *Bosticco S.* Museo archeologico di Firenze: La stala egiziane. Pt. I. Roma, 1959.

Buhen — *Randall-Maclver D.* and *Woolley C.L.* Buhan. Text. Vol. I—II. Philadelphia, 1911; в серии: Univarsity of Pennsylvania. Egyptien Department of the University Museum: Eckley B. Coxe Junior Expedition to Nubia, VIII.

Butzer, 1976 — *Butzer K.W.* Eerly Hydraulic Civilization in Egypt: A Study in Culturel Ecology. Chicago-London, 1976.

Couyat, Montet, 1912 — *Couyat J.* et *Montet P.* Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouâdi Hammâmât. Le Caire, 1912; в серии: Mémoires publiés par les membres de l'Institut francais d'Archéologie orientale du Caire, 34.

Dehler, 1984 — *Dehler D.* mrj-msw und der Nubien Feldzug Amenophis III' im Jahre 5. — SAK. 1984, 11, с. 79—83.

Edel, 1953 — *Edel E.* Die Stelen Amenophis' II, aus Karnak und Memphis mit dem Baricht über die asiatischan Feldzüga des Königs. Zeitschrift des Deutschan Palästina-Vereins. 1953, 69. с. 97—176; 1954, 70, 87.

Edel, 1955—1964 — *Edel E.* Altägyptischa Grammatik, Roma, 1955—1964; а серии: Pontificium Institutum Biblicum. Analecta Orientelia. Commantationes scientificaa de rebus Orientis entiqui, 34/39.

Erman, 1912 — *Erman Ad.* Die Hieroglyphen. (Sammlung Göschan). Berlin-Leipzig, 1912.

Erman, 1923 — *Erman Ad.* Die Hieroglyphen (Sammlung Göschan) 2-te Aufl. Berlin-Leipzig, 1923.

Erman, 1928 — *Erman Ad.* Ägyptische Grammatik, 4te Aufl. Stuttgart, 1928; в серии: Porta linguarum orientelium.

Erman-Ranke, 1922—1923. — *Erman Ad.* und *Ranke H.* Aegyptan und aegyptisches Leben im Altertum. Tübingen, 1922—1923.

Fairman, 1948 — *Fairman H.W.* Excevations at Amera West, 1947—1948. — JEA, 1948, 34, 3—11.

Ferrag, 1980 — *Farrag Sami.* Une inscription memphite de la XII-e dynastie. — Revue d'Egyptologie. 1980, 32, с. 75—82.

Faulkner, 1976 — *Faulkner R.O.* A Concise Dictionery of Middle Egyptian. Oxf., 1976.

Fischer, 1959 — *Fischer H.G.* A Scribe of the Army of the Fifth Dynasty. — JNES, 1959, 18, с. 233—272.

Gardiner, 1917 — *Gardiner A.H.* рец. а: JEA. 1917, 3, с. 143—146.

Gerdiner, 1925 — *Gardiner A.H.* Tuthmosis III Returns Thanks to Amun. — JEA, 1952, 38, с. 6—23.

Gardinar, 1962 — *Gardiner A.H.* Egypt of the Pharaohs. Oxs., 1962.

Gauthier, 1915 — *Gauthier H.* Quatra nouveaux fragmants da la Pierra da Palarme. — Le Musée Egyptien: Recueil de monuments et de notices sur les fouilles d'Egypte. 3 Le Caire, 1915, с. 29—53, табл. 24—31.

Goedicke, 1981 — *Goedicke H.* The Campaign of Psammatik II ageinst Nubia. — MDAIK. 1981, 37, с. 187—198.

Gomaà, 1974 — *Gomaà F.* Chaemwese, Sohn Ramses' II als Hoherpriester von Memphis. Wiesbaden, 1974; в серии: Ägyptologische Abhendlungen, 27.

Goyon, 1957 — *Goyon J.-Cl.* Nouvelles inscriptions rupestres du Wadi Hammamat. P., 1957.

Grimal, 1981 — *Grimal H. -C.* La stéle triomphale de Pi(ankhy) au Musée du Caire: JE 48862 et 47086—47089. Le Caire, 1981; Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'Archéologie orientale du Caire, 105: Etudes sur la propagende royale égyptienne, 1.

Habachi, 1974 — *Habachi L.* Psammétique II dans le région de la première cataracte. — Or. Ant. 1974, 13, с. 317—326.

Hayes, 1960 — *Hayes W.C.* The Scepter of Egypt. Pt. 1. Cambridge, Messachusetts, 1960.

Helck, 1974 — *Helck W.* Die Bedeutung der Felsinschriften J. Lopez, Inscriptiones rupestres Nr. 27 und 28. — SAK. 1. 1974, с. 215—225.

Helck, 1980 — *Helck W.* Ein „Feldzug" unter Amenophis IV. gegen Nubien. — SAK. 8, 1980, с. 117—126.

Hornung, 1974 — *Hornung E., Staehelin E.* et alii. Studien zum Sedfest. Basel-Genève, 1974; в серии: Aegyptiaca Helvetica, 1.

Jéquier, 1940 — *Jéquier G.* Le monument funéraire de Pépi II. T. 3: Les approches du temple. Le Caire, 1940.

Keimer, 1926 — *Keimer L.* Bemerkungen zur Schiefertafel von Hierekonpolis (I. Dynastie).— Aegyptus. 1926, 7, с. 169—188.

Klebs, 1915 — *Klebs L.* Die Reliefs des alten Reiches (2980—2475 v. Chr.). Heidelberg, 1915; в серии Abhandlungen der Heidelberger Akademie der Wissenschaften: Stiftung Heinrich Lanz, Philosophisch-historische Klasse, 3.

Lange, Schäfer, 1908 — *Lange H.O.* und *Schäfer H.* Grab- und Denksteine des Mittleren Reichs im Museum von Kairo: No. 20001—20780. Th. 2. B., 1908; в серии: Cataloque général des antiquités égyptiennes du Misée du Caire, 36.

Leclant, 1980 — *Leclant J.* La „femille libyenne" au temple haut de Pépi 1-er. — Livre du Centenaire de l'Institut français d'Archéologie Orientale du Caire. Le Caire, 1980, с. 49—54, табл. 2; в серии: Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'Archeologie orientale du Caire, 104.

Lichtheim, 1980 — *Lichtheim M.* Ancient Egyptian Literature. Vol. III. Berkeley. Los Angeles, London, 1980.

Lopez, 1967 — *Lopez L.* Inscriptions de l'Ancien Empire à Khor al-Aquiba. Revue d'Egyptologie. 1967, 19, с. 51—66.

Meeks, 1982 — *Meeks D.* Année lexicographique: Egypte Ancienne. 3 (1—79). P., 1982.

Naville — *Naville E.* Deir el Bahari. Introductory. Pt. I—VI. L., 1894—1908 (Egyptian Exploration Society, Excavations Memoirs, XII—XIV, XVI, XIX, XXVII, XXIX).

O'Mara, 1979—1980 — *O'Mara P.F.* The Palermo Stone and Archaic Kings of Egypt. la Canada, California, 1979—1980; в серии: Studies in the Structural Archaeology of Ancient Egypt, 1.

Osing — 1) *Abu Bakr A.M.* und *Osing J.* Ächtungstexte eus dem Alten Reich (I). — MDAIK. 1973, 29, с. 97—133. 2) *Osing J.* Ächtungstexte aus dem Alten Reich (II). — MDAIK. 1976, 32, с. 133—186, табл. 41—51.

Perdu, 1986 — *Perdu O.* Prologue à un corpus des stèles royales de le XXVIe dynastie. — BSFE. 1986, 105, с. 27—38.

PM — *Porter B.* and *Moss R.L.B.* Topographical Bibliography of Ancient Egyptien Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. 1-st ed.: vol. 1—7; 2-nd ed.: vol. 1—3. Oxf., 1929—1981. По первому изданию цитирую только те томе, которые еще не вышли во втором издании.

Posener, 1940 — *Posener G.* Princes et pays d'Asie et de Nubie. Bruxelles, 1940.

Posener, 1966 — *Posener G.* Les textes d'envoûtement de Mirgissa. — Syria. 1966, 43, c. 277—287.

Posener, 1982 — *Posenar G.* A New Royal Inscription of the XII Dynasty. — The Journal of the Society for the Study of the Egyptian Antiquities. 1982, 12, c. 7—8.

Posener, 1987 — *Posenar G.* Cing figurines d'envoûtement. Le Caire, 1987. (Institut française d'Archéologie orientale, Bibliothèque d'étude, CI).

Quibell, 1898 — *Quibell J.E.* Slate Palette from Hieraconpolis. — ZÄS, 1898, 36, c. 81—84.

Ranke, 1925 — *Ranke H.* Eine Bemerkung zur "Narmer"-Palette. Studia orientalis (Societas orientalis fennica). 1, 1925, c. 167—175.

Schenkel, 1965 — *Schenkel W.* Memphis — Herakleopolis — Theben: Die epigraphischen Zeugnisse der 7—11. Dynastie Ägyptens. Wiesbaden, 1965: в серии: Ägyptologische Abhandlungen, 12.

Schulmen, 1964 — *Schulman A. H.* Military Rank, Title and Organization in the New Kingdom. B., 1964; в серии: Münchner Ägyptologische Studien, 6.

Schulman, 1982 — *Schulman A.H.* The Nubian War of Akheneton. — L'Egyptologie en 1979, axes prioriteires de recherches. T. 2. P., 1982, c. 299—316.

Sethe, 1934 — *Sethe K.* Die Ächtung feindlicher Fürsten, Völker und Dinge auf altägyptischen Tongefäßscherben des Mitteleren Reiches: в серии: *Sethe K.* Leipziger und Berliner Akademieschriften (1902—1934). Lpz., 1976, c. 185—254; в серии: Opuscula: Sammelausgabe seltener und bisher nicht selbständing erschienener wissenschaftlicher Abhandlungen, 11.

Smith, 1976 — *Smith H.S.* The Fortress of Buhen: The Inscriptions. L., 1976: в серии: The Egypt Exploration Society, 47-th Exploretion Memoir.

Sottas, Drioton — *Sottas H., Drioton E.* Introduction à l'étude des hieroglyphes. P., 1922

Urk. I — Urkunden des ägyptischen Altertums. Lpz., I: *Sethe K.* Urkunden des alten Reichs. 2-te Aufl. 1932.

Urk. III — *Schäfer H.* Urkunden des älteren Äthiopenkönige. Lpz., 1905—1908.

Urk. IV — *Sethe K.* Urkunden der 18-ten Dynestie. 1905—1909 (перепечатка 1960 г. и 1984 г. мне не доступны); *Helck W.* Urkunden der 18-ten. Dynastie. B., 1955—1958 (перепечатка 1984).

Vycichl, 1972 — *Vycichl W.* Die ägyptische Bezeichnung für den "Kriegsgefangenen" (sqr^{c}nḫ). — Göttinger Miszellen. 2, 1972, c. 43—45.

Waddell, 1948 — *Waddell W.G.* Manetho. Cambridge, Massachusetts — London, 1948.

Westendorf, 1966 — *Westendorf W.* Beiträge aus und zu den medizinischen Texten. — ZÄS, 1966, 92, c. 128—154.

Zivie, 1975 — *Zivie A.-P.* Quelques remerques sur un monument nouveau de Mérenptah. — GM. 18, 1975, c. 45—50.

Е.С. Богословский

ФАКТОР ГОСУДАРСТВА В СТРУКТУРООБРАЗОВАНИИ ЕГИПЕТСКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Массовые источники разного характера (как литературные, так и нелитературные) по истории древнего Египта XVI—XI вв. до н. з. концентрируются вокруг общих описаний структуры общества таким образом, что прежде всего обнажают формирующую роль государства в развитии этой структуры[1].

Регулирование социальной структуры производилось через посредство периодических смотров как в масштабах государства в целом, в областях и городах, так и в отдельных службах и учреждениях; по результатам смотра происходило назначение на должность. Механика смотра оставалась неясной из-за скудости[2] или неизученности [3] источников, и только десятилетие назад стала возможной реконструкция всего процесса регулирования.

В результате смотров трудоспособного населения Египта рабочий люд[4] делился на четыре учетно-возрастные категории: мальчики (šrjw), юноши (mnḥw), взрослые мужчины и старики. Вместе главные учетно-возрастные группы образовывали резерв рабочей силы — людей-smdt, которых египтяне считали не имеющими профессии. Однако учетно-возрастные группы имели фискальный, а не чисто социально-зкономический характер, и потому перекрещивались, но не совпадали с социальными слоями, образуя в принципе иную систему. В процессе непосредственного производства обнаруживается внутренний (т. е. собственно египетский) системный признак организации общества — владение профессией — и основная системная единица, а именно должность, соответствующая профессии (P. Leiden 348 vo *9*,9—*10*,8). Дошли даже перечни должностей с указанием на то, какая должность в какую социальную категорию должна входить. Со временем содержание социальных категорий менялось: профессии переходили из одной социальной категории в другую (ср. О. СМ 25581 vo 2--5; P. Torino 1880 vo *1*, 17—18, *4*, 7, 11; P. Torino 1888 *2*, 3, 11; P. Abbott *4*, 13—14; P. Leiden 348 vo *9;* P. Harris I *12a* 1, 62, *68*b 4, 11); соответственно менялось и общественное устройство. Тексты показывают, что при назначении на должность человек из числа людей-smdt переходил в другую социальную категорию (мастеров, воинов, жрецов, царских чиновников), причем, должность не представляла собой объекта частной собственности — для ее получения необходимо было иметь назначение как на „должность отца", так и вступающему „в должность заново" (O.DM 352)

[Černý, 1973, с. 114]. Государство (состав комиссии: высший сановник, управитель „дома белого", царский кравчий, кравчие, заместитель) проводило смотры штата, во время которых устанавливались размеры подразделения (Pleyte, Rossi, 1876, табл. XLIX, 1—5) по мере надобности выводились из подразделения малоквалифицированные мастера (O. Berlin 12654 vo 1—3), возвращались в число людей-smdt, а само подразделение сокращалось вдвое опять-таки с определением численности работников (сокращение было осуществлено специальным чиновником по приказу высшего сановника). Воины по возвращении к себе в селение переставали быть воинами (P. Sallier III *6*, 4—5) и, по-видимому, становились людьми-smdt и вновь подлежали смотру. Очевидно, жречество и чиновничество не составляли исключения, поскольку они тоже подлежали смотрам наряду с рабочим скотом и птицей (Brack, 1977, с. 42—44, табл. 29 b, 37; P. An. IV *4*, 8—11 = P. Ch. Beatty V *1*, 1—4, P. Leiden 348 vo *9*, 9—*10*, 8 и др.) Государство в лице фараона и руками высшего сановника устанавливало оптимальные соотношения между разными частями общественной метасистемы — людьми-smdt, мастерами, чиновниками, войском, жречеством. Социальным регулятором являлся смотр, экономическим — наряд на работу, но в значительной мере эта общественная метасистема саморегулировалась, так что государству приходилось только подправлять диспропорции частей.

Египетские источники Нового царства постоянно сталкивают нас с проблемой nmḥw — так называемых „сирот"[5]. Это слово в новоегипетские времена сохраняет буквальный смысл „сирота" (см., например, O. Berlin 10627, 10630, 6—8)[6] и „бедный, притесненный, подчиненный человек" (O. Borchardt; O. IFAO 2181; O. Bruxelles E. 315; P. An. II *8*,5—*9*,1 и мн. др.)[7], но не такие значения слова nmḥw имеют первостепенную ценность для социально-экономической истории, а то, которое стоит за строкою словаря „Bürger (Gegs. die Beamten)" [Wb. II, 268,6]. Далее в словаре идет строка „ꜣḥt nmḥw Art Acker". Если учесть предыдущую строку, закрепляющую за словом nmḥw понятие „горожанин" (которое авторами словаря непонятным образом противопоставляется понятию „чиновники"), то получится, что словосочетание ꜣḥt nmḥw означает „пашня бедняка (т. е. плохая)" (ср. [Kruchten, 1979, с. 523, примеч. 39]). На самом деле в обеих строках все неверно, а не просто противоречиво. Поскольку в (P. Valençay I vo 2—4) слово nmḥw обозначает земледельцев, живущих при своей земле и обрабатывающих (skꜣ „пашущих") ее своими руками и руками принадлежащих им людей, их невозможно назвать „горожанами", речь идет о сельских жителях. То же заключение можно сделать и на основании упоминаний „колодцев людей-nmḥw" и „воды (канала) людей-nmḥjw" в прямом противопоставлении „водам фараона" на стеле из Дахле, где речь тоже идет о женщинах и мужчинах-nmḥjw и о жреце-nmḥj; на основании „Декрета Харемха", в котором говорится о неких поборах (налогах?) определенной меры зерна на дом, получаемой от nꜣ nmḥjw, т. е. не от общины nmḥjw (тогда был бы употреблен nomen collectivum), а от разрозненных nmḥjw. В источниках из Дер эль-Медина упоминаются женщины-nmḥwt — „горожанки"

(P. Ashm. Mus. 1945. 96—97), а в „Позме Пентаура" nmḫjw названы воины. На Карнакской стеле jwꜣrꜣṯ такими nmḫw земли являются жрец-wꜥb Амуна, воины-щитоносцы, гребец начальника скота Амуна, „горожанки", 10 человек nmḫjw, которых ученые посчитали было земледельцами ([Černý, 1934, с. 233 — 239; Лурье, 1960, с. 174—175; ср. Černý, 1973, с. 113]). Иначе говоря, людей называли nmḫjw независимо от занятий и места жительства (ср. [Перепелкин, 1934, с. 140—141; Théodoridès, 1965, с. 109 и сл.]).

Ю.Я. Перепелкин собрал и обследовал источники, составители которых практически дословно повторяют одно и то же: „Я — nmḫj-сирота по отцу (и) матери моей (т. е. потомственно, по рождению) — создал меня властитель (=фараон)" (город Ахйот, т. е. столица; надписи в гробницах казначея Сута, военачальника Рамосе, чиновника Майа, в служебном помещении старшего жреца в храме Йота Пинхаса EA V, табл. IV, XY, XXXY; CA III, табл. LX, 4); см. [Перепелкин, 1984, с. 257—258; Ockinga, 1984, с. 212—214].

Каким же образом фараон „создавал" рожденных другими людьми? Ответ прямой, но странный. „Нет nmḫjw-сиротства для жалуемого им (=фараоном), творящего чиновников (?[8]) *питанием* своим" (в гробнице и в служебном помещении того же Пинхаса) (EA II, табл. VIII; CA III, табл. LX, 4). Наконец Пинхас восхваляет царя, „сотворившего меня *человеком* . . . давшего стать мощным мне, (после того как) был nmḫjw-сиротлив я" (EA II, табл. VII). „Заботятся обо мне люди мои все, (с тех пор как) объявился я господином селения-dmjt... Он повелел, чтобы я соединил чиновников (?) и „друзей" (царя), а я (ведь) был из последних. Давал он мне пищу и довольствие *ежедневно,* (а раньше) я [выпрашивал] хлеб" (в гробнице Майа) (EA V, табл. IV). Таким образом, фараон „создавал" лиц высокого положения в самых разных областях (для служебного аппарата, для воинства и для жречества) путем постановки на ежедневное (случайно ли проскользнуло здесь зто слово?) довольствие и путем раздачи людей и хозяйств безразлично, в данном случае, на правах частного собственника или по должности [Перепелкин, 1984, с. 252]. Трижды указано, что введенные в высший сан жрецы и чиновник получают пищу согласно должности: „Даю я тебе (зту) должность, говоря: „(Да) будешь ты есть *довольствие*-ḏfꜣ *фараона,* твоего господина, в доме Солнца (= Йота)" (EA I, табл. VIII; VI, табл. XIX). Сравнительный анализ инвеститурных текстов см. [Богословский, 1979, с. 90—95; ср. Перепелкин, 1984, с. 252]. Таким образом, именно сама постановка на довольствие выдвигается на первый план.

Интересно было бы знать, насколько широко продвинулся зксперимент Аменхотпа IV по созданию социальной опоры. От его масштаба прямо зависит оценка деятельности Тутанхамуна по восстановлению многобожия. В надписи, повествующей об зтом, Тутанхамун сообщает, что он „очистил" (т. е. посвятил в службу храмам старых богов) людей из царского хозяйства и из добычи и „ввел чистителей (и) жрецов из детей чиновников (?) город (ов) их, (а именно —) сына мужа известного, имя которого знают" (Urk. IV, 2029—2030). Когда получили назначение зти чем-то лично извест-

ные чиновники (?) из разных городов? Если это произошло при Аменхотпе IV, то деятельность Тутанхамуна (вернее, правившей в годы его царствования группы лиц) даже по восстановлению старых культов получит новую окраску, вовсе не противоречащую делу сохранения культа и хозяйств Йота, о чем писал Ю.Я. Перепелкин [Перепелкин, 1984, с. 171, 176, 179—180, 207—208, 217—219], отмечая существование храма Йота в Менфе даже при Сетойе I.

Казалось бы, на другой слой опирался реальный восстановитель многобожия — фараон Харемха: „Обеспечил он (= Харемха) их (=старых богов) чистителями (и) чтецами из лучшего *воинства.* Определил он им (=жрецам низших степеней) пашни (и) стада, снабженными должностью всякою (т. е. обслуживающими работниками), как то было прежде (т. е. до реформ Аменхотпа IV) . . ." ((Urk. IV, 2120); ср. [Перепелкин, 1984, с. 177—178, 180]). Однако и Харемха не восстанавливает в правах старое жречество, а тоже назначает новое, правда, на низшие должности, но уже такое назначение открывало перед бывшими воинами неограниченные перспективы в отношении карьеры.

Кем было „воинство" в целом вплоть до правления фараона Рамесеса II (т. е. еще несколько десятилетий спустя после появления декрета Харемха) говорится устами героя в так называемой „Позме Пентаура" (P. Sallier III)[9']:

„Вот, (когда) не стоял (я)[a] владыкой, ж.н.з., то были вы сиротами. Я сделал в[ас][b] *чиновниками (?) пищей ежедневной.* Я дал сыну имущество отчее[c]. Я устр[анил] зло всякое из земли Египта. (Я)[d] подарил[e] для[f] вас ваших невольников-bʾ kjw".

КОММЕНТАРИЙ

[a]„Я" сохранилось во всех списках кроме P. Sallier III.

[b]Сохранилось в списке K_1.

[c]Вариант: L_2 „отца своего".

[d]В списках K_1, L_1, L_2.

[e]Букв. „выбросил" ḫʿ . То же глагол улотребляется в декрете Харемха при упоминании награды, которую фараон „бросает" воинам из дворцового „окна явлений".

[f]В списках K_1, L_2.

Рамесес II, конечно, не утверждает, что всех воинов он сделал чиновниками, а тем более сановниками, просто здесь употреблена все та же нераскрытая идеограмма, о которой идет речь в примеч. 8. Получив его пожалования, воины, перестав быть nmḥw-сиротами, не перестали быть воинами. Пафос речи Рамесеса II состоит в горьком упреке воинам, для которых он столько сделал, а воины отплатили тем, что бросили его одного на поле боя. В общем контексте содержания источников времен, предшествовавших правлению Рамесеса II, понимание его упрека лишает неко-

торого налета двусмысленности. С самого начала XVIII династии все цари одаряли воинов за конкретные отличия невольниками, которые бывают обозначены как ḥmw, и участками пашни, несвободными от податей (см. например (Urk. IV, 6 и сл.; Ste. Berlin 14994; Habachi, 1954, табл. XXIX; Davies, 1923, табл. XXVI); ср. [Helck, 1939, с. 17–18]). В речи Рамесеса II о пашнях вообще не сказано. Между тем, если бы речь шла об условных должностных владениях, то при наличии большого фонда царской (или ничейной, вспомним историю строительства столицы Аменхотпа IV на ничейной земле — см. [Перепелкин, 1984 с. 181–185]) пахотной земли фараону ничего бы не стоило „облагодетельствовать" воинов именно землей, а невольников ведь нужно было еще добыть. Гораздо логичнее допустить, что Рамесес II обо всем говорит в одном плане: о ежедневных выдачах пищи (ее невозможно вернуть, так как еда тут же потреблялась), о превращении родового имущества в частную собственность и по аналогии с этим о превращении уже имевшихся у воинов невольников-ḥmw тоже в их частную собственность — полных рабов-b³kjw (см. также на других источниках [Богословский, 1984а, с. 113–119]).

Словосочетание b³kj n nmḥw — „невольник, что у сироты", „невольник, что у неимущего" употребляется в качестве общего социального термина в египетских текстах неоднократно.

Наиболее раннее упоминание его содержит стела наместника египетской Эфиопии wsr=stjt, на которой записано письмо фараона Аменхотпа II наместнику. В стк. 11–12 царь с недовольством пишет: „Смотри, невольник „сирот"-nmḥjw, которого ты доставил, чтобы он был назначен[10] чиновником (?), — это не чиновник (?) по твоему представлению его величеству" (Helck, 1955, табл. II, рис. 1). Иначе говоря, царь отказывается утвердить „невольника сирот-nmḥjw", несмотря на представление одного из высших сановников государства и объясняет это именно тем, что он — „(определенный артикль p³) невольник сирот-nmḥjw", т. е. частнозависимое лицо беднейшего населения страны.

Обзор общеегипетских описаний социальной структуры [Богословский, 1984, с. 52–57] показывает, что, во-первых, из нее исключались частные невольники, во-вторых, царь явно хочет показать заботу о неимущих и обиженных судьбой, в-третьих, как ясно из (P. Ashm. Mus. 1945.96), b³kjw/ḥmw n nmḥjw n p³ t³ pr ʿ³ — „работники/невольники сирот-nmḥjw земли фараона" могли сами стать „сиротами земли фараона" только после некоего акта усыновления, которым владелец делает их социально равными себе, т. е. тоже потомственными nmḥjw земли фараона, и вносит в соответствующие списки [Богословский, 1984, с. 70–71], иначе, очевидно, они и не могли занимать должности.

В P. Varzy, 4 содержится соотношение понятий „доверенный"-rwḏw и „порученец"-ḥnw; сообщается, что дан перечень опечатанных орудий „[на] имя, которое он сказал фараону, ж.н.з., своему господину, ж.н.з., и одно имя b³kj n nmḥjw, бывшего у него". Иначе говоря, речь идет о государственно зависимом человеке, у которого был „невольник сироты". Из текста даже неясно, является ли сам владелец nmḥw и постоянно ли был у него b³kj n nmḥw. По-видимому, здесь тот же случай, что встречается

на стеле wsr-stjt, когда должностное поручение-ḥnw попытались отделить от должностного владения юридического лица и эксплуатировать b³kj n nmḥw как настоящего невольника, заставив его выполнять только должностные обязанности. Как следует из письма фараона, государство этому противилось: царь хочет, чтобы каждый человек сам выполнял свои обязанности, а не перекладывал их на плечи невольников, которые ответственны перед своим владельцем, но не перед царем. Так вот почему, несмотря на наличие невольников у мастеров царского некрополя, мастера никогда не заставляли их работать за себя; это просто запрещалось [Богословский, 1979а, с. 21; 1984, с. 117] [11].

Иначе говоря, все „благодеяния", которыми Рамесес II осыпал формирующееся воинское сословие (в Позднем Египте оно уже сформировалось), сводятся, с одной стороны, к закреплению за ними ежедневных государственных выдач пищи, с другой стороны, к отказу в пользу воинов от государственного суверенитета над родовым имуществом и невольниками, т. е. превращению некоей условной собственности в безусловную. О земле, повторяю, речи пока нет, хотя уже в ливийском Египте, всего век—два спустя, все египетские воины имели условные земельные владения.

То обстоятельство, что Харемха при назначении воинов жрецами восстанавливаемых культов давал этим новым жрецам пашни, скот и людей, примечательно только для характеристики жречества, но еще не свидетельствует ни о наличии, ни об отсутствии аналогичного должностного владения у воинов, потому что при получении новой должности прежнее должностное владение, как показывают материалы царского некрополя, сдавалось начальству (см. [Богословский, 1979а, с. 14—17; 1983, с. 263—267]).

Ополченческий характер собственно египетского войска (в противоположность наемному войску из иноземцев) подчеркивается в той же речи Рамесеса II к войску: „Дают постоянно[a] селиться вам в ваших домах и ваших селениях-dmjt, когда не дают вам поручения воинов[b], а также и моему колесничному войску — я открыл для них путь в поселения (njwwt) их, говоря, (что я[c]) найду и их также в день и час, (когда нужно будет) встать на бой" (P. Sallier III *6*, 4—5).

КОММЕНТАРИЙ

[a]В списках K_1 и L_2 „дал я".

[b]В списках K_1, L_1, L_2 wpwjt wᶜw — „поручения воинов", т. е. „когда вас не заставляют воевать". Ср. wpwjtj ḥnw — „те, кому поручены наряды" как заголовок к перечням должностей людей-smdt и мастеров (P. Leiden 348 vo *10,* 1—2).

[c]В списках A, K_1, L_1, L_2 „я" выписано.

Иначе говоря, постоянного воинского сословия не существовало (здесь идет речь не о наемниках). Воинами становились на время и переставали ими быть по мере того, как исчерпывалось wpwjt n wᶜw — „поручение воина". Далее, очевидно, пехотинцы подлежали очередному смотру по месту жительства, на котором им давали новое поручение, новый наряд,

согласно должности-jᵓwt (P. Leiden 348 vo *10*, 2—3), а колесничие жили в собственных, по-видимому, имениях.

О том, что сделал Харемха для своей опоры, своего воинства, мы узнаем из его декрета.

„. . . Сделал я (письменное) „Установление для защиты моего [величества] в [ден]ь [пер]вый всякий", (так как?) окружали они мое [величество] трижды в месяц. [Сотво]рилось оно для них как праздник; муж всякий поселился при доле всякого добра из хлебов, мяса, печений из имущества царева; [главы их] умащены маслом; голос их — достиг он небес в восхвалении персоны владыки [обеих земель]; начальники пехоты, старшина всякая войска, муж всякий . . . [бес]предельно одарены (ḫᶜ) из „окна (явлений фараона)" с выкликанием мужа всякого по имени его самим царем. Выходят они вперед ликуя, снабженные (sdfᵓ) вещами дома царя. Затем они будут постоянно брать зерновой паек (djt) из обеих житниц, каждый из них с ячменем (и) эммером, и не найти неимущего. . ." (Urk. IV, 2158, 3—20)[12].

Не совсем ясна ситуация, предшествовавшая принятию „Установления". Похоже, военные так докучали фараону требованиями, что тот вынужден был пойти на какие-то разовые выдачи продуктов и умащений иэ царской (если так можно выразиться „доменной" без феодального оттенка) собственности с последующей постановкой их на неполное (зерновое), но регулярное государственное довольствие от „обеих житниц"[13].

Кем сделал Рамесес II nmḥjw, поставив их на довольствие?

Мы далеко не всегда с уверенностью можем утверждать, какая оппозиция установлена в текстах, в том числе и в амарнских текстах: nmḥw↔sjrw или nmḥw ↔ bwᵓ [Wb. II, 268,5; Belegst., c. 392; IV, 188, 15; Belegst., c. 48]. Оппозиция nmḥw↔wr в словаре подтверждается примерами, в которых идеограмма не раскрыта или раскрыта как bwᵓ (!) [Wb: I, 454, 15; Belegst., c. 74]. Поскольку такой иероглиф может быть использован и для передачи значения bwᵓ— „высокий (по общественному положению) человек", и для передачи значения sjrw — „чиновник", невозможно сказать, в каком значении он употребляется как нераскрытая идеограмма.

По крайней мере в трех случаях она раскрыта именно как bwᵓ, особенно показателен гимн (P. Torino 54031,4)[14]: ptj pnᶜ sw jmn n kmt nmḥw m bwᵓw — „Смотри, отвернулся Амун от Египта, (когда) были nmḥw (во время смуты) высокими-bwᵓw (по общественному положению людьми)".

Другой текст, вероятно, содержал противопоставление nmḥjw↔bwᵓw, но он имеет слишком существенные повреждения в ключевых местах, чтобы на него можно было положиться так уверенно, как это сделали авторы словаря [Wb. I, 454, 15; Belegst., c. 74].

Высший сановник pᵓ-sjrw славословит фараона Сетойа I, сравнивая его с Хнумом, которого египтяне считали сотворившим на гончарном круге мир и людей. Дальше следуют эпитеты „преобразующий (людей из) nmḥw[15], поднимающий (в должность или в отряд мастеров) нуждающихся-mᵓrw[16], — — —[17] людьми-bwᵓw, Нил — — — (т. е. царь — источник изо-

билия для — — —)" (Duemichen, 1869, табл. XLI, 3)[18]. Если мое понимание текста верно, то он повествует прежде всего о продолжении Сетойем политики Аменхотпа IV по созданию из неимущих-nmḥw и нуждающихся-mᶜrw слоя людей-bwᶜw в качестве своей социальной опоры. Рамсес II продолжил политику отца [см. также Assmann, 1980; Ockinga, 1984, с. 208–209].

Итак, nmḥjw перестали быть таковыми после того, как царь *назначил их на довольствие*. Никаких новых должностей они не получили, а остались воинами, следовательно, понятие nmḥw прямо не связано с отсутствием должности, но зато связано с отсутствием верного пропитания.

Любопытна параллельная оппозиция šwᶜ ↔ bwᶜ [Wb. I, 454; Belegst., с. 74], (O. Torino 58004, 6). О.Д. Берлев уже обратил внимание на 187 заклинание из „Текстов саркофагов", в котором сообщается о составе обслуживающего заупокойный культ умершего штата людей: из родных, может быть, слуг, и „из горожан и горожанок пустых (т. е. свободных от работ?)" (ᶜnḫw ᶜnḫwt šwj); речь идет не обязательно о горожанах, но просто о жителях населенных пунктов любого размера — земляках умершего. О.Д. Берлев полагает, что имеется в виду резерв, „из которого пополнялись ряды ḥmww njswt, в том числе ḥmww njswt частных хозяйств. Это šww или šwt, прежде всего молодежь, еще не получившая официального назначения, в массе, очевидно, дети ḥmww njswt и ḥmwt" [Берлев, 1978, с. 69–72]. Если это так, то в „Поучении Аменопе" (P. BM 10474, *26*, 13–14), составленном в рамессидское время, но полностью дошедшем в поздних списках, противопоставление bwᶜ ↔ šwᶜ нужно понимать в том смысле, что бог предпочитает восхваления голодных, тех, у кого нет связанного с должностью обеспеченного житья, поклонению сытых, стоящих выше. Но в чем тогда различие между nmḥjw и šwᶜw? Только ли в том, что первые — вообще неимущие, а вторые — только люди, не имеющие должности или профессии? Если бы это было так, то слово šwᶜ встречалось бы не реже, чем nmḥjw.

Понятие bwᶜw nw tᶜ mrj — „высокие Египта" являлось nomen collectivum и объединяло, очевидно, всех носителей должностей — всех „высоких", т. е. как „чиновников, управляющих нарядами", работами по нарядам, так и мастеров — исполнителей наряда. Сами по себе bwᶜw — вовсе не высшая служилая знать фараоновского Египта, как утверждает словарь [Wb. I, 454, 16: oft im Plural: die Vornehmen, die Notabeln des Landes]. Такое значение исключает все этимологическое гнездо корня bwᶜ. Достаточно сказать, что слово bwᶜt — „холм" в Ономастиконе Аменемопе обозначает маленький иловый холмик, возникающий от засорения канала (On. Am. *6*, 4–5); см. также [Gardiner, 1947, II, с. 218*, № 464; с. 219*, № 475]; так что bwᶜw не были правящей верхушкой, а, напротив, по-разному возвышались над общим уровнем людей, не имевших ни чина, ни должности, и самое главное — временно, не как скала, а как холмик из ила, который паводки легко размывали. Не нужно забывать и о том, кого в массовом количестве „преобразовывали" в bwᶜw — вчерашних неимущих; да и должности их (воины, казначей, военачальник, средней

руки чиновник да такой же жрец) не говорят о правящем слое, очень уж они разновелики.

В данном случае для нас чрезвычайно важно, что нашлось такое египетское понятие — bw$^{\supset}$, которое должно объединять sjrw-„чиновников, управляющих исполнителями нарядов", и людей, „владеющих мастерством", но принадлежащих к исполнителям нарядов в противоположность неквалифицированным исполнителям нарядов — людям-smdt (см. P. Leiden 348 vo *9*, 9—*10*, 8) резко противопоставлен людям-smdt в (P. An. V *25*, 5—6).

Нельзя сказать, что египтологи не обращали внимания на факты постановки на довольствие того или иного лица или группы лиц. Однако при этом они никогда не выходят за пределы одного комментируемого источника. Поскольку египетской системе довольствия можно посвятить целую книгу, ограничусь несколькими наблюдениями.

Полагать, что fq$^{\supset}$ (с определителем отвлеченного понятия и тремя черточками) обозначает разовое пищевое пожалование в противоположность d̲f$^{\supset}$w как постоянному довольствию мешают данные даже давно известных текстов. Речь идет о надписях 18-го + x года правления Рамесеса II писца доверенных-rwd̲w в „белом доме" (= склады и ремесленные производства) Птаха в городе Менфе Мосе, предкам которого чуть не два века назад Ахмосе I дал m · fq$^{\supset}$ (с определителем отвелеченного понятия) „в виде пожалования" пашню. Со временем пожалованная пашня подверглась разделу между шестью сонаследниками, переходила к женщинам; некоторые мужчины-владельцы не были воинами, как, предполагается, воином был первый владелец. Следовательно, перед нами безусловное дарение земли, а не пищи, причем, дарение не только постоянное, но практически навечное (Blocks CM TN 17.5.25.8)[19].

Слово fq$^{\supset}$ со значением „Zuwendung" в словаре Эрмана-Грапова дано отдельно от fq$^{\supset}$ — „довольствие" и „булка". Обороты с m fq$^{\supset}$ „в качестве fq$^{\supset}$" (мне известно 78) показывают, что такое отдаление и сам перевод „die Zuwendung" — приблизительны и в общем ошибочны. Больше половины начертаний неотличимо от начертания fq$^{\supset}$ — „булка", а меньше половины (главным образом, XIII—XI веков до н. э.) получают второй детерминатив — знак отвлеченного понятия. В египетском письме начертание слова важно чрезвычайно из-за изобразительной информативной нагрузки, поэтому слово fq$^{\supset}$ сохраняет изначальную связь с едой. Если учесть, что 1) в понятие fq$^{\supset}$ входит и пища, и земля, и обрабатывающий землю люд, что 2) оно склонно к превращению в отвлеченное понятие, то станет ясно, что 3) речь идет о чем-то вроде „кормления" „Русской правды", когда корм обратился в повинность (т. е. до XVI в.) (кстати, и должность тогда называлась кормлением именно в смысле „пища", „пропитание", а не в смысле „управление"). Ни один пример не позволяет понять fq$^{\supset}$ как пожалование в собственность.

Материалы из Дер эль-Медина, Бибан эль-Мулук и Бибан эль-Харим показывают, что государственная должность, должностное владение и наряд

на строго определенные работы именовались sḥnw и были, согласно одному из решений оракула, неразделимой собственностью царя. Положение и функции человека в египетском обществе Нового царства зависело от того, имел человек sḥnw или нет (а не имели только невольники и женщины), а если имел, то какой. Должностные владения мастеров обычно не носили характер кормления, а включали дом, рабочую хижину, беседку (?), гробницу, кладовую для инструментов, но не включали ни эксплуатируемого люда, ни пашен, ни скота. Люди-smdt же не только не имели должностных владений, но, единственные в метасистеме общества, были даже ограничены в праве на собственность [Богословский, 1979а, 1981, 1983, 1984; Bogoslovsky, 1981].

Во все sḥnw всех социальных категорий входило пищевое довольствие, но разное по размеру и регулярности выдач. Какое значение этому факту придавали египтяне, видно по тому, что фараоны (Тхутмосе III, Аменхотп IV, Рамесес III и, судя по Книге Бытия, 41–45, Рамесес II) носили эпитеты ḏfꜣw n tꜣwj и ḏfꜣw n kmt – „пища обеих земель" или „пища Египта"[20].

Вспомним знаменитую историю о семилетнем голоде в Египте и Ханаане и о том, что делал Иосиф, будучи на службе у фараона и выдавая людям зерно. Сначала он продал находящееся в государственных житницах зерно „за серебро", затем „за лошадей, и за стада мелкого скота, и за стада крупного скота, и за ослов. . ."[a]. На следующий год египтяне вновь обратились к нему: „. . . Ничего не осталось у нас перед господином нашим, кроме тел наших и земель наших, купи нас и земли наши за хлеб, и мы с землями нашими будем „рабами" фараону, а ты дай нам семян. *И купил* Иосиф *всю землю египетскую для фараона,* потому что продали египтяне каждый свое поле, ибо голод одолевал их. *И досталась земля фараону. И народ сделал он „рабами" от одного конца Египта до другого.* Только земли жрецов не купил, ибо жрецам от фараона положен был участок, и они питались своим участком, который дал им фараон; посему и не продали земли своей. И сказал Иосиф народу: вот, я купил теперь для фараона вас и землю вашу; вот вам семена, и засевайте землю; когда будет жатва, давайте пятую часть фараону, а четыре части останутся вам на засеяние полей, на пропитание вам и тем, кто в домах ваших, и на пропитание детям вашим. Они сказали: ты спас нам жизнь; да обретем милость в очах господина нашего и да будем „рабами" фараону. И поставил Иосиф в законе земли египетской даже до сего дня: пятую часть давать фараону, исключая только землю жрецов, которая не принадлежала фараону" (Быт. 14–26). Очевидно, земледельцы превратились в издольных владельцев земли, но не невольников.

КОММЕНТАРИЙ

[a] О смотре государственного скота (Brack, 1977, с. 42–44, табл. 29b, 37). Подробно механику выдачи скота (в данном случаа ослов на год) и его перераспределение см. (P. CM. 58057) [Allam, 1973, с. 289–291].

Неурожай был всеобщим, значит он не мог не коснуться и земель жрецов. Следовательно, жречество должно было бы пострадать от него так же, как и нежрецы. Очевидно, разница в частном землевладении и жреческом землевладении в данном случае оказывается именно в том, что частные земли не имели отношения к государству, жреческие же какое-то имели; впрочем, текст указывает и на это: им был положен участок от фараона. Если мы вспомним, как Харемха, назначая жрецов в должность, давал им пашни, скот и людей, то станет ясно, что субъект права в данном случае был ограничен в праве собственности на данную государством землю.

Словарь египетского языка отмечает сопоставление устойчивых словосочетаний sꜣj m jꜣwt.f – „насыщать (едой) посредством должностей его" и sꜣj m šmsw.f – „насыщать (едой) посредством служения его" [Wb. IV, 15, 12–13]. Слово šmsw-„слуга", „работник" в (P. Harris, I *76*, 5–6) приравнено к социально-экономическому термину smdt. Перед нами то же деление людей на имеющих должности и на являющихся работниками должностных лиц, которое уже было отмечено на основе других текстов [Bogoslovsky, 1981, с. 5–8; Богословский, 1983, с. 4–5; 1984, с. 53–54, 56]. Однако в упомянутой оппозиции двух словосочетаний речь идет еще и о воздаянии за труд, причем, в каком смысле! Оказывается, главной целью, ради которой работали, было всего-навсего верное пропитание! Такой запрос, такой инструмент регулирования социальной структуры нам может показаться более чем скромным, если не понять, что за ним стоит. Это гарантия сытой жизни (а Египет при его сказочно высоких урожаях тоже знавал голод), потому что при устойчивом порядке в стране государственное хозяйство в стране почти не зависело от неурожаев; упоминания о нарушениях в выдачах довольствия в текстах все-таки редки. Кроме того, при господстве своеобразного натурального хозяйства материальную ценность (по-египетски ḥḏ m jḫt – „серебро в виде вещей" см. [Берлев, 1966, с. 21–23; Богословский, 1982, с. 9] приобретало абсолютно все, в том числе и пища.

В качестве иллюстрации можно привести перевод давно изданного, но до сих пор не привлекавшего внимание (из-за трудностей понимания) источника, который заслуживает того, чтобы быть переведенным целиком. Он касается наиболее изученного в социальном плане социального слоя – мастеров.

В надписи на огромной стеле, найденной в 1907 г. возле Маншиет эс-Садра, к югу от древнего Она (Гелиополиса, Северный Египет), фараон Рамесес II сообщает о работах и вознаграждении труда мастеров. Работы, которые описаны и производились в Гелиополисе, Асуане, Доме Рамесеса и, видимо, в Менфе, имеют отношение к стране в целом. Иначе в тексте не было бы фраз, переводящих на первый взгляд локальное событие на уровень государственной политики: „Перевозит для вас (т. е. мастеров) (постоянно) Земля Верхнего Египта в Землю Нижнего Египта. Перевозит для вас (постоянно) Земля Нижнего Египта в Землю Верхнего Египта (следует конкретный перечень перевозимых продуктов)" (Ste. CM 34504, 17)[21]. Как Йзб, Эбот, так и Эбот Северный находились в Верхнем

Египте[22]. Если бы текст в целом касался только Верхнего Египта, то эти фразы были бы бессмысленны: из Верхнего Египта в Нижний ничего не надо было бы перевозить. Итак, речь идет о мастерах всей страны. Приведу перевод с неизбежными для плохо изданного текста пропусками.

Изобразительная часть

„Ра-Хар-Ахт, бог великий, владыка неба" вручает царю символы власти и процветания; перед царем приписка: „Уср-ма-рэ Сетп-н-рэ Рамесес Миамун". Бог говорит: „Получаешь ты (символы власти), жизнь и процветание, (которые) даны (тебе) через нос твой". Другая речь Ра-Хар-Ахта: „Делаю я (так), что приходят к тебе южане, согнувшись, (а) северяне — ползком перед мощью твоей. Ты как царь Верхнего Египта захватил обе земли (т. е. Верхний и Нижний Египет)[23] подобно Хору, предстоящему поданным". Возле богини Хатхор: „Хатхор, владычица Горы красной, владычица небес, госпожа обеих земель, (постоянно) устанавливающая годы твои как у Солнца, (а) век твой в качестве царя Верхнего Египта как у Атома — вечно-вечно".

Повествовательная часть

„Год 8-й, месяц II зимы, (день) 8-й (правления) царя Верхнего (и) Нижнего Египта Уср-ма-рэ Сетп-н-рэ, сына Солнца Рамесеса (II) Миамуна. День этот — тот, (когда) его величество в Оне делал жалуемое им (?) для отца его Ра-Хар-Ахта (и) Атома — Владыки-обеих земель[24] (из города) Она. Вот, его величество проследовал (в) некрополь (Она), южнее Дома Солнца[25], севернее Дома Девятки богов и перед (храмом) Хатхор, владычицы Горы красной. И нашел его величество некий дивный камень-bjᵓt (=кварцит?) большой, (какого) не находили никогда со времен Солнца (и который) высился выше обелиска из розового гранита (асуанского). Его величество сам добыл его, причем он (камень) сверкал как небосклон. И его величество сам поручил (sḥnn)[26] работ (никам)[27] избранным, искусным руками в год 8-й, месяц III лета, (день) 21-й. Сотворена она полностью в году 8-м[28], месяце III лета, (дне) 18-м, что составляет один год (т. е. работа выполнена за один год), (а именно) статуя большая „Рамесес-Миамун-бог". И одарил (fqᵓ)[29] его величество управителя работ серебром и золотом многим весьма (и) работников могучих, которые работали над ней, будучи жалуемыми царем Верхнего Египта. Его величество защищает их ежедневно, (когда) работают они для его величества охотно, (а именно для) царя Верхнего (и) Нижнего Египта, владыки обеих земель Уср-ма-рэ Сетп-н-рэ, сына Солнца Рамесеса Миамуна.

Вот, нашел его величество другой камень (?) рядом с ним для (?) статуи из дивного камня-bjᵓt на проходе в пустыню (?)[30]. Они вновь сделали сооружение (?) в Доме Птаха (и) творили (т. е. называли) имена во имя великое его величества, (а именно) Рамесеса Миамуна, сына Птаха; (и он посвятил) другие статуи им в Дом „Амуна Рамесеса Миамуна" (и) в Дом „Птаха Рамесеса Миамуна" в Доме Рамесеса Миамуна Победоносного[31]".

(Дальше речь идет от имени царя, судя по местоимению-суффиксу, изображающему фараона.)

„Я наполнил Дом Солнца сфинксами многими со статуями да царскими статуями с изображениями приношения масла да царскими статуями с изображениями приношения пищи". Царь Верхнего (и) Нижнего Египта Уср-ма-рэ Сетп-н-рэ, сын Солнца Рамесес Миамун говорит он сам: „О, работники[32] избранные, могучие, искусные руками[33], которые высекают для меня всякие перечисленные памятники для поклонения, работ (ники)[34] чрезвычайно искусные, врезающиеся в (розовый, т. е. асуанский) гранит, соединяющие (его) с камнем-bjᵓ многочисленным, деятельные в трудах (над) памятниками, (благодаря чему) я наполнил храмы и города все тем, что я сделал на протяжении срока жизни их (т. е. работников)! О, воины добрые[35] все, усталые от (постоянного) бодрствования, делающие *работы по ежедневной норме их должностей*, чтобы ее (норму) выполнить полностью[36]; те, о которых говорилось, делающие защиту в соответствии с замыслом, идущие. . . в горе божественной! Слушайте, что говорят вам! Вот, доброе дело (?)[37] согласно словам вашим.

Я — Рамесес Миамун, образующий молодежь-ḏᶜmw[38] животворениями пищи (и) питья перед вами, (и) нет того, о чем бы сказали: „О, если бы (мне это!)" Обилие еды-ḏfᵓ на участках ваших всех. Я удовлетворил нужды ваши полностью, говоря: „Работы ваши для меня — предмет забот". Я тверд в заботах о вас. Тяжелее (?) пища-kᵓ ваша, чем работы. . . из желания животворить вас. . . Я познал. . . работы все превосходные, которые возвышены работою над ними. Утроба — наполнена она до того, что вы утомлены, а житницы (наполнены) зерном всяким для вас, даваемым в качестве делаемого (?) (для?) прожитья (?). *Каждый из вас может отличить (один) месяц (от другого* по разнообразию выдаваемого). Наполняю я для вас кладовые вещью всякой: довольствием-ᶜqw[39] — мясом, медовыми пирожками, чтобы накормить вас[40], сандалиями, одеждами, маслами всякими, чтобы смазывать голову вашу — *каждые 10 дней,* одеждами вашими *каждый год*[41], подошвами ног ваших — *для каждого дня* (т. е. сандалиями для повседневной носки). Не проводите вы ночи, печалясь в бедности. Поручил я людям многим — — — обеспечение-ḏfᵓ ваше (?) — — —: рыбакам приносить рыбу и птицу, (водящихся в Ниле и на Ниле), другие вещи, а садовникам — делать начисленное[42]. (Я) сформировал многие сосуды на гончарных кругах, делая кувшины, чтобы охлаждать для вас воду летом. Перевозит для вас (постоянно) Земля Верхнего Египта в Землю Нижнего Египта, перевозит для вас постоянно Земля Нижнего Египта в Землю Верхнего Египта ячмень, эммер, род хлеба (зерна)-swt, природную соду, бобы без числа. (Я) сделал (все) это, творя и говоря: „Существуете вы, есть вы в сердце (т. е. я думаю о вас) едином для меня".

(Когда) я отправился в Йэб, (то) заметил я гору добрую, (которую) я дал для камнесечных работ (?) вам. И я приказал работать в каменоломне во имя (мое), (в) каменоломне (под названием) „Рамесес Миамун, возлюбленный подобно Солнцу". А также (я) нашел другую каменоломню камня черного рядом с ней (для изготовления) статуй больших, (причем) двойные венцы из камня-bjᵓ, (а именно) каменоломню (под названием) „Уср-ма-рэ Сетп-н-рэ, властитель обеих земель". А также (я) нашел для вас другую каменоломню [камня?], цвет которого подобен (цвету)

серебра намытого,[43] — каменоломня (под названием) „Рамесес Миамун, возлюбленный подобно Птаху". А именно: царь-государь Уср-ма-рэ Сетп-н-рэ, сын Солнца Рамесес Миамун, которому дана жизнь".

Не следует представлять себе постоянно передвигаемые по стране по прихоти царя массы трудового люда. Регулирование социальной структуры было достаточно разумным. Лишь при основании новых хозяйств, как говорится в „Энкомиуме", с Юга и Севера пригоняют египтян (Gardiner, 1955, II 3—4) тысячами человек; так, новому храму Йота в старой столице было придано 6800+х одних ткачей — людей-smdt (Urk. IV, 1992, 14—15). В P. Harris речь идет о передаче царем разным храмам, но на 3/4 храму Амуна, 107615 человек-smdt (в тексте неверно сложено — 113433) [Schaedel, 1936, с. 21—22, 47; Helck, 1975, с. 224], но тут основную массу составляют пленные, которых при XVIII династии было еще больше [Janssen, 1963, с. 141—147].

Иное дело иноземцы. Для того, чтобы обезопасить страну, Рамесес II переселял азиатов в египетскую Эфиопию, кочевников-š³sw селил в Земле западной (они кочевали на Востоке), а кочевые племена ливийцев сажал на землю в Египте (см. (Sauneron, Yoyotte, 1950)). В этом просто проявляется одна из не столько внутренних, сколько внешних функций государства. Правда, все здесь зависит от позиции, с которой проводится исследование. Поселившиеся в Египте š³rd³n³ (с XVIII династии) и ливийцы (с XIX династии) стали основой наемного войска, а с XXII династии ливийцы вообще стали править в стране.

Что же касается внутренних функций государства, то, с одной стороны, оно, конечно, было орудием установления и укрепления положения правящего класса, но были и другие стороны.

Государство активно вмешивалось в формирование общества, ограничивая возможность возникновения паразитических слоев посредством раздачи должностных владений и ограничения развития частной собственности. Это очень важно на низком уровне производительных сил. Развитие рабовладельческих отношений происходило снизу, когда государство уступало свои позиции.

Отбирая наиболее квалифицированных работников из всех слоев, а прочих возвращая в социальные низы, государство способствовало развитию производительных сил общества.

Приняв на себя функции распределителя произведенного продукта в условиях неразвитого рынка, который не давал возможности сделать работу на рынок основным источником дохода, государство обеспечивало устойчиво высокий уровень развития ремесел и искусств.

Препятствуя наследованию должностей и социального статуса, государство ограничивало возможности возникновения крупных частных хозяйств.

В XII в. до н.э. система государственного регулирования постепенно начинает рушиться.

Во всяком случае, за исключением древнего Китая с I тысячелетия до н.э. и позже, а на рубеже древности и средневековья — Японии, ни в какой стране древности один из элементов надстройки так активно и си-

стематически не вмешивался в структуру и динамику базиса. Вот почему можно предположить, что главная причина отличия древнеегипетского общества от других обществ Ближнего Востока заключена именно в необычайно сильно развитой государственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробно см. [Bogoslovsky, 1981, с. 12—16; Богословский, 1981, с. 18—34; 1983, с. 270—288].

[2] См. [Берлев, 1972, с. 261].

[3] [Janssen, 1975, с. 560]: How the workmen were recruited we do not know, but it may be suggested that they were appointed by officials and did not come of their own free will, while later on membership of the ,,crew" was definitely hereditary.

[4] Речь идет об основной массе трудового населения, а не обо всех трудящихся египтянах. Так, половина работавшего населения — женщины — подлежали только местным смотрам, потому что они работали спорадически. Кроме того, как заметил О.Д. Берлев, в литературных текстах, по содержанию восходящих к Среднему царству, речь идет и об учете возможностей трудоустраиваемого населения — калек, больных [Берлев, 1984, с. 32].

[5] Перечень основной литературы о них см. [Богословский, 1984, с. 70—72, 74, примеч. 43; с. 75; примеч. 72, 73].

[6] В первом письме лицу Нехтеммуту некий автор советует тому, у кого нет своего ребенка, усыновить nmḥw и таким образом совершить благое дело. Во втором письме сам такой усыновленный пишет отчиму: „Ты у меня как отец — навечно, я не сирота у тебя".

[7] Впервые основательно источники по этой теме рассмотрели еще А. Эрман и Б. Ганн [Erman, 1911, с. 1089—1110; Gunn, 1916, с. 81—94]. В нашей исследовательской литературе ей посвящена статья [Матье, 1926, с. 10—35]. Из последних работ следует назвать [Posener, 1971; Kruchten, 1981, с. 31—33].

[8] Текст сохранен полностью, но слово ,,чиновник" (Ю.Я. Перепелкин даже переводит „сановник") написано идеограммой sign-list A.21. Поскольку эта идеограмма может быть раскрыта по-разному, я и передаю ее повсюду словом „чиновник" с вопросительным знаком, так как изображает она важное лицо с тростью в руке.

[9] Название условное, по имени переписчика текста. Тот же отчет о битве египтян с хеттами возле города Кинза дошел в надписях на храмовых стенах в Карнаке, Луксоре, Рамессеуме и в Абу-Симбеле (эти надписи и обозначены так, как принято в египтологии, т. е. по первым буквам названий храмов — K, L, R, A). Для перевода взят практически неповрежденный фрагмент P. Sallier III (Hassan, 1929, табл. 85—86). Однако в нем есть пропуски знаков, которые полностью восстанавливаются по спискам K_1, L_2, L_3, R, A; каждый из этих списков в отдельности имеет большие лакуны. См. (KRI II, 56,6—58,5).

[10] dj. tw. Ср. (Gr. 1111).

[11] Совсем краткое упоминание мальчика, принадлежавшего nmḥw (bꜣkj šrj (n) nmḥw), см (Marciniak, 1974, с. 74—75, № 15, табл. XV).

[12] См. также [Kruchten, 1981, с. 162—170].

[13] Может быть, начало отрывка следует понимать так, как предложил [Pflüger, 1946, с. 260—276] и перевел Н.С. Петровский [Хрестоматия, 1963, с. 118], т. е. „. . . сделал я устав защиты моим величеством всех людей. Заботится о них мое

величество три раза в месяц. . ."? Понять текст таким образом было бы очень соблазнительно, так как при подобной интерпретации возникает историческая перспектива политики государства в отношении воинского сословия: Харемха устраивает выдачи довольствия воинам три раза в месяц, а Рамесес II вводит ежедневное довольствие. Однако, к сожалению, остатки слов не позволяют реконструировать „всех людей" — r — — — (вертикальная черта) — — — p jb. Понять глагол pḫr в смысле „окружать (заботой)" мешает отсутствие приложения jb, чтобы получилось устойчивое словосочетание „окружать заботой сердца". Местоимение-суффикс „они" и зависимое местоимение „их" в данном случае были бы написаны и поставлены в предложении одинаково — перед существительным „(мое) величество", будь оно субъектом или объектом действия. Реконструкция же В. Хелка непротиворечива, поэтому я ей и следую.

[14] (Pleyte, Rossi, 1876, табл. 88,4; Condon, 1978, с. 12, табл. III = P. Torino 1893, 4).

[15] qdw nmḥw — „формирующий (подобно гончару) nmḥw (в нечто иное)" — устойчивое словосочетание. Разные боги „делают bwꜣw (или sjrw — употреблена идеограмма A.21), формируют nmḥw"; со времен правления Аменхотпа IV царь „формирует nmḥw (в нечто иное)" [Wb. II, 268, 5; Belegst., с. 352]. Ю.Я. Перепелкин, как уже было отмечено, показал, что фараон „создавал", „преобразовывал", „формировал" (всюду глагол qdw) nmḥjw путем постановки их на довольствие и превращения в „сановники" (sjrw), как он полагал (в действительности идеограмма ни разу не раскрыта как sjrw).

[16] О.Д. Берлев заметил, что наилучшим образом mꜣrw характеризует фраза из „Повести о красноречивом жителе оазиса": „Воздух для нуждающегося-mꜣrw — (единственное) имущество его"; ср. [Берлев, 1978, с. 66].

[17] Утрачено две-три группы знаков, может быть sḫprw sn-„творящий их" или, скорее, jrw sn — „делающий их" (см. [Wb. II,268, 5; Belegst., с. 352]).

[18] В (KRI I, 292, 8—9) лакуны указаны менее точно, чем в издании 120-летней давности. Ср. чтение [Ockinga, 1984, с. 211].

[19] (Gardiner, 1905; Gaballa, 1977, с. 22—24, табл. 50—62; KRI III, 425,1—431, 10); ср. [Берлев, 1962, с. 58—59]).

Оппозиция bwꜣ↔smdt (вернее, в виде sjrw↔smdt) [Gardiner, 1937, с. 71; Janssen, 1961, с. 23, примеч. 2] — идеограмма A.21 не раскрыта.

[20] [Leibovitch, 1964, с. 17—21; Vergota, 1959]; (Ste. BM 1821). Эпитеты уже заметили А.С. Яхуда, Ж. Вергот и Й. Лейбович, но для всех них, изучавших только египетское имя Иосифа, это было лишь забавное выражение. На самом деле даже из Книги Бытия видно, какое огромное значение фараон придавал тому, что сделал Иосиф для избавления страны от голода, поставив его во главе управления и дав в качестве титула (составители Библии приняли его за египетское имя) один из царских эпитетов „пища/довольствие обеих земель" — запасающий пищу (главным образом, зерно) для всего Египта и затем в централизованном порядке выдающий ее.

[21] Предварительное издание и переиздание текста исполнены, к сожалению, неудовлетворительно (Kamal, 1908; Hamada, 1938). Не исправила положения и небрежная копиация К.Э. Китчина (KRI II, 360—362).

[22] [Montet, 1961, с. 102, 190].

[23] Историческое объединение Египта завершилось тем, что Верхний Египет завоевал Нижний Египет.

[24] Постоянный эпитет Атома Гелиопольского (см. [Myśliwiec, 1979, с. 88—102]).

[25] Главный храм Солнца в Египте.

[26] Об этом термине см. [Богословский, 1983, с. 285—288].

[27] Буквально „в работу избранную, знаемую длanями", т. е. мастерам (ср. P. Leiden 348 vo *9*, 9 и сл.; O. Berlin 12654 vo 1—3; EA III, табл. VIII, XII; VI, табл.

XIX). Словом „работа-k³ t" — „совокупность работ (или работников)" могли быть обозначены кек квалифицированные, так и не имеющие специальности работники (см. [Богословский, 1983, с. 4, 283; Перепелкин, 1984, с. 225—226]).

[28] Ошибке резчика стелы; нужно было написеть „год 9-й".

[29] Слово fq³, происходящее от слова „булка", „батон", „пища (вообще)" в качестве первоначального детерминативе имело изображение того, что оно обозначело — „батон", т. е. пропитание. Еще во времена Среднего царства оно стало значить не только „питеть", но и „одарять (чем-либо)" (fq³ m [Wb. I, 579, 4]); в этом значении слово во времена Среднего царства определялось сначала „батоном", затем „батоном" и определителем отвлеченного понятия; во времена Нового царства, кек указано в словере, только определителем отвлеченного понятия, е зетем определителем с тремя черточками. Процесс показан несколько схематично, но в общем правильно уловлено постепенное нарастание абстрактности значения слове, его отвлечения от первичного значения и усиления терминологического значения.

[30] Определитель „дерево" явно ошибочен; вероятнее всего, ошибка произошла из-за созвучия написанного слова mrj со словом mrw — „пустыня" [Wb. II, 108, 14—18; 109, 1—2, 5—7].

[31] Т. е. в новой столице, которая носила имя самого царя.

[32] Артикль n³ говорит в пользу вышеназванного (примеч. 27) понимания слова k³t как „работники", а не „работа" (тогда был бы употреблен артикль t³). За такое понимание говорят и трехкратно употребленные знеки j: k³wtj stpj ḫpšj, т. е. причастные окончания мужского рода и множественного числа, а не женского рода, как было бы, если бы мы поняли слово как k³t — „работа".

[33] Букв. „знающим дланями".

[34] Несмотря на то что слово k³t имеет в качестве определителя знак отвлеченного понятия и три черточки после него (показатель максимально возможной для египетского языке абстрактности), определения к нему, не оставляют сомнения, что и в этом случае под понятием „работы" скрывается „работники" (ср. примеч. 27 и 32).

[35] n³ ᶜḥ³wtjw nfrw, букв. „воинство молодое". О соотношении военных и невоенных людей, занятых в ремесле см. [Helck, 1939, с. 28—29, 31—32; Богословский, 1976]

[36] Букв. „делающие работы в потребу дня, чтобы сотворить (т. е. осуществить работу по) должности их целиком превосходной".

[37] mk³ḥt jm.sn wnw spj. Ср. sp n ³ḥt [Wb. I, 15, 16].

[38] Слово ḏ³mw в ряде текстов заменяет слово mnḥj в значении „молодой человек", особенно тогда, когда речь идет о ввадении юношей в должность (O. DM 40 ro 12; 320, 4: O. CM 25800, 1—2; Gr. 2137). Подробнее см. [Černý, 1936, с. 116; 1973, с. 113—115; Богословский, 1981, с. 19, 21—23; 1983, с. 275—279]. В то же время в хозяйственно-административных источниках слова ḏ³mw и smdt взаимозаменяются и противопоставляются наиболее общему обозначению зависимых людай — ḥmw (P. Harris).

[39] Слово ᶜqw, тоже детарминированное изобрежение „булки", явно не обозначает только выпечные изделия, поскольку включает и мясо (ср. [Wb. I, 232, 16—233, 2]).

[40] [Wb. II, 162, 5].

[41] От перечня выдаваемых товаров происходит переход к перечню сроков, поэтому отдельные товары упоминаются во второй раз.

[42] Детерминатив указывает на характер начисленного, порученного — зелань и вино.

[43] Вероятно, кварцитовые каменоломни севернее современного города Асуана (см. [Лукас, 1958, с. 125—126]). О перечисленных на стеле памятниках см. [Uphill. 1984, с. 55, 130, 146—147, 161, 191].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Берлев, 1962 — *Берлев О.Д.* Замечания к папирусу Булак 18. — Древний мир. Сборник статей. М., 1962, с. 50–62.

Берлев, 1966 — *Берлев О.Д.* Древнеегипетская денежная единица. — ПС. 1966, 15 (78), с. 5–27.

Берлев, 1972 — *Берлев О.Д.* Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972.

Берлев, 1978 — *Берлев О.Д.* Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. Социальный слой „царских ḥmww". М., 1978.

Берлев, 1984 — *Берлев О.Д.* Древнейшее описание социальной организации Египта. — ПСОФЗДВ, с. 26–34.

Богословский, 1976 — *Богословский Е.С.* Военные и художники в Египте XIV–X вв. до н. э. — Тутанхамон и его время. М., 1976, с. 80–95.

Богословский, 1979 — *Богословский Е.С.* „Слуги" фараонов, богов и частных лиц (К социальной истории Египта XVI–XIV вв. до н. э.). М., 1979.

Богословский, 1979а — *Богословский Е.С.* Собственность и должностное владение в древнем Египте (По материалам из Дер эль-Медина). — ВДИ. 1979, № 1, с. 3–23.

Богословский, 1981 — *Богословский Е.С.* Государственное регулирование социальной структуры древнего Египта. — ВДИ. 1981, № 1, с. 18–34.

Богословский, 1982 — *Богословский Е.С.* Древнеегипетская экономика на пути к возникновению денег. — ВДИ. 1982, № 1, с. 3–12.

Богословский, 1983 — *Богословский Е.С.* Древнеегипетские мастера (по материалам из Дер эль-Медине). М., 1983.

Богословский, 1984 — *Богословский Е.С.* Об основных производителях материальных и духовных ценностей в Египте второй половины II тысячелетия до н. з. — ПСОФЗДВ, с. 52–80.

Богословский, 1984а — *Богословский Е.С.* „Рабы" в текстах из Дер эль-Медина. — ПСОФЗДВ, с. 81–127.

Лукас, 1958 — *Лукас А.* Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958.

Лурье, 1960 — *Лурье И.М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н. з. Памятники и исследования. Л., 1960.

Матье, 1926 — *Матье М.Э.* Религия египетских бедняков. — Религия и общество. Л., 1926, с. 10–35.

Перепелкин, 1934 — *Перепелкин Ю.Я.* [Выступление в прениях по докладу В.В. Струве „Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческого общества древнего Востока"]. — ИГАИМК. Вып. 77. 1934, с. 140–141.

Перепелкин, 1984 — *Перепелкин Ю.Я.* Переворот Амен-хотпа IV. Ч. 2. М., 1984.

Хрестоматия, 1963 — Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1963.

Allam, 1973 — *Allam Sch.* Hieratische Ostraka und Papyri aus der Ramessidenzeit. Tübingen, 1973.

Assmann, 1980 — *Assmann J.* Die "Loyalistische Lehre" — Echnatons. Studien zur altägyptischen Kultur. 1980. 8, c. 1–32.

Bogoslovsky, 1981 — *Bogoslovsky E.S.* On the System of the Ancient Egyptian Society of the Epoch of the New Kingdom. According to Documents from Deir el-Medina. — AF. 1981, VIII, c. 5–21.

Brack, 1977 — *Brack A.* und *A.* Das Grab des Tjanuni, Theben Nr. 74. Mainz a. R., 1977.

Černý, 1934 — *Černý J.* Parchemin du Louvre n° AF 1577. — Mél. Maspero. I, 1, c. 233–239.

Černý, 1936 — *Černý J.* Datum des Todes Ramses' III. und der Thronbesteigung Ramses' IV. — ZÄS. 1936, 72, c. 109–118.

Černý, 1973 — *Černý J.* A Community of Workmen at Thebes in the Ramesside Period. Cairo, 1973.

Condon, 1978 — *Condon V.* Seven Royal Hymns — Papyrus Turin CG 54031. München, 1978.

Davies, 1923. — *Davies de Garis N. and Nina.* The Tombs of two Officials of Tuthmosis The Fourth (N°s 75 and 90). L., 1923.

Duemichen, 1869 — *Duemichen J.* Historische Inschriften altägyptischer Denkmäler. Zweite Folge. Nebst einigen geogrephischen und mythologischen Inschriften. Lpz., 1869.
Ermen, 1911 — *Erman A.* Denksteine eus der thebanischen Greberstadt. — SPAW. 1911, XLIX, c. 1089—1110.
Gaballa, 1977 — *Gaballa G.A.* The Memphite Tomb-Chapel of Mose. Warminster, 1977.
Gardiner, 1905 — *Gardiner A.H.* The Inscription of Mes. Lpz., 1905.
Gardiner, 1937 — *Gardiner A.* Late-Egyptien Miscellanies. Bruxelles, 1937.
Gardiner, 1947 — *Gardiner A.H.* Ancient Egyptian Onomastica. Text. I—II. Oxf., 1947.
Gardiner, 1955 — *Gardiner A.* A Pharaonic Encomium. — JEA. 1955, 41, табл. VIII.
Gunn, 1916 — *Gunn B.* The Religion of the Poor in Ancient Egypt. — JEA. 1916, 3, c. 81—94.
Habachi, 1954, — *Labib Habachi.* Khatâʿna-Quantir: Importance. — ASAE, 1954, 52, 2, c. 443—562, тебл. I—XXXVIII.
Hamada, 1938 — *Hamada A.* A Stele from Manshîyet eṣ-Ṣadr. — ASAE. 1938, 38, c. 217—230, табл. XXX.
Hassan, 1929 — *Sélim Hassan.* Le poème dit de Pentaour et le rapport officiel sur la bataille de Qadesh. Le Caire, 1929.
Helck, 1939 — *Helck H.-W.* Der Einfluss der Militärführer in der 18. ëgyptischen Dynestie. Lpz., 1939.
Helck,1955 — *Helck W.* Eine Stele des Vizekönigs wsr-st.t. — JNES. 1955, XVI, 1, c. 22—31, тебл. II, рис. 1.
Helck, 1975 — *Helck W.* Wirtscheftsgeschichte des Alten Ägypten im 3. und 2. Jehrteusend vor Chr. Leiden/Köln, 1975.
Janssen, 1961 — *Janssen Jac. J.* Two Ancient Egyptien Ship's Logs. Papyrus Leiden I 350 verso end Papyrus Turin 2008+2016. Leiden, 1961.
Janssen, 1963 — *Janssen Jac. J.* Eine Beuteliste von Amenophis' II. und des Problem der Skleverei im elten Ägypten. — JEOL. 1963, 17, c. 141—147.
Janssen, 1975 — *Janssen Jac. J.* Commodity Prices from the Remessid Period. An Economic Study of the Village of Necropolis Workmen et Thebes. Leiden, 1975.
Kamel, 1908 — *Kamal A.* Stèle de l'an VIII de Ramsès II. — RT. 1908, 30, c. 213—218.
Kruchten, 1979 — *Kruchten J.-M.* L'évolution de le gestion domaniale sous le Nouvel Empire égyptien. — STEANE, c. 517—525.
Kruchten, 1981 — *Kruchten J. -M.* Le décret d'Horemheb. Traduction, commentaire épigraphique, philologique et institutionnel. Bruxelles, 1981.
Leibovitch, 1964 — *Leibovitch J.* Un titre curieux de Thoutmosis III. — Studies in Egyptology and Linguistic in honour H.J. Polotsky. Jerusalem, 1964, c. 17—21, тебл. I—III.
Marciniak, 1974 — *Marciniak M.* Les insriptions hiératiques du Temple de Thoutmosis III. Varsovie, 1974.
Montet, 1961 — *Montet P.* Géographie de l'Egypte ancienne. Pt. 2. P., 1961.
Montet, 1970 — *Montet P.* L'Egypte éternelle. P., 1970.
Myśliwiec, 1979 — *Myśliwiec K.* Studien zum Gott Atum. Bd. II: Name-Epithete-Ikonographie. Hildesheim, 1979.
Ockinga, 1984 — *Ockinga B.G.* Zum Fortleben des "Amerne-Loyelismus" in der Ramessidenzeit. — Die Welt des Orients. 1983/1984, XIV, c. 207—215.
Pleyte, Rossi, 1876 — *Pleyte W., Rossi F.* Papyrus de Turin. Vol. 2. Leide, 1976.
Pflüger, 1946 — *Pflüger K.* The Edict of King Heremhab. — JNES. 1946, V, 4, c. 260—276, табл. I—VI.
Posener, 1971 — *Posener G.* Amon juge du pauvre. — BABA. 1971, 12, c. 59—64.
Sauneron, Yoyotte, 1950 — *Sauneron S., Yoyotte J.* Treces d'établissements asiatiques en Moyenne Egypte sous Ramsès II. — RdE. 1950, 7, c. 67—70.
Schaedel, 1936 — *Schaedel H.* Die Listen des grossen Pepyrus Herris. Ihre wirtschaftliche und politische Ausdeutung. Glückstadt-Hemburg, New York, 1936.
Théodoridès, 1965 — *Théodoridès A.* Le papyrus des adoptions. — RIDA. 1965, 12, c. 79—142.
Uphill, 1984 — *Uphill E.P.* The Temples of Per Ramesses. Warminster, 1984.
Vergote, 1959 — *Vergote J.* Joseph en Egypte. Genèse chap. 37—50 à la lumière des études égyptologiques récentes. Louvain, 1959.

К.В. Васильев

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ПОЛОЖЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В ИМПЕРИИ ЦИНЬ (221–207 гг. до н. э.)

В 1975 г. в провинции Хубэй близ города Юньмэна в погребении, относящемся ко времени объединения Китая под властью правителей из царства Цинь, было сделано важное открытие юридических текстов, написанных на бамбуковых дощечках.

Тексты эти представляют собой пособие для чиновника, включающее толкования наиболее употребительных уголовных статей, выписки из „Статута о земле" и других статутов, собрание примерных образцов ведения уголовных процессов и т. д. Судя по другим документам, найденным в погребении, его хозяин умер в 217 г. до н. э. Однако содержание юридических материалов, найденных здесь, связано с периодом, предшествовавшим 221 г. до н. э. Есть ряд статей прямо указывающих на то, что они были написаны в период Чжаньго (IV–III вв. до н. э.), когда царство Цинь, расположенное на крайнем западе тогдашней Поднебесной, видело в своих восточных соседях хранителей легендарной цивилизации племени Ся и называло их этим именем. Есть и прямые упоминания исторических имен и событий периода Чжаньго. Среди вымышленных обстоятельств истории о захвате головы убитого врага, являющейся темой учебного расследования, упомянута реальная осада циньцами вэйского города Синцю, имевшая место в 266 г. до н. э. Таким образом, время составления этих текстов может быть связано с IV–III вв. до н. э.

В тех фрагментах законодательства о земле, которыми мы располагаем сейчас, вовсе не упоминается о каких-либо владельческих правах земледельцев на обрабатываемые земли, тем более нет даже намека на возможность существования в это время детально разработанных норм права частной собственности. Вот содержание сохранившихся фрагментов „Статута о земле" с небольшими сокращениями: „Дождь насытит влагой, а потом заколосятся зерновые, тогда в письменном виде надо докладывать о том, как увлажнены посевы, о том, как колосятся хлеба, а также о количестве полей, где распахана целина и где нет посевов. Когда дождь выпадет после появления всходов, то также сообщают о том, много или мало дождя, о том, какая здесь выгода. О засухе или ураганном ветре и дожде, наводнении, саранче, других вредителях хлебов, также о количестве их надо докладывать. В ближних уездах этот доклад доставляют пешком, в дальних уездах посылают с конным вестовым. Выполнять (это до) восьмого месяца" [Транскрипция текста II, с. 1]. „Весной во втором месяце не смеют рубить деревья, лес в горах, а также

сооружать плотины на реках. Если на летние месяцы, то не смеют ночью собирать солому, чтобы добывать золу, собирать незрелые плоды личжи, яйца и птенцов, не (смеют) травить рыбу и черепах, расставлять западни и ловушки, с наступлением седьмого месяца освобождают (от этих запретов)" [Транскрипция текста II, с. 1]. Здесь представлен подробный обзор условий роста зерновых, предназначенный для начальника уезда. Далее следует отрывок, предназначенный для земледельцев, с подробным обзором, когда им запрещена вырубка деревьев, при каких условиях им нельзя добывать золу, об ограничениях для них в ловле птенцов, рыбы, черепах и т. д. „Живущие в поселениях, расположенных поблизости от казенных хозяйств (по выращиванию лошадей и быков) или других заповедных районов, весной не смеют охотиться с собакой. Если собака представителя ста родов (простолюдина) проникнет в заповедный район, но не будет преследовать животных, ни хватать животных, то не убивать. Если она будет преследовать животных или хватать их, то убить ее, съесть мясо, забрать шкуру нарушившей запрет убитой собаки, всех других (животных), убитых как нарушивших запрет заповедного района". Здесь представлен также небольшой текст, касающийся запрещения земледельцу охотиться весной с собакой в районах, где были расположены казенные хозяйства по выращиванию быков и лошадей. Два последних фрагмента раскрывают часть обширной системы запретов, регламентировавшей всю жизнь циньского земледельца. С ними, очевидно, перекликается содержание небольшой части раздела в „Люй-ши чуньцю", содержащего перечень сельскохозяйственных работ земледельца, на которые государством были наложены различные ограничения. Все эти данные расходятся с мнением Л.С. Переломова, считающего, что в результате проведенного Шан Яном в середине IV в. до н. э. в царстве Цинь межевания земель земледельцев „за народом было признано право собственности на пахотные участки, разрешалась свободная купля-продажа земли" [Переломов, 1981, с. 23]. Это суждение основано на известном высказывании Дун Чжуншу (II в. до н. э.), в котором Шан Яну приписывается законодательная отмена неотчуждаемости полей, якобы вызвавшая ускоренную мобилизацию земли при помощи купли-продажи. Обоснованность этого высказывания Дун Чжуншу вызывает серьезные сомнения, ибо в обширной литературе периода Чжаньго нет ни одного упоминания о введении Шан Яном в царстве Цинь частной собственности на землю в качестве юридического принципа. По-видимому, известный конфуцианский ученый перенес во времена Шан Яна аграрные условия, характерные для окружающего его раннеханьского общества. Это подтверждает содержание раздела „Ставить земледелие на первое место" в трактате „Люй-ши чуньцю", суммировавшего результаты аграрного развития царства Цинь на протяжении 100 лет, прошедших после реформ Шан Яна. Согласно приведенным там данным, в середине III в. до н. э. циньский земледелец был весьма серьезно ограничен в праве распоряжения и пользования своим полевым участком. Следовательно, если бы утверждение Дун Чжуншу, касающееся аграрной политики Шан Яна, было исторично, то пришлось бы признать возможным превращение неограниченного земельного собственника в связанного по рукам и ногам

владельца надела. Такое предположение противоречит всей логике исторического развития общества. Тяжесть административной опеки над жизнью циньской деревни и хозяйственная несвобода циньских земледельцев ярче всего проявились в цитируемых на страницах „Люй-ши чуньцю" сельских запретах, среди которых наибольший интерес вызывают следующие: „1. Пока не вспахана земля, нельзя заниматься [обработкой] конопли, нельзя вывозить навоз. 2. Тот, кто годами не стар, не смеет разводить сад. 3. Тот, чьи силы оценены как недостаточные, не смеет обводнять землю с помощью канав и обрабатывать ее. 4. Земледельцу запрещено разъезжать с товарами. 5. Ему запрещено заниматься другими делами". Здесь мы сталкиваемся с неприкрытыми формами ограничения прав земледельца со стороны государственной администрации царства Цинь. И приведенные выше фрагменты „Статута о земле", и совпадающие с ними данные „Люй-ши чуньцю" свидетельствуют, что государство регламентировало сельскохозяйственное производство во всех деталях. Оно стремилось сосредоточить силы народа на обработке полей и выращивании зерна. Для других видов сельскохозяйственных занятий существовали строгие правила. Примером их служат предписания, относящиеся к фруктовым садам. Административная регламентация касалась не только непосредственно работ, но проникала и в другие сферы жизни земледельца. Во фрагментах законов из города Юньмэна мы впервые узнаем о том, что циньский земледелец работал не на своем поле, а получал его на тот или иной срок из казенных хозяйств по выращиванию быков и лошадей, что содержание вола находилось под постоянным контролем местных властей. Вот текст из найденного „Статута о скотных дворах и угодьях": „В четвертом месяце, седьмом месяце, десятом месяце и первом месяце (производится осмотр) кожи волов. По итогам года в первом месяце проводятся большие испытания (волов). (Хозяйствам, выдержавшим) их лучше всех, полевой сэфу (чиновник) дарит флягу вина и связку сушеного мяса, кормящему вола предоставляется освобождение от одного срока повинностей, ему дают вола на срок в три декады. Последнего (в испытаниях) полевой сэфу бранит, наказывают кормящего его двумя месяцами (труда в пользу государства). Что касается вола, работающего на поле, если похудеет по всем измерениям, бить палкой хозяина, десять палок. Еще есть сельские испытания, лучшему дарят поле с указанием срока (пользования) в днях и декадах. Последнего наказывают тридцатью палками" [Транскрипция текста II, с. 1–2]. Контроль государства над сельским хозяйством страны осуществлялся также и с помощью передачи в аренду местными чиновниками всех необходимых железных орудий труда земледельцам. Вот еще фрагмент из „Статута о скотных дворах и угодьях": „Взял в долг (у казны) железные орудия труда, (они) стерлись и изломались, не восстанавливаются и испорчены, сделать об этом запись, не взимать, что должен" [Транскрипция текста II, с. 4]. Вот фрагмент из „Статута о металле и полотне", точнее, „Статута, регулировавшего соблюдение финансовых обязательств подданных по отношению к государству": „Человек из народа занял казенные орудия и не вернул долг, в установленный срок их забрали, долг остается за ним, а если их не забрали, то долг остается" [Транскрипция текста II,

с. 3]. Таким образом, обнаруживается, что в царстве Цинь уже во второй половине периода Чжаньго и в эпоху империи Цинь государственный аппарат активно вмешивался в жизнедеятельность китайской деревни. Как свидетельствуют приведенные материалы, контроль специальных чиновников прослеживается над всеми сельскохозяйственными работами и в течение всего сельскохозяйственного сезона. Конечно, приведенные материалы не освещают аграрные отношения во всей их сложности, а последовательно раскрывают только одну из сторон: контроль государственной администрации над жизнью земледельцев, по крайней мере над жизнью части их, контроль над земледелием. Конечно, в IV и III вв. до н. э. на землях царств, расположенных к востоку от царства Цинь, земледельцы обладали правами распоряжаться своими землями: продавать, менять, передавать по наследству. Это, однако, не свидетельствует о господстве принципов частной собственности в аграрных отношениях в восточнокитайских царствах в период Чжаньго. Владение наделами на востоке страны было более свободным от административного контроля, в царстве Цинь, а после поглощения шести соседних царств — в империи Цинь — более жестким. Естественно возникает вопрос, не являлось ли столь очевидное вторжение государственной администрации царства Цинь в различные сферы жизни земледельцев отражением того, что государство обладало верховной собственностью на землю. На него следует ответить отрицательно. Эти явления связаны с правами суверенитета циньских правителей над личностью и хозяйством земледельцев, обладавшего к тому же в условиях Китая ярко выраженной спецификой. В древнекитайском обществе рано возникает потребность государственного контроля над производством и потреблением продуктов питания. Уже по крайней мере во второй половине I тысячелетия до н. э. интенсивный рост населения сопровождался ощутимым ограничением пахотных площадей. Это поставило перед государством задачу активно поддерживать сложный механизм земледелия, обеспечивавшего максимальную эффективность эксплуатации земли. В Китае, по крайней мере в отдельных районах, рано появились экономически неблагоприятные явления. Это заставило древнекитайское государство издавать законодательные запреты, подобные тем, которые здесь были процитированы. Итак, нет основания трактовать индивидуальные владельческие права циньских земледельцев как полную собственность, но нет также и признаков того, чтобы всякую недвижимость рассматривать как принадлежащую государству.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Люй-ши чуньцю. XXVI, 3, „Ставить земледелие на первое место". Транскрипция текста II — Юньмэн циньмо чжуцзянь чжэнли сяоцзу. Юньмэн цинь цзянь ши вэнь (Группа по приведению в порядок бамбуковых дощечек из циньского погребения в районе г. Юньмэна. Транскрипция текста на бамбуковых дощечках из окрестностей г. Юньмэна). Вып. 2. Вэньу. 976, № 7, с. 1—10.

Переломов, 1981 — *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая, М., 1981.

М.В. Воробьев

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ЯПОНИИ ДО СЕРЕДИНЫ VII в.

В общетеоретическом плане проблему государства, общества и экономики ориентировал еще Ф. Энгельс: „Во-первых, всякая политическая власть основывается первоначально на какой-нибудь экономической, общественной функции и возрастает по мере того, как члены общества вследствие разложения первобытных общин превращаются в частных производителей и, следовательно, еще более увеличивается отчужденность между ними и носителями общих, общественных функций. Во-вторых, после того как политическая власть стала самостоятельной по отношению к обществу . . . она может действовать в двояком направлении. Либо она действует в духе и направлении закономерного экономического развития. Тогда между ней и этим развитием не возникает никакого конфликта, и экономическое развитие ускоряется. Либо же политическая власть действует наперекор экономическому развитию, и тогда, за немногими исключениями, она, как правило, падает под давлением экономического развития" [Энгельс, с. 188]. В Японии к середине VII в. государственная власть уже миновала первую фазу и перешла во вторую, поэтому сформулированная в заглавии проблема тесно связана с общетеоретическим высказыванием Ф. Энгельса. Представляет несомненный интерес раскрытие реального отношения между государством и общественным производством (экономикой) в Японии в древности и на пороге средневековья.

Поскольку основной материал для статьи дают два памятника письменности — „Нихонги" („Летопись Японии") и „Кодзики" („Записки о делах древности"), — необходимо сказать о том, что первый памятник оформлен в 720 г., второй — в 712 г. по разным материалам, большинство которых не дошло до нас. Первые главы „Нихонги" и почти все главы „Кодзики" носят мифологическо-легендарный характер. При оформлении памятников использовали не только китайскую иероглифику, но и китайскую терминологию. Датировка одних и тех же событий в этих памятниках, в корейских и китайских источниках начинает совпадать частично с начала V в., а более или менее постоянно — с первой четверти VI в. Археологические и историко-архитектурные обследования, однако, подтвердили достоверность ряда других событий в двух японских сочинениях, не упомянутых в иноземных источниках. Раскопан дворец Икарагу, о котором сообщается, что он был возведен в 601 г., а сгорел в 643 г. [Nihongi XXII, 6, 17], отождествлены развалины с храмом Ситэнъодзи, отстроенным в

587 или 593 г. [Nihongi XXI, 9; XXII, 2], подтверждены некоторые другие факты (устройство водохранилищ, землемерные работы, создание оросительных каналов и пр.). Так, на о-ве Кодзима в префектуре Окаяма археологи обнаружили следы четырех царских владений (миякэ), о которых в „Нихонги" рассказывается под 556 г. [Hall, 1966, с. 47].

Раннее японское государство находилось в сложных и не всегда ясных отношениях с общественным производством. Прямое и непосредственное участие государства в общественном хозяйстве в широком смысле слова осуществлялось прежде всего через царское хозяйство, являвшееся частью всего общественного производства. Поэтому рассмотрение проблемы целесообразно начать именно с царского хозяйства.

Почти полное отсутствие хозяйственной документации делает разработку темы применительно к племенному союзу Ематай (Яматай) во II—III вв. малоперспективной. По китайской летописи „Вэй чжи", в распоряжении правительницы Химико находилось немало рабов: тысяча рабынь прислуживала ей при жизни, сотня закопана в кургане, десятки посылала она в дар за рубеж. Эти рабы, очевидно, были изъяты не только из общественного распоряжения, но и из общественного производства [Исимода, 1962, с. 13], поэтому вопрос о них для темы статьи мало полезен, если не считать напрашивающегося предположения: возможно, только в указанных функциях рабы ускользали из общественного производства, но они могли иметь и иные функции — производственные. Тот же источник в неясной фразе вроде бы говорит о наличии в Ематай и в союзных владениях рынков (и, может быть, амбаров) и о контроле над рынками и сделками со стороны особых должностных лиц правительницы. В наименовании этих лиц (ники) во владении Идзу видят искаженное „инаги", понимаемое как „царские амбары" [Japan, 1951, с. 17]. С известной осторожностью можно допустить существование контроля правителей владений на севере Кюсю во II—III вв. над сделками и рынками, а может быть, даже появление царских амбаров, т. е. собственно царского хозяйства. Перечень подарков, отсылаемых за рубеж, однотипность бронзовых изделий (зеркал, наконечников копий, мечей), погребальных урн, керамики типа яён, обнаруженных археологами, — все это говорит в пользу какого-то регулирующего начала [Узмура, 1968, с. 151].

Царское хозяйство, о котором мы имеем более или менее систематизированное представление, связано с иной территорией Японского архипелага — с о-вом Хонсю (точнее, с его центральной и юго-западной частью), включая и Северный Кюсю, с другим политическим образованием — с режимом Ямато и с более поздним временем — реально с V до середины VII в. В общем виде оно состояло из царских округов (миагата), из царских амбаров (в расширенном смысле — из владений вообще, т. е. из миякэ), из потомственных (микосиро) и из именных кормильцев (минасиро), из царских корпораций земледельцев (та-бэ), из корпораций ремесленников, местных (томо-бэ) или переселившихся с материка (сина-бэ). Префикс „ми" указывает на царскую принадлежность той или иной категории более широкого назначения, например насиро и пр. Не все части единого целого появились и развивались одновременно, име-

ли одинаковый вес в этом целом на протяжении веков, да и само целое все время видоизменялось.

Древнейший вид владения правителя-царя — царский округ (миагата). Он как будто выделялся царю при вступлении в должность вождями крупных кланов и отбирался после его смерти или смещения [Okubo, 1894, с. 15]. Замечательная его особенность — временный характер и целевое назначение: снабжать царя рисом. Известны названия шести таких округов, просуществовавших до реформ Тайка в 646 г.: Такэти, Кудараки, Тоти, Сики, Яма-но бэ, Сопу [Хондзё, 1927, с. 21]. Однако сведения о них, в том числе и приведенные выше, носят предположительный характер. Царские округа являлись частью общей древней системы округов (агата) и провинций (куни).

Следующим шагом в развитии царского хозяйства стали царские владения (миякэ). От царских округов они отличались значительно более сложной структурой. По точному значению термина „миякэ" — это царское строение, в данном случае для хранения зерна, т. е. амбар. Происхождение этого зерна могло быть разным: оно поступало либо с царских полей (мита), в том числе и из упомянутых выше царских округов, либо от вождей кланов и царских должностных лиц в виде даней-налогов. Первый вариант, по-видимому, сделался ведущим, и произошло то, что понятие царского поля и царского амбара стало единым, а сам термин „миякэ" стал определять новое понятие — „царское владение". В классической форме царское владение включало царские поля, царские амбары и землепашцев, обрабатывавших эти поля (та-бэ). Возможно, с этими владениями связаны ремесленники, содержавшиеся за счет урожая с полей, в обработке которых они также могли принимать участие (томо-бэ, сина-бэ), воины, расквартированные вокруг таких владений. В источниках термин „миякэ" не всегда четко различается как амбар и как владение, но в целом по частоте применения, беспорно, понятие „царское владение" перекрывает первичное значение „царский амбар" и даже другое, вполне самостоятельное — „царское поле". Разумеется, в источниках нередко значения „амбар", „поле" выступают на первый план. Это царский амбар в деревне Кумз (3 г. до н. э.?), амбары царя Кэндзо, созданные в 485—487 гг. в уезде Минаги провинции Харима, по названиям которых одна из деревень получила название Миякэ, а другая — Микурао (букв. „царская кладовая") [Древние фудоки, 1969, с. 108]. Показателен также эпизод со ссылкой пяти управляющих провинциями при Нинтоку в провинцию Харима, где они должны были пахать царские поля, урожай с которых складывали в царские же амбары Сиката и Каваракy [Древние фудоки, 1969, с. 79]. Известны конфликты, связанные с такими царскими полями в 310—312 гг. (?) и в 534 г., о которых речь пойдет дальше.

Хронология важнейших событий, связанных с появлением царских владений, по „Нихонги", неутешительна. Первое царское владение датируется в этом источнике 3 г. до н. э. (?). Как и почти все важные для династии события, настоящее отнесено, хотя бы в его истоках, к седой древности. Поэтому уже на заре японоведения европейские исследова-

тели остерегались соглашаться с такими датировками: они их просто упоминали [Florenz, 1890, с. 181]. Царский амбар, по „Нихонги", был построен в этом году в деревне Кумэ. Деревня с таким названием существует и поныне в префектуре Нара. В 127 г. (?) царь Кэйко распорядился, чтобы „каждая провинция создала царские амбары и земледельческие корпорации" [Nihongi VII, 37]. Число провинций для этого времени неизвестно, и сомнителен сам факт их существования. „Кодзики" частично подтверждают это сообщение, относя его к Ямато [Kojiki 78—7], топоним приложим как к стране в целом, так и к конкретной провинции. В первые годы правления Нинтоку, в 310—312 гг. (?), „Нихонги" фиксирует конфликт при образовании очередного царского владения. Характер конфликта свидетельствует, что создание таких владений не стало еще повседневным делом, но именно с этого времени упоминания в „Нихонги" о царских владениях становятся частыми, тогда как до этого такие упоминания единичны и разорваны во времени. Это позволяет отодвинуть дату появления царских владений к IV в. Хотя владения были ликвидированы в ходе реформ Тайка (646 г.), но отдельные царские поля были сохранены.

Истоки возникновения, как и механизм образования царских владений, отличались сложностью. Если возникновение царских округов источники как-то связывают с коллективной волей кланов, то инициатива (и право) создания царских владений целиком переданы правящему царю. Такие владения создавались на целине, на обрабатываемых клановых землях, на конфискованных или получаемых „в дар" угодьях. Так, в 310—312 гг. (?) вызвали земледельческие корпорации (та-бэ) из области Цукуси (на севере о-ва Кюсю) для подъема царской целины на холме (!) Са в уезде, Ибо в провинции Харима ([Nihongi, XI, 3], ср. [Древние фудоки, 1969, с. 85]). В 534 г. царь Анкан указом выделил участок земли владения, доход с которого должен был пойти на сооружение „Перечного дворца", посвященного царице. Однако землю решено было выделить не из существовавших уже царских владений, а из других. Посланный царя обратился к местному должностному лицу в провинции Кавати, к Адзихари-атаэ, с предложением „пожертвовать" царю „жирное поле Кидзи". Неясно, кому оно реально принадлежало, но Адзихари отговорился тем, что поле трудноорошаемо и малоурожайно [Nihongi XVIII, 3]. Лишь почти через полгода сумели отыскать хорошее рисовое поле площадью около 40 тё (≈ 40 га), которое владыка округа Ихибо согласился уступить царю. По этому поводу Анкан через своего приближенного передал: „Из всей земли нет и клочка, который не был бы царским пожалованием; под Небом нет местности, которая не была бы царской" [Nihongi XVIII, 4—5] — и счел Адзихари недостойным его поста. В этом эпизоде отражена как претензия царя считаться верховным собственником всей земли — в соответствии с китайской государственной доктриной, так и реальная ситуация, при которой местные вожди кланов, даже облеченные царскими распорядительными функциями, на земельный вопрос смотрели по-своему.

Высказанную выше претензию Анкан подкрепил в следующем, 535 г., объявив о создании 26 новых царских владений в 13 областях и провин-

циях (куни, согласно „Нихонги"): в Цукуси — 2 владения, в Тоё — 5, в Хи — 1, в Харима — 2, в Киби — 5, в Ата — 2, в Ава — 1, в Ки — 2, в Танива — 1, в Оми — 1, в Овари — 2, в Камицукэну — 1, в Суруга — 1 владение, неизвестно на целине или на распаханных землях [Nihongi XVIII, 3]. Были выбраны провинции от о-ва Кюсю до Восточного Хонсю, в которых власть царя казалась наиболее прочной. Это вселяло надежду на благоприятное завершение предприятия, поскольку эпизод, происшедший в предыдущем году давал основание сомневаться в этом. По крайней мере в части вновь образованных царских владений работали несвободные из корпораций; такие владения получили названия по корпорациям: Касуга-бэ, Коси-бэ, Итоси-бэ, Кава-бэ [Nihongi XVIII, 8]. По „Харима фудоки", местный деятель Осивакэ избежал наказания, „подарив" царю Одзину (270—310 гг. ?) 20 тыс. сиро рисовых полей (что-то около 200 га?) [Древние фудоки, 1969, с. 76].

Хотя источники упорно настаивают на том, что только царь создавал миякэ и распоряжался ими, некоторые такие миякэ как будто находились в ведении членов царского клана, например Ямато-такэру, даже клановой знати, в частности у Мура-авасэ при Ритю (400—405 гг. ?). После гибели царя Анко его приближенный Тубура выдал свою дочь за будущего царя, дав в приданое пять миякэ неизвестного происхождения [Kojiki 125—13]. В 528 г. некий Кудзу, сын мятежника Иваи, откупился от наказания, уступив царю миякэ Касуя [Nihongi XVII, 21]. Такие случаи часто встречаются в „Нихонги", но нигде не раскрывается, каким образом миякэ попали в распоряжение лиц нецарского клана. Возможно, имело место присвоение как следствие поручения управлять миякэ или в результате размещения миякэ в зоне влияния главы клана. Некоторый свет на эту загадку бросает конфликт, возникший в первые годы правления Нинтоку, в 310—312 гг. (?).

Член дома правителя стал претендовать на управление „царскими полями Ямато" (Ямато-но мита) на том основании, что некогда они числились за горной опекой („лесничеством"). После расследования, как утверждает „Нихонги", выяснилось, что еще при Суйнине (29 г. до н. э.? — 70 г. н. э.?) существовал указ, закреплявший „царские поля Ямато" за правящим царем и только за ним, но не за членом его дома, даже не за сыном царя [Nihongi XI, 3]. В этом конфликте важны несколько обстоятельств. Первое, спорное поле названо „Ямато-но мита" — приведенный выше перевод отчасти передает оттенок оригинала: не просто царская, т. е. коронная, земля (мита), но земля государства (Ямато), якобы прежде находившаяся в ведении какого-то „лесничества", — в этом отношении земля напоминает царский округ. Сомнение в принадлежности земли и послужило основанием для претензий члена царского дома. Второе, якобы еще в далеком прошлом такие земли были закреплены за царем. Третье, на деле даже спустя столетия новое отношение к этим землям еще не закрепилось и его приходилось отстаивать. Отношение к этим землям как к личному временному владению на определенных условиях, по-видимому, еще не было целиком вытеснено принципом частной потомственной собственности царя.

Существенное значение приобретает вопрос о распространении царских владений во времени и в пространстве. Летописные сведения сообщают о создании царских владений „во всех провинциях" и под 127 г. (?), и под 607 г. [Nihongi VII, 37; XXII, 18], но зто всего лишь декларация. Нет даже приблизительных данных об общем числе зтих владений. В разгар реформ Тайка, в 646 г., член царствующего дома демонстративно вернул государству 524 человека зависимых (ири-бз) и 181 царское владение [Nihongi XXV, 28]. Последняя цифра (а она единственная), как считают, дает некоторое представление о возможном числе таких владений в царском доме [Asakawa, 1963, с. 78], но с перечнем известных по литературе владений зта цифра никак не согласуется.

Царские владения, судя по „Нихонги" и „Кодзики", появились уже в IV в., первоначально на плодородной и хорошо орошаемой равнине Кавати. В первой половине V в. во многих пунктах Внутренних провинций (Кинай) — ядра образования Ямато (провинции Ямасиро, Ямато, Кавати, Сзтцу, Идзуми) — существовали зти владения. Они широко распространились по стране в VI в. Во второй половине VI в. они концентрировались в Западной Японии, а в первой половине VII в. — в Восточной Японии [Харасима, 1977, с. 21]. При картографировании той полсотни царских владений, которые удается привязать к конкретной территории, выясняется, что царские владения зафиксированы в пяти северных и центральных провинциях о-ва Кюсю, в восточной провинции о-ва Сикоку — в Ава, в западных провинциях о-ва Хонсю, расположенных по побережью Внутреннего Японского моря, кроме крайней юго-западной оконечности острова, в центрально-восточной части о-ва Хонсю — в Кинай и к востоку от него, наконец, в ряде провинций Восточной Японии [Воробьев, 1980, с. 166, карта].

Зональное распространение царских владений, охарактеризованное выше, подтверждается археологическими обследованиями. В Центральной Японии зона обнаружения железных криц в курганах зтой зпохи ограничена провинциями Ямато, Кавати, Идзуми (с центром в Кинай) и Оми. Эти железные крицы по форме очень похожи на корейские, обнаруженные в Кёнджу и в Тзгу в Корее, и, вероятно, корейского происхождения. В двойном кургане Уванабз из могильника Сакинатзнами в префектуре Нара (провинция Ямато) обнаружено много таких криц. Курган, несомненно, принадлежал представителю царского дома или по крайней мере высшей знати средчего периода курганной культуры, и может быть датирован V в. [Исимода, 1962, с. 19]. Кроме очерченного района в то время существовали и другие районы добычи железа и изготовления железных орудий — равнины современных Осака, Окаяма, Северного Кюсю [Исимода, 1962, с. 21]. Но к зтим районам, очевидно, не относилась историческая область Киби (провинции Бидззн, Биттю, Мимасака), одно время претендовавшая на первенство в стране.

Поскольку появление и распространение царских владений в Ямато совпадало с наступлением раннего железного века в стране (по принятой в Японии терминологии, курганной культуры), предпочтительное использование в царском хозяйстве железных земледельческих орудий могло

оказать существенное стимулирующее действие на развитие такого хозяйства. Это предположение имеет дополнительное обоснование. В „Нихонги" под 534 годом употребляется термин „мотыжники" (куваёборо), в более широком смысле слова — землепашцы. Этих людей направляли для обработки земли в царские владения [Nihongi XVIII, 7]. Известное царское владение в Нанива (современный г. Осака) эксплуатировало таких землепашцев. Управляющий провинцией Кавати весной и осенью посылал по 500 „мотыжников" в царское владение Такао на о-в Мисима в провинции Сэтцу. Мотыги, давшие профессиональное название целой категории работников, — орудия железные, найденные на археологических памятниках.

Другим важным археологическим свидетельством зонального размещения царских владений являются сами курганы. Обнаружение значительного скопления мелких курганов служит довольно надежным признаком существования в таком районе царского владения и наоборот: в месте расположения царского владения обычно скопление мелких курганов. В известном царском владении в Сираи (провинция Биддзэ) насчитывается свыше 400 курганов, близ аналогичного владения в Кагосима — более 300 [Харасима, 1977, с. 21—22]. Эти курганы принадлежали воинам, жившим в этих владениях, где они получали все необходимое: пищу, провиант, оружие. В период, когда войска требовались на западе для освоения и обороны о-ва Кюсю, для обеспечения пути на континент, наконец, для участия в делах Корейского полуострова, происходила и преимущественная концентрация царских владений (и сопутствующих мелких курганов) на западе. Когда эти цели были достигнуты или утратили часть своего значения, концентрация владений и курганов стала характерной для Центральной Японии, откуда теперь велось освоение восточных территорий (Тогоку).

С начала VII в. скопления мелких курганов постепенно исчезают, а железные земледельческие орудия входят в обиход рядовых земледельцев [Харасима, 1977, с. 35—37]. Обитателей царских владений, а также, как увидим дальше, и привлеченное население все чаще и чаще стали использовать для подъема целины, ирригационных работ, поливного рисосеяния. В результате экономический вес царского клана возрастал.

Значительный интерес представляет размещение царских владений относительно системы округов (агата) и провинций (куни) и роль владык округов (агата-нуси) и управляющих провинциями (куни-но мияцуко), т. е. полунезависимых глав кланов и этих земель, в организации царских владений. Между царскими владениями и округами существовала тесная связь. Некоторые японские историки даже склонны отождествлять эти два явления, основываясь на топонимическом сходстве (см. [Харасима, 1977, с. 145]). Но это явное преувеличение: даже территориально два образования не полностью совпадают. Современные исследователи говорят о 32 царских владениях, для которых источники сохранили названия округов при указании на уезд и провинцию (традиционные или позднейшие) их местонахождения; в ряде случаев в одном уезде оказалось несколько царских владений [Харасима, 1977, с. 145—146, табл. 6]. 45 царских вла-

дений в источниках не увязаны с округами и провинциями — древнейшим административно-территориальным делением страны. На основании этих данных можно говорить о трех зонах: 1) зона совмещения или сближения округов и царских владений: область Цукуси, провинции Овари, Кавати, Хиго; 2) зона, где отсутствует сближение округов и владений: провинции Исэ, Ямасиро, Бидзэн, Бинго, Окума, области Санъёдо и Санъяндо; 3) зона, где отсутствует какая-либо связь между царскими владениями и округами [Харасима, 1977, карта 1, с. 148—149]. Можно заметить, что влияние царского дома на полунезависимые (и получастновладельческие) округа и осуществлялось через царские же владения в той степени, которая выражена зонами совмещения.

При анализе данных о соотношении между царскими владениями и округами выясняется, что из 96 царских владений 33 владения располагались в пределах округов (34 %). В девяти провинциях — Синано, Кага, Идзумо, Мино, Иё, Хидззн, Сацума, Цусима, Ики — известны округа, но неизвестны царские владения. В 16 провинциях, из которых 11 располагались к востоку от Внутренних провинций, известны царские владения, но неизвестны округа [Харасима, 1977, с. 303—306]. Напрашивается вывод, что в период возникновения округов образовался временной разрыв перед появлением царских владений. Округа группировались в основном в Западной Японии, царские владения — в Восточной. С середины V в. и до первой половины VI в. могущество царского клана росло в Западной Японии, где были округа (в том числе и в форме миагата). Со второй половины VI в. и до середины VII в. это могущество нашло себе опору в центрально-восточной части Японии. Провинции и особенно их управляющие тоже обнаруживают связь с царскими владениями. Сама система управляющих провинциями развивалась бок о бок с царскими владениями, а в Восточной Японии провинции, похоже, и создавались на базе этих владений: в настоящее время 118 царских владений надежно увязываются с 53 провинциями [Харасима, 1977, с. 294—300].

Классификацию царских владений проводят по разным признакам. В основном выделяют владения: а) хозяйственного; б) военно-политического; в) административного назначения [Исимода, 1962, с. 20]. Однако чаще владения отличались многоцелевым назначением: лишь немногие поддаются размежеванию по указанным признакам. При зтом с V в. хозяйственное назначение стало основным для большинства владений.

Есть и другая классификация, позволяющая более четко различать эти владения: 1) владения, находившиеся под надзором владык округов и управляющих провинциями; 2) владения, над которыми царь осуществлял контроль через особых управляющих; 3) владения чисто политического характера, обширные территории, непосредственно подведомственные царю [Кокка, 1954, с. 184—185].

Царские владения 1-го типа находились на землях, которые владыки округов или управляющие провинциями считали своими, клановыми, или по крайней мере подконтрольными прежде всего им. Контроль распространялся и на людей, занятых в этих владениях, — на землепашцев или на корпорантов. Передавая какую-то долю доходов с владения царю, местные

должностные лица (они же главы кланов) сохраняли в этих владениях структуру, наиболее им удобную.

Царские владения 2-го типа находились в ведении особой конторы царских владений (миякэ-си), которая направляла на места своих людей — управляющих владениями (тоцугаи или дзнрё, токурё). Эти последние комплектовали земледельческие корпорации, составляли подворные списки работников, прикрепленных к владению, выделяли землю для обработки, давали задание („урок"), собирали дани и налоги в амбары всецело для царя и обеспечивали сохранность урожая и его распределение: для нужд двора, царского окружения и должностных лиц, для содержания воинов, на ссуды местному населению, для ликвидации нехватки зерна в других районах и т. п. ([Харасима, 1977, с. 22], ср. [Wedemeyer, 1930, с. 283 и сл.]). Такие владения хорошо представлены на территории исторической области Киби (провинции Бидзэн, Бинго, Биттю, Мимасака) — второй по значению после области Ямато и соперничавшей с последней. После мятежа Иваи — управляющего областью Цукуси на о-ве Кюсю — в 526—528 гг. режим Ямато предпринял шаги по ликвидации сепаратизма в Киби. В 555 г. в пять уездов (округов) Киби поехали царские уполномоченные, которые и заложили здесь новое царское владение Сираи [Nihongi XIX, 48]. Владение обеспечивало связь резиденции царя в Ямато с Северным Кюсю, откуда поддерживались отношения с материком, и опеку над кланом Киби. На следующий год четыре царских владения появились неподалеку от Сираи, на о-ве Кодзима. По-видимому, на первых порах дела в Сираи пошли не гладко, прежде всего со снабжением владения рабочей силой. Поэтому в 569 г. из центра сюда прибыл особый инспектор с помощником из корейских переселенцев. Они провели перепись дворов земпепашцев, посадили их на землю и обложили налогом [Hall, 1966, с. 47, 52].

Что касается царских владений 3-го типа, то в 200—201 гг. (?), по „Нихонги", государство Пэкче на Корейском полуострове получило в Ямато статус „заморского царского владения" (Вата [ри]-но миякэ [Nihongi IX, 12]) — факт, подтверждаемый и „Кодзики" [Kojiki 94—6]. В 591 г. на совете по инициативе царя Судзюна было принято решение объявить царским владением заморскую территорию на Юге Кореи — Мимана, или Имна [Nihongi XXI, 15]. Отвлекаясь от вопроса о достоверности двух этих мероприятий, тем более от значения вассалитета, которое вкладывается в них в „Нихонги", нам сейчас важен чисто политический смысл мероприятий, привязывавших огромные территории к царскому клану на уровне царских владений и даже более прочно, чем многие земли в самой Японии. Неудивительно, что владения 3-го типа и терминологически — в чтении или в иероглифическом оформлении — обозначены в „Нихонги" несколько иначе по сравнению с обычными царскими владениями. Так, в случае с Пэкче упомянутое выражение читается японскими комментаторами „Нихонги" как „ути [цу] миякэ" и может быть понято как „внутреннее (в смысле особое) царское владение". Совершенно очевидно, что это понятие (если оно не миф) имело на Корейском полуострове сложную смысловую нагрузку, но без какого-либо хозяйственного оттенка [Iyanagi, 1964, с. 20].

Вопрос о доходах с царских владений непрост. Эти владения не напоминали имения, весь урожай и доход с которых целиком принадлежали владельцу. Поэтому способ изъятия доходов с царских владений связан с проблемой налогообложения в стране в целом. Источник возводит происхождение налогов и повинностей (как и всего существенно важного) к легендарной дате — к 86 г. до н. з. „Полагаю нужным, — якобы заявил Судзин, — провести новую (!) регистрацию населения и ознакомить его с разрядами старшинства и с правилами отработок (этати)", а через полгода „начата перепись населения и по-новому установлена дань (мицуги)". Она получила название дани „с лука" (с мужчин) и дани „с пальцев" (с женщин) [Nihongi V, 15]. Несмотря на подтверждения этого сообщения другим источником [Kojiki 68–6], вся ситуация мало вероятна. Однако упоминания отработок и даней встречаются и далее в „Нихонги". Значительно реже говорится о налоге с поля (татикара, тикара). Первая такая ссылка связана с сомнительной датой — 319 гг. [Nihongi XI, 11], последующие — с V–VI вв. Однако ни слишком ранние даты появления отработки и дани, ни относительно поздние даты освоения налога с поля нельзя признать достоверными [Танаами, 1970]. В 535 г. царь Анкан назначил двух должностных лиц собирать земельный налог в царских владениях [Nihongi XVIII, 9]. Уже говорилось, что во владении Сираи вводились регулярные налоги. Земельный налог собирали рисом и другими зерновыми. Иногда он имел вид подношения, платы за аренду земли, прямого налога. В понятие другие продукты питания, которыми тоже вносили этот налог, входили дары моря, рек, лесов, гор, например из царского владения в Авадзи [Naoki, 1968, с. 11–12]. Дани собирались изделиями сельского ремесла: тканями — из владения в Восточной Японии, продуктами промыслов: жемчугом — из Исими в провинции Кадзуса [Nihongi XVIII, 2], железом — из Сираи, с о-ва Кодзима [Naoki, 1968, с. 14–15]. Неизвестно, какая часть урожая изымалась у непосредственных производителей. Сомнительно утверждение, что царь довольствовался 3 % налогом со своих владений [Aoki, 1974, с. 62].

Царские округа, амбары, поля, владения были мало полезны без людей, которые одни оживляли, приводили в действие всю структуру. Это не скрывают и летописи: в приведенной выше цитате одно из наиболее ранних (127 г.?) мероприятий по созданию царского владения уже связано с организацией земледельческих корпораций [Nihongi VII, 37]. Это полусвободные земледельческие корпорации до середины VII в. оставались основными постоянными объединениями работников, трудившихся на землях царского клана. Земледельческие корпорации из местного населения — в далеком прошлом членов распавшихся, побежденных кланов — либо принадлежали царскому клану до его возвеличения, либо формировались вновь за счет подневольных в составе местных кланов, преступников, переселенцев. В 400 г. (?) рыбаков за провинность превратили в земледельческих корпорантов в царском владении в провинции Ямато [Nihongi XII, 6]. В 556 г. были созданы земледельческие корпорации из пэкчийцев и когурёсцев, прибывших с Корейского полуострова [Nihongi XIX, 49]. К 569 г. относится регистрация подневольных тру-

жеников в земледельческих корпорациях знаменитого царского владения в Сираи [Nihongi XIX, 58]. Такие корпоранты не были связаны кровными узами с полноправными кланами, узами, столь ценимыми в родоплеменном и раннеклассовом обществах; их могли переселить в другое место, как это и сделали в 310—312 гг. (?) с обитателями области Цукуси, переселенными в провинцию Харима. Но работали они, похоже, „с урока'', часть урожая оставляли себе на пропитание, а другую часть, по-видимому твердую, вносили царским уполномоченным.

Развитие системы царских владений имело очень важное значение для укрепления царской власти и для ее функционирования. Такие владения не только давали этой власти экономическую базу, служили средством политического нажима на местные кланы, обеспечивали снабжение царских дружин [Mitsuhashi, 1966, с. 57, 58, 61, 63, 64], но и меняли само отношение к земле. Земли кланов считались в принципе общими, хотя и находились в эту пору в преимущественном распоряжении глав кланов. Царские земельные владения постепенно все более выпадали из этой системы. Они оказывались под неким государственным контролем, на деле же становились частными наследственными землями царского дома [Hall, 1966, с. 47—48]. Уже в середине VI в. царские владения имели идеологическое обоснование: они были увязаны с натурфилософией — с теорией пяти элементов [Харасима, 1977, с. 287], а на практике — с китайским принципом верховной собственности государя на землю ([Nihongi XVIII, 4—5], ср. [Florenz, 1890, с. 173]). На этих основаниях расширение власти царского клана стало зависеть не столько от величины самого клана, сколько от сети царских владений [Конрад, 1974, с. 369].

Царское хозяйство не ограничивалось земельными владениями и людьми, непосредственно обслуживающими эти владения, и земледельческими корпорациями. Оно включало также категории населения, личная зависимость которых от царского дома выступала на первый план, меняясь от одной социальной группы к другой. Прежде всего надо сказать о двух любопытных категориях несвободных в царском клане: о минасиро и микосиро. Современные этимологические японские словари раскрывают значение этих терминов примерно как „царские именные (или соответственно потомственные) кормильцы''. Это были корпорации, обязанные своим трудом доставлять все необходимое для какого-либо члена царского клана (именные) или для бездетного царя (потомственные), дабы имена тех и других „не исчезли в веках''.

Как известно, забота о сохранении „навечно'' имени рода относилась к числу важнейших в родо-племенных и раннеклассовых обществах. Поэтому не случайно к легендарному Суйнину (29 г. до н. э. — 70 г. н. э. ?) отнесено первое по времени сообщение о том, что, поскольку его сын Итоси-вакэ-но мико не имел детей, учредили корпорацию Ито-бэ в качестве его потомственной [Kojiki 69—20]. Первые упоминания о минасиро встречаются в источниках спустя примерно триста лет, что не делает дату их появления более достоверной. При Нинтоку их создали для царицы, для наследника — в 319 г. (?) [Nihongi XI, 10], для трех членов царского дома [Kojiki 109—11—14].

Современные японские историки не без основания считают, что время появления кормильцев следует относить к более позднему периоду, например к правлению Киммэя (540–571), который имел 25 детей и усиленно увеличивал число царских владений, или по крайней мере к правлению Кэйтая (507–531), когда генеалогическая связь с предшествующими правителями прервалась и Кэйтай должен был как-то реставрировать ее [Харасима, 1977, с. 17–18, 202]. Попытки такой реставрации объясняют и существование кормильцев с именами очень древних правителей, именами, присоединенными к корпорациям, по-видимому, позднее. Однако вовсе отрицать существование кормильцев до VI в. не приходится: в „Кодзики" прямо говорится о создании корпорации царских потомственных кормильцев при бездетном царе Бурэцу (499–506) [Kojiki 141–2], в то время как прямых данных об аналогичных событиях при Киммэе и Кэйтае как раз нет. Да и сам исследователь, как мы увидим дальше, при классификации кормильцев допускает более древний период их существования.

Обычно царских кормильцев делят на: 1) кормильцев, связанных с именами членов царского дома, особенно с правления Киммэя, т. е. с VI в.; 2) кормильцев, связанных с названиями царских дворцов-храмов, т. е. с начала VII в.; 3) кормильцев, связанных как с именами царей, так и с названиями дворцов-храмов; это архаичная и довольно редкая категория, существовавшая до V в. включительно [Харасима, 1977, с. 205, табл. на с. 207–209, 211].

Характеристика кормильцев обеих категорий во многом зависит от места, которое им отводят конкретные исследователи во всей системе несвободных корпорантов (бэминов), в том числе только царских (томо-бэ) и рабов (яцуко, нухи). Сторонники расширительного понимания ситуации относят к корпорациям кормильцев значительную группу корпораций, в источниках корпорациями кормильцев не именуемых, но по роду занятий связанных с царским двором и окружением [Харасима, 1977, с. 17]. Так, особо выделяется роль корпорации кормилиц царских детей (Мибу-бэ), которую прямо называют разновидностью корпораций царских именных кормильцев [Харасима, 1977, с. 34]. Впервые она упомянута в „Нихонги" под 319 г. (?) [Nihongi XI, 10], а в 607 г. ответвления корпорации Мибу-бэ широко распространились по всей стране [Nihongi XXII, 17]. Другие авторы справедливо отмечают: если уж привязывать кормильцев к корпорантам, то — к царским (томо) [Inoue, 1977, с. 89–90]. Запутывает ситуацию и то обстоятельство, что в источниках названия групп кормильцев нередко снабжены показателем корпорации — окончанием „бэ" (Тадзихи-бэ, Мибу-бэ и т. д.). Корпорации кормильцев, конечно, часть категории корпораций, но часть особая, выделенная некогда по признаку, который считался чрезвычайно важным, и вряд ли стоит смешивать их с другими, рядовыми корпорациями.

Корпорации кормильцев создавались двумя путями: либо такая корпорация формировалась заново, чаще всего из переселенцев, но иногда из местного населения, и тогда такая корпорация становилась полностью царской (томо), во главе ее стоял управляющий царской корпорацией

(томо-но мияцуко), либо существовавшая корпорация или группа людей, подчиненная местным властям или кланам, объявлялась кормильцами, и тогда зта корпорация оставалась на попечении управляющего провинцией (куни-но мияцуко), который и пересылал двору плоды ее труда. Так, некая корпорация в правление Хансё (406—411) по его личному имени Тадзихи стала называться Тадзихи-бз и была расселена „по всем провинциям", и лишь с зтой поры Хансё стал реальным владельцем зтой корпорации, обязанной обеспечивать членов царского клана горячими ваннами [Харасима, 1977, с. 186]. Из 22 случаев создания аналогичных корпораций обеих категорий кормильцев половина приходится на время с Нинтоку до Анко (313?—456) и с Юряку до Сусюна (457—592). Причем в первом случае зти корпорации служили действительно для поддержания царских родичей, но во втором — содержали обслуживающий персонал царского дома [Воробьев, 1980, с. 168—169].

Проведенные исследования распространенности 29 корпораций царских кормильцев (включая и некоторые, в источниках не называемые кормильцами) показывают, что расцвет подобных корпораций приходится на VI в., позднее их численность падает до 60 % от прежней (здесь и далее в округленных цифрах). В VI в. изо всех упоминаний подобных корпораций на Западную Японию приходится 17 %, на Центральную (Кинай) — 50 %, на Восточную (Тогоку) — 33 %. В последующую зпоху зто соотношение изменилось: 20 %, 40 %, 40 %. Это свидетельствует о неуклонном переносе мест обитания кормильцев сначала с запада в центр о-ва Хонсю и уже оттуда на восток. Корпорации кормильцев были тесно связаны с царским кланом: их размер зависел от положения члена царского клана, после смерти владельца корпорацию делили между наследниками, даже гибель целой ветви клана не выводила корпорацию за пределы владения клана в целом. В центральных провинциях, в некоторых соседних (Сацума, Танго), на о-ве Сикоку зти корпорации почти не знали власти управляющих провинциями [Харасима, 1977, с. 236, 226—228]. Кормильцы находились в каких-то не до конца ясных отношениях с царскими владениями. При Анкане (534—535) в уезде Ибо провинции Харима существовала деревня Микосиро, где было такое владение [Древние фудоки, 1969, с. 81].

Рассмотрим и корпорации, сформированные из переселенцев (сина-бз). Они обладали более выраженными корпоративными признаками, нежели корпорации кормильцев; их связь с царским кланом была не столь исключительна, как у корпорации кормильцев, хотя и оставалась предпочтительной; среди всех корпораций зти отличались наиболее четкой профессиональной ориентацией. По обобщенной зтнической принадлежности переселенцев причисляют к китайцам и корейцам. Первых „Нихонги" различала по династийной принадлежности (весьма условно) как подданных династии Цинь — циньцев (яп.: хата) или подданных династии Хань — ханьцев (яп.: ая), а также „новых ханьцев" (яп.: имаки-но ая). Хата и ая, по зтому источнику, переселились в Японию с Корейского полуострова: первые около 283 г. (?), вторые — около 289 г. (?). В действительности, по-видимому, на столетие позднее начались и до VIII в. продолжались пульсирую-

щие миграции, в которых участвовали и жители корейских государств [Lewin, 1962, с. 190—193]. Число переселенцев точно установить невозможно. Считается, со ссылкой на перепись 540 г., что одних циньцев было 7053 двора [Nihongi XIX, 4]. По мнению некоторых исследователей, они составляли около 3% от податного населения страны [Aoki, 1974, с. 71]. По более позднему источнику — „Синсэн сёдзи року" („Новому реестру кланов и фамилий"), на 815 г. циньцев числилось 18 670 человек, объединенных в 92 корпорации. „Кого сюи" („Дополнения к сказаниям о старине") на 808 г. насчитывает ханьцев десятками тысяч [Florenz, 1919, с. 442 и примеч. 180].

Корпорации эти создавались сразу же по прибытии партии переселенцев по указанию царя, расселялись и переселялись таким же путем, но преимущественно в районах, тяготевших к царской резиденции: во Внутренних провинциях (Кинай), на побережье Внутреннего Японского моря (провинции Сацума, Бидзэн, Биттю), Японского моря (провинции Этидзэн, Тадзима), в Восточных провинциях (провинции Исэ, Мино, Микава) [Lewin, 1962, с. 49, 80]. Корпорации переселенцев находились в предпочтительном распоряжении царя и, реже, его ближайших сподвижников. Так, мощь клана Сога — ближайшего сподвижника и соперника царского клана — возросла именно благодаря корпорациям переселенцев [Aoki, 1974, с. 73]. Царскими корпорациями распоряжались особые управляющие — томо-но мияцуко (другое название корпораций переселенцев — томо, томо-бэ).

Состав корпораций переселенцев по профессиональному признаку мог быть самым различным. Выше мы уже упоминали земледельческие корпорации; это были низовые, наименее квалифицированные корпорации. Существовали корпорации неопределенной профессиональной ориентации, но сохранявшие в названии этнический признак: Ая-бэ, Хата-бэ [Lewin, 1962, с. 105, 122]. Кроме того, одноименные корпорации имели многочисленные местные ответвления: так, 17 корпораций переселенцев дали 234 ответвления, причем среди них попадаются названия традиционно японских корпораций: морская (Ама-бэ), горная (Яма-бэ) [Харасима, 1977, с. 20]. Около 463 г. пэкчийцы трудились в корпорациях гончаров, седельников, живописцев, парчовников, переводчиков [Nihongi XIV, 33], ткачей, портных, парикмахеров, виноделов, строителей дворцов и храмов, сборщиков налогов, казначеев, даже доставщиков изделий из Китая [Nachod, 1906, с. 215]. Члены этих корпораций, как считают, после выполнения „урока", возможно, работали на рынок [Aoki, 1974, с. 71].

Весьма заметна организационная роль переселенцев в царском хозяйстве. Они становились управляющими царскими корпорациями гончаров, седельников, живописцев, ткачей, парчовников, переводчиков, например в 463 г. [Nihongi XIV, 23], земледельцев, в частности в 569 г. [Nihongi XIX, 58]. Их деятельность ощущалась и за пределами корпораций, во всех отраслях культурного и хозяйственного обихода Ямато [Lewin, 1962, с. 103].

В орбиту царского хозяйства были вовлечены и многие рядовые корпорации (бэ), целиком или частично, причем некоторые из них были спе-

циально сформированы с этой целью, другие присоединены в готовом виде, третьи оставались в ведении глав кланов или управляющих провинциями, но часть труда или продукции отдавали царю и его близким. В 319 г. (?) созданы корпорация кормилиц Мибу-бэ [Nihongi XI, 10], в 10 г. (?) пожаловано принцу Инисики десять корпораций, по-видимому специально созданных: мастеров щитов, ткачей японской парчи, изготовителей священных луков и стрел, а также ювелиров, меченосцев, исполнителей жертвенных процедур и пр. [Nihongi VI, 23]. В 3 г. (?) послали гонцов собрать в провинции Идзумо сотню гончаров из одноименной корпорации [Nihongi VI, 19]. Правитель Одзин в 274 г. (?) велел провинциям создать морскую и горную корпорации для обеспечения двора продуктами рыбной ловли и охоты [Nihongi X, 4]. Важнейшую роль играли корпорации оружейников [Héber, 1911, с. 116].

В принципе создание корпораций как будто считалось прерогативой правителей [Asakawa, 1963, с. 63–66]. „Нихонги" отмечает лишь одно исключение: член царского клана Ямато-такэру в 110 г. (?) создал корпорацию лучников Юки-бэ [Nihongi VII, 32]. Но раз созданные, они могли принадлежать главам могущественных кланов на разных условиях. Ответвления корпорации гончаров в шести провинциях в 473 г. прямо названы частными. Может быть, поэтому их владелец вынужден был подарить эти корпорации царю [Nihongi XIV, 41–42]. В следующем году Мононобэ Мэ получил в подарок от царя Анкана корпорацию, отнятую в наказание у прежнего владельца [Nihongi XIV, 43]. Создание в 577 г. „Частной корпорации" (Си-бэ) для личных услуг царицы Суйко [Nihongi XX, 7] исследователи рассматривают как важный шаг на пути к усилению царской мощи.

Источники не выдерживают четкого терминологического размежевания даже при обозначении корпораций царских (томо, томо-бэ, минасиро, микосиро), нецарских (каки-бэ, насиро, косиро), смешанных (сина-бэ, бэ). Размежевание если и проводится, то между местными корпорациями (бэ) и придворными, дворцовыми (томо, томо-бэ), но не всегда последовательно, так как термин „управляющий корпорациями" (томо-но мияцуко) мог быть связан и с местными корпорациями, если они не находились под опекой управляющих провинциями (куни-но мияцуко). Отсюда в современной научной литературе возникло деление корпораций на даннические, или местные, и служилые, или дворцовые (ср. [Сырицын, 1970, с. 59; Inoue, 1977, с. 87–88]).

Роль рабов (яцуко, нухи, сэйко) в царском хозяйстве весьма скромна [Gonthier, 1956, с. 26]. В дотайковской Японии рабов вообще было мало, тем более по сравнению с VIII в., а имеющиеся выполняли в окружении царя и членов его клана функции прислуги, охраны, наложниц, гонцов и т. п. Отсутствуют сведения об участии рабов в земледельческих работах, почти не ощущается их деятельность в ремесле, они не упомянуты среди лиц, выполнявших массовые строительные и ирригационные работы [Хирано, 1962, с. 111–115].

Корпорации особо густо концентрировались во Внутренних провинциях — средоточии власти царского клана — и в прилегающих к ним провин-

циях. Они стали подлинной людской, экономической основой царской власти и всего режима Ямато в целом. Полагают, что в значительной степени благодаря системе корпораций Ямато обогнало в развитии корейские государства, по крайней мере на последней стадии, в VII в., и на пути консолидации страны и централизации власти (ср. [Исимода, 1962, с. 20]). Хотя само это мнение в основной своей части еще нуждается в доказательствах, роль корпораций в процессах консолидации и централизации оказалась значительной. Отсутствие тесных кровнородственных связей корпорантов с настоящими кланами выводило этих корпорантов из-под защиты клановых и общинных обычаев и порядков, столь сильных в ранних обществах. Объединение в корпорации еще более облегчало эксплуатацию их хозяевами — кланами всех рангов, и прежде всего царским.

Царское хозяйство в Ямато находилось в сложных отношениях с общественным. Эти отношения условно можно определить как производственные, организационные, репрезентативные, хотя четкого разграничения между конкретными проявлениями деятельности царского хозяйства и не всегда удается добиться. Наиболее очевидной для исследователя выглядит непосредственная производственная деятельность царской власти как распорядителя этого хозяйства в отдельных сферах хозяйства общественного. Это прежде всего относится к земледелию. Развитие поливного рисосеяния в стране неуклонно набирало силу как наиболее продуктивное. Однако оно требовало особого внимания к водному хозяйству, внимания, которое часто приобретало смысл лишь при значительных организационных усилиях или при непосредственном вмешательстве органов управления. Важность проблемы в целом нашла отражение в древнейших японских мифах. В мифе о Сусаноо это мятежное божество сломало запруды на рисовых полях, испортило оросительные каналы, открыло заслонки и спустило воду из водохранилищ, стало сеять по посеянному. Эти действия миф осуждает как антиобщественные, называя их „небесными грехами" [Florenz, 1919, с. 418]. В более позднее, но тоже легендарное время — в 6 г. Суйнин послал некое лицо в провинцию Кавати вырыть два пруда. Прочим провинциям велено было самим копать пруды и канавы. Легендарность датировки сочетается с фантастической оценкой исполненного — свыше 800 прудов и каналов [Nihongi VI, 22]. В 276 г. (?) канал копали корейцы, и он получил название ханского по названию племен хан в Южной Корее [Nihongi X, 5]. Подобные мероприятия проводились и в дальнейшем: в 324 г. (?) был вырыт „великий канал" в провинции Ямасиро, в 607 г. — четыре водохранилища в провинции Ямато, два в провинции Ямасиро, в 613 г. — еще три водохранилища [Nihongi XI, 13; XXII, 18, 27]. На фоне этих, по-видимому рядовых, работ выделяются более сложные. Самое раннее из них столь же легендарно как по времени, так и по манере изложения. В 200 г. (?) правительница Дзингу возделывала священное рисовое поле. Ей потребовалась вода из р. Накагава, и поэтому она велела рыть канал. Землекопы наткнулись на скалу, которую не могли пробить. И лишь после того как правительница пожертвовала богам свои регалии, молния якобы пробила скалу, и вода пошла [Nihongi IX, 5]. Сложные гидротехнические работы велись в правление Нинтоку. В

320 г. (?) корейские гидрографы прорыли отводной канал в дельте р. Ёдогава, где располагались порт и столица Нанива. Предпринятые работы преследовали несколько целей: улучшить судоходство в мелководной дельте, наладить орошение близлежащих земель и защитить низкие поля от наводнений. В 323 г. (?), после того как было установлено, что из-за дождя, паводка, прилива пашни сокращаются, велено было „прорыть канал до моря, отводящий прилив" [Nihongi XI, 11]. Спустя три года, в 326 г. (?), в провинции Кавати был прорыт большой канал, по которому хлынули воды р. Исикава и оросили четыре засушливые равнины в Судзука и Тоёра площадью в 40 тыс. цин. (т. е. 240 тыс. га) [Nihongi XI, 14]. Непосредственная заинтересованность владений этих районов в работах, отмеченных в источниках, не выявлена, но вполне допустима.

Для островного государства морские связи всегда имеют особое значение. Уже в 313 г. (?) в дельте р. Ёдогава рыли канал и сооружали плотину, благоустраивая гавань в Нанива. По реке, особенно после работ 320 г. (?), корейские и китайские корабли подымались в глубинные районы Японии. Неудивительно, что первые сведения о постройке кораблей отнесены к столь же легендарному времени, как и другие важнейшие мероприятия, — к 81 г. до н. э. В 274 г. (?) в Идзу как будто бы был построен корабль в 100 футов длиной, а в 300 г. (?) речь идет о 500 (!) крупных судах, якобы построенных в провинциях за 500 корзин казенной соли [Nihongi X, 18]. Более достоверны сведения о прибытии в 577 г. корабельщиков из Пэкче и о постройке в 618 г. судов в Анге [Nihongi XX, 7; XXII, 30–31].

Для гористой страны и внутренние пути сообщения требовали внимания властей. В 326 г. (?) проведена прямая дорога от царской резиденции в Нанива до деревни Тадзихи в провинции Кавати [Nihongi XI, 14]. В 613 г. ремонтируется дорога от Нанива до резиденции царей в провинции Ямато [Nihongi XXII, 27]. В двух последних случаях, возможно, речь идет об одной и той же дороге, причем протяженность ее по прямой могла составлять что-нибудь 60—80 км.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, по „Нихонги" и „Кодзики", создание царских владений происходило параллельно с работой по сооружению каналов и водоемов. Из 13 таких предприятий 8 прямо связаны с орошением и приходятся на очень длительный период, но, похоже, оба эти предприятия сознательно объединены в тексте „Нихонги", причем последнее представлено до известной степени как дело общественного значения [Харасима, 1977, с. 325–328]. Почти нет упоминаний об аналогичных работах, осуществляемых кланами, даже крупными. Возможно, они и проводились, хотя бы на простейшем уровне, но объемные работы оказались по плечу только царской власти [Kameda, 1960]. Вероятно, влияла и китайская идея: контроль над орошением — забота государя.

Одним из важнейших объектов гражданского строительства было возведение царских резиденций — у г. Нанива, в районе Асука (близ современного г. Нара). Резиденция состояла из нескольких царских дворцов, храмов (сначала синтоистских, а потом к ним прибавились и буд-

дийские), служебных и административных построек и требовала для своего сооружения организованного труда многих людей, включая и специалистов-строителей всех категорий. Объем таких работ выглядит тем более значительным, что, по ритуалу, каждому новому правителю-царю полагалось покидать прежний дворец, считавшийся нечистым, и переселяться во вновь отстроенный. По „Нихонги", уже Нинтоку перенес свою резиденцию во дворец Такацу в Нанива в 313 г. (?), причем из-за полевых работ стены остались неоштукатуренными, деревянные детали не декорированными, а крыша покрыта тростником [Nihongi XI, 6–7]. В 468 г. в районе Асука переселенцы возвели дворец Асукура (ныне его остатки в Хацусэ в префектуре Нара), который считается первым в Японии зданием в китайском стиле [Nihongi XIV, 34]. В 601 г. в этом же районе была начата постройка дворца Икаруга для Сётоку-тайси [Nihongi XXII, 6], остатки которого вскрыты археологами. С этого времени район Асука становится стабильным центром царской власти и царского строительства. В 642–643 гг. здесь же был возведен дворец Итабуки с 12 воротами и первой в Японии крышей, крытой дранкой. На строительство сгоняли работников чуть не со всей страны: от провинции Тоцуоми — на востоке до провинции Аки — на западе. Размах строительства был вызван спешкой: все работы приказано было завершить менее чем за три месяца; на деле же потребовалось не менее семи месяцев, свободных от полевых работ [Nihongi XXIV, 6, 9]. В 642 г. с участием работников из провинций Оми и Этидзэн в этом же районе отстроен Великий храм — буддийский [Nihongi XXIV, 5]. Одзину приписывается честь основания первого в Японии поселения городского типа — Нанивы (около 291 г. ?), резиденции, окруженной валами и рвами [Nihongi X, 14].

Если первоначально дворец и главный храм религии синто объединялись в одном здании (мия), весьма скромном, — таковым выглядит даже знаменитый храм Исэ, сохраняемый с той поры до наших дней в ходе бесчисленных реставраций-перестроек, — то первые же буддийские храмы, которые появились в середине VI в., оказались трудоемкими постройками, к тому же их требовалось все больше. Строительство главных буддийских храмов находилось в ведении царской власти. По „Нихонги", в 585 или 593 г. возвели первую в Японии пагоду [Nihongi XX, 15; XXII, 1]. В 596 г. был отстроен храм Хокодзи и создано храмовое управление [Nihongi, XXII, 3]. В первой четверти VII в. в Асука было сооружено пять храмов, в том числе и знаменитый храм Хорюдзи (около 607 г.). К 623 г. в стране насчитывалось уже 46 храмов [Nihongi XXII, 38]. Судя по этим данным, роль чужеземных строителей на этой стадии оказалась значительной, а часто и первенствующей. Буддийские храмы и пагоды были строениями, до второй половины VI в. в стране неизвестными и на местные храмовые сооружения непохожими. План, конструктивные части, строительные узлы, в том числе знаменитые кронштейны, тяжелая черепичная крыша, материалы (камень, кирпич, черепица), декоративные приемы в буддийских постройках подчинялись единым, выработанным на материке правилам. Эти правила невозможно было соблюсти на островах без целенаправленного руководства или использования специализированных корпораций, находившихся на царской службе.

Если строительство дворцов и храмов осуществлялось главным образом руками членов производственных корпорций, находившихся в распоряжении царского клана, то возведение курганов создавало другую ситуацию. Курганы возводили не только члены царского клана, но и клановая знать: по примерным оценкам, в Японии зарегистрировано только крупных квадратно-круглых курганов 1087 (см. [Воробьев, 1980, с. 237]), и насыпка курганов была прекращена лишь в ходе реформ Тайка, в 646 г. Наряду с мастерством декораторов, оформлявших погребальную камеру, требовалась организация трудовой деятельности землекопов. Курган, приписываемый царю Нинтоку, считается самым крупным в мире и относится к квадратно-круглым. Его полная длина 475 м, высота круглого холма — 30 м, а квадратной насыпи — 27 м, общий объем насыпи — 1 405 866 куб. м. На его возведении в 400–403 гг. (?) ежедневно должно было трудиться до тысячи человек [Воробьев, 1980, с. 238]. Первое лицо после царя Сога Эмиси еще при жизни, в 624 г., „собрал все население страны, а также зависимых 180 корпораций и воздвиг два кургана в Имаки" [Nihongi XXIV, 8].

Из перечисленных объектов строительства курганы отличались наименьшим практическим значением (что и привело к их запрещению в 646 г.), а храмы — высоким общественным значением, но все они для своего возведения требовали как организационной, так и производственной инициативы царского хозяйства.

Организационная деятельность царской власти в общественном производстве являлась другой стороной единого процесса и также рассматривалась как продолжение деятельности царского хозяйства. Уже приводился пример спора в 310–312 гг. (?) в самом царском клане о том, кому управлять царскими полями Ямато (Ямато-но мита), поскольку эти поля якобы некогда числились за горной опекой, которой могло распоряжаться любое лицо, уполномоченное царем, но полями описанной категории — было разъяснено — распоряжается один царь [Nihongi XI, 3]. К 534–535 гг. относится целая серия взаимосвязанных мероприятий, решительно закрепивших за государем принципиальное право верховной собственности на землю страны: вслед за конфликтом по поводу целевого изъятия земли для нужд царского хозяйства было провозглашено: „Под Небом нет местности, которая не была бы царской" [Nihongi XVIII, 4–5]. В подтверждение этого для работы в царском хозяйстве стали эпизодически применять „мотыжников", призванных из разных мест, и демонстративно создали 26 новых царских владений.

Многозначительны призывы царей к населению усилить занятия земледелием и ремеслами; одно из наиболее выразительных относится к 507 г. [Nihongi XVII, 7]. Еще несколькими десятилетиями раньше, в 472 г., правитель Юряку приказал разводить по всей стране тутовые деревья, листья которых были основным кормом для шелкопрядов [Nihongi XIV, 41]. Из указа 646 г. мы узнаем о существовании до реформ царских инспекторов на рынках [Nihongi XXV, 34]. В их обязанности входило наблюдение за денежным обращением (в то время иноземным), сделками, добротностью товаров, правильностью мер и весов, стабильностью цен.

Как организационное мероприятие можно рассматривать и царскую налоговую политику [Узда, 1959, с. 83] : от сомнительного факта введения налогов и податей в 86 г. до н. э. (?) [Nihongi V, 15] и освобождения населения от трудповинности при затруднениях с продуктами питания в 316 г. (?) [Nihongi XI, 9] до сбора налога зерном в 319 г. (?) [Nihongi XI, 11] и податей изделиями ремесла в 472 г. [Nihongi XIV, 41], обложения земельным налогом полусвободных работников царских владений в 569 г. [Nihongi XVIII, 9]. При любых обстоятельствах реализация налоговой политики объективно способствовала разделению труда между общинами, корпорациями, территориями. Дифференциация продукции, поступавшей через механизм даней, податей, налогов: 1) добыча охоты и рыбной ловли, 2) орудия труда (мотыги и пр.), 3) оружие, ткани, украшения, предметы ритуала, 4) изделия и виды работ и услуг специализированных объединений для нужд двора, демонстрирует не только нарастание в самом процессе, но усиление инициативы царской власти, царского хозяйства, по крайней мере со второй фазы [Цудз, 1968, с. 48–49].

Организационный аспект ощущается и в использовании урожая с царских владений для общественных нужд. В 536 г. царь Сэнка особым указом подчеркнул, что царские амбары предназначены для прокормления как иноземных гостей, так и собственного населения при неурожае, и велел создать вместо отдаленных мелких царских владений одно крупное в Наноцу — в месте, наиболее удобном для осуществления вышеупомянутых задач [Nihongi XVIII, 12]. Когда в 567 г. после наводнения наступил голод, для облегчения бедствия в голодающие районы доставили зерно из соседних [Nihongi XIX, 58].

На базе царского хозяйства строилась система хранения общественных ценностей. Помимо упомянутых царских амбаров в стране существовали „три сокровищницы" (сандзо): в первой хранились ритуальные предметы синтоистского культа (имикура), во второй — дары, присланные корейскими государствами (утицукура), в третьей — дани и налоги (окура) [Florenz, 1919, с. 443]. Именно последняя, созданная в V в., стала впоследствии общественной казной, тогда как две другие возникли как коронные сокровищницы.

Укрепив царское хозяйство и систему корпораций, царская власть добилась расширения запашки, подъема ремесла [Узмура, 1968, с. 17—18]. Археологические раскопки дают впечатляющие примеры унификации многих категорий изделий, обнаруженных в разных концах страны, таких, как граненые бусы, зеркала со стандартным орнаментом, глиняные кругляки-обереги (ханива), железные мечи, детали конской упряжи, церемониальная керамика „суэ" [Воробьев, 1958, рис. XXV, 1–4, 8; XXVI, 6, 7, 15; XXVII, 1, 7; XXVIII, 5, 8, 9; XXIX, 2, 4, 9, 10, 13, 15]. Особенно хорошо видна унификация на керамике „суэ". К легендарной древности, к 3 г. (?), отнесено в „Нихонги" замечание об отправке в провинцию Идзумо человека для отбора 100 работников из корпорации гончаров [Nihongi, VI, 19]. В 463 и 588 гг., по этому же источнику, прибыли гончары из Пэкче [Nihongi XIV, 23; XXI, 13]. Царское гончарное ремесло, сложившись в

районе Нанива с привлечением иноземных мастеров, прошло ряд стадий на пути превращения в подлинно общественное: от столичного царского (и местного, заводимого в кланах с помощью тех же иноземцев) через отправку специалистов на места для создания там гончарных печей к деятельности новых местных гончарных центров, чья продукция требовалась храмам и местным учреждениям [Nakamura, 1981]. Именно на этом примере слияние производственных и организационных функций царского хозяйства оказалось наиболее наглядным.

Наконец, третья функция царского хозяйства — репрезентативная. Царское хозяйство, с одной стороны, служило образцом для общественного хозяйства в Ямато в то время, а с другой — намечало пути для грядущих изменений. В первом случае роль царского хозяйства в Японии растворена в пространном описании его структуры и функций, поэтому здесь необходимо отметить лишь самые общие положения. Царское хозяйство явилось зародышем качественно новой экономической и политической структуры. Возникнув как личное, частное владение царя (коронное), оно открывало возможности изъятия общинных и клановых земель (например, в 534 г.) [Nihongi XVIII, 2], прямых конфискаций (после падения дома Мононобэ в 587 г.) [Nihongi XXI—10], отторжения таких земель в казенные (Ямато-но мита), распространения понятия коронных владений на целые территории по политическим мотивам (на Мимана в 591 г.), формирования принципа верховной собственности на землю (декларация 534 г.). Это же хозяйство демонстрировало новый подход к организации трудовых коллективов. В царских владениях работали члены полузависимых земледельческих корпораций, в период страды им помогали привлекаемые с мест „мотыжники". Земледельцы были объединены в дворы, получали участки для обработки, платили налоги. В этой организации были заложены элементы будущей надельной системы, а каждое царское владение являлось законченным целым, объединяя в себе землю, работников, хранение и распределение урожая на разные нужды, в известной степени и на общественные, государственные. Регистрация земледельцев царских владений (например, в Сираи в 569 г.) стала прообразом будущей подачи подворных списков.

Организация ремесленных корпораций, особенно из переселенцев, в царском хозяйстве давала пример для подобных же действий в масштабе хозяйств кланов. Осуществлялась сознательная вербовка специалистов за рубежом: отказ Силла в 285 г. (?) удовлетворить одно из таких требований вызвал военный конфликт [Nihongi X, 11—12]; аналогичные обращения к Пэкче в 463, 553 гг., к Китаю в 600 г. оказались более успешными [Nihongi XIV, 21—22; XIX, 38]. Прибывших иноземных ремесленников подвергали той же регистрации, что и приезжих земледельцев в 472, 492, 540 гг. и др., которая после 646 г. стала уделом всего трудового населения. Именно корпорации из переселенцев отличались наивысшей степенью хозяйственной организации, достигнутой царской властью до 646 г.

Именно в сфере царского хозяйства и особенно трудом иноземных ремесленников и деятелей культуры были достигнуты успехи как производственного, так и культурного характера, оказавшие, однако, глубокое

и долговременное влияние на общество и на его трудовую деятельность. Внедрение китайской письменности и арифметики, землемерных операций и системы мер и весов, лунно-солнечного календаря и рецептов отливок из цветных металлов, корейских знаний в области технологии обработки кожи, красителей, изготовлении бумаги, архитектуре, отливке монументальной скульптуры происходило почти исключительно через царское хозяйство. Организация счетного дела, письменной части, наблюдений за погодой и службы времени, широкой разведки полезных ископаемых и минералов, железолитейного дела, получения высококачественных тканей, керамических, лаковых, металлических, ювелирных изделий оставалась в сфере царского хозяйства (ср. [Воробьев, Соколова, 1976, с. 17—32]).

Отношения между царским хозяйством и хозяйством общественным не были идиллическими: в некоторых аспектах эти хозяйства становились соперниками, когда речь заходила о праве кланов на землю, на корпорации зависимых, на доходы от хозяйства и от работников. Именно эти болезненные стороны отношений отмечены в царском указе 646 г. [Nihongi XXV, 12—13]. Но объем и мощь царского хозяйства оказались настолько значительны, а роль его для общественного хозяйства столь велика, что именно оно создало экономическую базу, обеспечившую царскому дому дальнейшее возвышение в ходе реформ Тайка (с 646 г.) создание образца общественного хозяйства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Энгельс — *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 20

Воробьев, 1958 — *Воробьев М.В.* Древняя Япония (Историко-археологический очерк). М., 1958.

Воробьев, 1980 — *Воробьев М.В.* Япония в III—VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М., 1980.

Воробьев, Соколова, 1976 — *Воробьев М.В., Соколова Г.А.* Очерки истории науки, техники и ремесла в Японии. М., 1976.

Древние фудоки, 1969 — Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн), М., 1969.

Исимода, 1962 — *Исимода Сё.* Кодайси гайсэцу (Краткий очерк древней истории). — Иванами кодза Нихон рэкиси (История Японии в сборниках [издательства] Иванами). Т. 1. Токио, 1962.

Кокка, 1954 — Кокка-но сэйсэй (Создание государства). Токио, 1954.

Конрад, 1974 — *Конрад Н.И.* Избранные труды. История. М., 1974.

Сырицын, 1970 — *Сырицын И.М.* Современная японская историография о формировании и социальной структуре древнего государства. — Вестник Московского университета. Серия XIV: Востоковедение. № 2. М., 1970.

Танаами, 1970 — *Танаами Хироси.* Образование системы земельных налогов. — Нихон рэкиси (История Японии). Токио, 1970, № 4 (263).

Уэда, 1959 — *Уэда Масааки.* Нихон кодай кокка сэйрицу си-но кэнкю (История создания древнего государства Японии). Токио, 1959.

Уэмура, 1968 — *Уэмура Дзиндзо.* Две стороны организации рабочих-специалистов в древнем деспотическом государстве [Японии]. — Рэкиси хёрон (Критика истории). Токио, 1968, № 210.

Харасима, 1977 — *Харасима Рэйдзи.* Нихон кодай онкан-но кансэй (Становление императорской власти в японской древности). Токио, 1977.

Хирано, 1962 — *Хирано Кунио.* Общественная структура до Тайка. — Иванами кодза Нихон рэкиси (История Японии в сборниках [издательства] Иванами). Т. 2. Токио, 1962.
Хондзё, 1927 — *Хондзё Эйдзиро.* Социальная история Японии. М., 1927.
Цудэ, 1968 — *Цудэ Хироси.* Проблема разделения труда по данным археологии. — Кокогаку кэнкю (Археологические исследования). Токио, 1968, т. 15, № 2 (58).
Aoki, 1974 — *Aoki Michiko.* Anciant Myths and Early History of Japan. A Cultural Foundation. N. Y., 1974.
Asakawa, 1963 — *Asakawa Kan'ichi.* The Early Institutional Life of Japan. A Study of Raform of A.D. 615. N.Y., 1963.
Florenz, 1890 — *Florenz K.A.* Dia staatlicha und gesellschaftlicha Organisation im alten Japan. — Mittailungan dar Deutschan Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasians. Tokyo, 1890, Bd. 5. Ht. 44.
Florenz, 1919 — *Florenz K.* Die historischa Quallan der Shinto-Religion aus dem altjapanischan und chinesischen übarsetzt und erklärt. Göttingen-Laipzig, 1919.
Gonthiar, 1959 — *Gonthier A.* Histoire des institutions japonaises. Bruxellas, 1956.
Hall, 1966 — *Hall J.W.* Governmant and Local Power in Japan 500 to 1700. A Study Based on Bizen Province. Princeton, 1966.
Héber, 1911 — *Héber E.A.* L'origina des classes sociales japonaises et leur évolution jusqu'à la restauration de Meiji. — Revue économique internationale. P., 1911, 8-é année, vol. 4, № 1.
Inoue, 1977 — *Inoue M.* Tha Ritsuryo System in Japan. — Acta Asiatica. Tokyo., 1977, № 31.
Iyanaga, 1964 — *Iyanaga T.* On tha Two Types of Miyake. — Nagoya daigaku bungakubu kenkyu ronshu: Shigaku (The Journal of the Faculty of Literature, Nagoya University: History). Nagoya, 1964, № 12 (vol. 35) (Japan Taxt).
Japan, 1951 — Japan in the Chinese Dynastic Histories Later Han Through Ming Dynasties. Tr. by Ryusaku Tsunoda. South Pasadana, 1951.
Kameda, 1960 — *Kameda T.* Resaarching Currents on Irrigation in Anciant Japan. — Rakishigaku kankyu (Journal of Historical Studias). Tokyo. 1960, № 246 (Japan Taxt).
Kiddar, 1972. — *Kidder J. Edw.* Early Buddhist Japan. L., 1972.
Kojiki — Kojiki. Translated With an Introduction and Notes by D.L. Philippi. Tokyo, 1969.
Lewin, 1962 — *Lewin Br.* Aya und Hata. Bavölkarungsgruppen Altjapans kontinantalar Harkunft. Wiesbaden, 1962.
Mitsuhashi, 1966 — *Mitsuhashi T.* Japanese Farming Prior to tha Taika Raform. — Kaizai Ronshu (The Economic Raview of Kansai University). Tokyo, 1966, vol. 16, № 4/5 (Japan Text).
Nachod, 1906 — *Nachod O.* Geschichta von Japan. Bd. 1: Dia Urzait (bis 645 n. Chr.). Gotha, 1906.
Nakamura, 1981 — *Nakamura H.* Stagas of tha Spread of Sua Pottery Manufacture. A Considaration on tha Emargance of Provincial Kilns. — Kokogaku zasshi (Journal of tha Archaeological Society of Nippon). Tokyo, 1981, vol. 67, № 1 (Japan Taxt, English Resume).
Naoki, 1968 — *Naoki K.* Tax Systam and "Miyaka" in Anciant Japan. — Jimbun kenkyu (Studies in the Humanities. Bulletin of tha Faculty of Litaratura, Osaka City University). Osaka, 1968, vol. 20, № 9 (Japan Text).
Nihongi — Nihongi. Chronicles of Japan From tha Earliest Times to A.D. 697. Translated From Original Chinese and Japanese by W.G. Aston. L., 1956.
Okubo, 1894 — *Okubo T.* Die Entwickelungsgeschichte dar Territorialverfassung und Selbstverwaltung Japans in politischar und insbasondaran wirtschaftlichar Baziahung. Halla, 1894.
Wedemeyer, 1930 — *Wedemeyer A.* Japanischa Frühgaschichta. Untersuchungan zur Chronologie und Territorialverfassung von Alt Japan bis zum 5 Jh n.Chr. Lpz., 1930 (Mitteilungen dar Deutschan Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasians. Suppl. Bd. 11).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории. М.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения (ИМП.) Русского археологического общества. СПб., Пг.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.-Л.
ИДВ, 1983 — История древнего Востока, Ч. 1. М., 1983.
КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.
НАА — Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. М.
ПППИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л.
ПС — Палестинский сборник. М.-Л.
ПСОФЗДВ — Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984.
СВ — Советское востоковедение. М.
СВД — *Рифтин А.П.* Старо-вавилонские документы в собраниях СССР. М.-Л., 1937.
АА — Acta Antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest.
ABL — *Waterman L.* Royal Correspondence of the Assyrian. Ann Arbor. 1930.
AbB — Altbabylonische Briefe
AF — Altorientalische Forschungen. B.
AfO — Archiv für Orientforschung. B., Graz.
ArOr (AOr) — Archiv Orientâlní. Praha.
AS — Assyriological Studies. Chicago.
ASAE — Annales du Service des antiquités de l'Egypte. Le Caire.
BABA — Beiträge zur ägyptischen Bauforschung und Altertumskunde. Wiesbaden.
BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research. New Heven, Conn.
BSFE — Bulletin de la Société Française d'Egyptologie. P.
CA — The City of Akhenaten. Pt. 1—3. L., 1923—1951.
CAD — The Assyrian Dictionary of the University of Chicago. Chicago — Glückstadt, 1953—1984.
CAH — Cambridge Ancient History. Cambridge
CT — Cuneiform Texts from Babylonien Tablets in the British Museum
EA — *Davies N.* de G. The Rock Tombsof El Amarna. Pt 1—6 L., 1903—1908.
Gordon Smith College — *Gordon C.H.* Smith College Tablets. Northampton, Mass.
IEJ — Israel Exploration Journal. Jerusalem
JANES — The Journal of the Ancient Near Eastern Society of Columbia University. N.Y.
JCS — Journal of Cuneiform Studies. New Haven.
JEA — The Journal of Egyptian Archaeology. L.
JEOL — Jaarbericht van het Vooreziatisch-egyptisch Genootschap "Ex Oriente lux". Leiden
JESHO — Journal of Economic and Social History of the Orient. Leiden
JNES — The Journel of Near Eastern Studies. Chicago.
KRI — *Kitchen K.A.* Remesside Inscriptions. Historicel end Biogrephical. Vol. I—VII. Oxf., 1969—1987.
LAD — *Leemans W.F.* Legal and Administrative Documents of the Time of Hemmurapi end Samsuiluna. Leiden, 1960.

LER — *Leemans W.F.* Legal and Economic Records from the Kingdom of Larsa. Leiden, 1954.

MDAIK — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. Mainz

Mél. Maspero — Mélanges Maspero. I. Orient ancien. Le Caire, 1re fasc. 1934; 2me fasc 1935—1938; 4me fasc. 1961.

OA (Or. Ant.) — Oriens Antiquus. Roma

PAAJR — Proceedings of the American Academy for Jewish Research. Jerusalem

PN — Proper Name

Poebel — Legal and Business Documents from the Time of the First Dynasty of Babylon, Philadelphia, 1909.

RA — Revue d'assyriologie. P.

RAI — Rêncontre assyriologique Internationale

RB — Revue Biblique. P.

RdE — Revue d'égyptologie. P.

RIDA — Revue internationale des droits de l'antiquité. Bruxelles

RT — Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. P.

SAK — Studien zur altägyptischen Kultur. Hamburg

SPAW — Sitzungsberichte der königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse. B.

STEANE — State and Temple Economy in the Ancient Near East. Vol. II. Leuven, 1979.

TCL — Texts cunéiformes du Louvre

TIM — Texts in the Iraq Museum

TS — *Jean Ch.* F., Tell Sifr. P., 1931.

UET — Ur Excavations Texts

UFo — Ugarit Forschungen

Urk. IV — *Sethe K.* Urkunden der XVIII. Dynastie. Bd. 1—4. Lpz., 1906—1909; *Helck W.* Urkunden der 18. Dynastie. Hefte. 17—22. B., 1955—1958.

VAS — Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Staatlichen Museen zu Berlin

Wb. — [*Erman A., Grapow H.*] Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd. 1—7. Lpz., 1926—1963; Die Belegstellen. Bd. 1—5. Lpz., 1940—1953.

YOS — Yale Oriental Series. Babylonian Texts

ZA — Zeitschrift für Assyriologie und Verwandte Gebiete. Hrsg. von C. Bezold. Strassburg.

ZÄS — Zetischrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Lpz., B.

ZAW — Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. B.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Научное издание

ГОСУДАРСТВО
И СОЦИАЛЬНЫЕ
СТРУКТУРЫ
НА ДРЕВНЕМ
ВОСТОКЕ

Редактор *Баринова Н.В.*
Младший редактор *Скачко Н.Л.*
Художник *Л.Э.Немировский*
Художественный редактор *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Власова*
Корректор *Л.Н.Дегтярева*

ИБ № 15996

Сдано в набор 05.01.89
Подписано к печати 14.07.89
Формат $60\times90^1/_{16}$. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. п.л. 10,0. Усл. кр.-отт. 10,25
Уч.-изд. л. 11,09. Тираж 2250 экз. Изд. № 6443
Зак. № 189. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАУКА"

готовится к изданию книга

Берзина С.Я. Мероэ и окружающий мир. I—VIII вв. 22 л.

Мероэ, древнейшая цивилизация Черной Африки, находилась в долине Нила, на территории, ныне входящей в Республику Судан. Это единственная собственно негрская цивилизация древнего мира.

В монографии впервые в отечественной и мировой науке на широком материале, включая памятники письменности, искусства, археологические данные, описываются прямые и опосредованные связи мероитов с другими районами Африки, странами Ближнего Востока, Индией, Китаем.

1 р. 40 к.

Государство и социальные структуры на древнем Востоке

«Цари и города древней Месопотамии», «Государство в системе социальных институтов в древней Палестине», «Некоторые черты положения земледельцев в империи Цинь» — таковы сюжеты лишь отдельных статей, вошедших в коллективный труд востоковедов Ленинграда, которые предприняли попытку выяснить, как политические и идеологические институты и представления воздействовали на экономическую и социальную структуру древневосточного общества.